

Г.М. Бутаков

Мне и вправду везло...

В 1998 году на одном из заседаний Клуба почетных граждан Иркутска, которое проходило в Музее истории города, прозвучало предложение о подготовке и издании воспоминаний именитых горожан. Первой на это предложение откликнулась Лидия Ивановна Тамм. Ее «Записки иркутянки», неоднократно изданные нами, стали уже библиографической редкостью. За 10 лет музеем были подготовлены и отпечатаны также воспоминания Бориса Александровича Демьяновича и Елизаветы Васильевны Патрушевой.

Продолжая полновившуюся читателю серию, сегодня мы с гордостью представляем новую книгу. Ее автор – Почетный гражданин города Иркутска Геннадий Михайлович Бутаков – человек, который неразрывно связан с нашим музеем все годы его существования, является нашим почетным дарителем.

Геннадий Михайлович Бутаков – иркутский журналист. 18 лет, с 1986 по 2004 год, он редактировал газету «Восточно-Сибирская правда». При нем она достигла максимального тиража, превышающего 200 тысяч экземпляров. Почетный гражданин города Иркутска, почетный профессор Иркутского государственного университета, он награжден орденом Трудового Красного Знамени, удостоен знаков «За заслуги перед прессой» и «За развитие энергетики Приангарья», званий «Мэтр журналистики» и «Интеллигент провинции».

Г.М. Бутаков и сегодня деятелен. Он председатель ГЭКа факультета филологии и журналистики ИГУ, член ученого совета Музея истории города Иркутска, член президиума областного отделения ВООПИиК. Сотрудничает с прессой, продолжает исследовать топонимику Приангарья. Новая книга о людях, с которыми ему довелось встретиться и работать, о жизненных перипетиях, о семье, в которой он счастлив, о городе, в который влюблен.

Уверена, что настоящее издание найдет своего читателя и не задержится на полках книжных магазинов.

В добрый путь, Геннадий Михайлович!

*Директор МУК «Музей истории города Иркутска»
Ирина Терновая*

Мне и вправду везло...

Г.М. Бутаков

Геннадий Бутаков

Мне и вправду везло...

Иркутск
2010

*Мне и вправду
везло...*

Геннадий Бутаков

**Иркутск
Оттиск 2010**

УДК 94 (571.53)
ББК 63.3 (2Рос-4Ирк)

Бутаков Г.М. Мне и вправду везло... – Иркутск : Оттиск, 2010. – 184 с.

Настоящая книга продолжает серию воспоминаний почетных граждан нашего города. Ее автор – журналист Геннадий Михайлович Бутаков – пишет о своей жизни, профессиональном и общественном труде, рассказывает о людях, с которыми довелось работать, интересных встречах и делах, памятных событиях из жизни нашего города и Иркутской области.

ISBN 978-5-93219-249-8

© Г. Бутаков, 2010
© Оттиск, 2010

Предисловие

Он позвонил и сказал своим раздумчивым голосом:

— Старичок, я вот книжку нашел про станцию Тайшет. Там есть абзац о твоём отце. И прочел мне этот абзац о железнодорожной тайшетской школе, где мой отец много лет — до и после Великой Отечественной — директорствовал. А потом Бутаков (звонил именно он) подарил мне эту нарядно, но крохотным тиражом изданную на средства Восточно-Сибирской железной дороги книгу. Дорогой сердцу подарок.

Валерий Кашевский

Кое-что я знаю, но не стану открывать секрета, откуда такие вот редкие нынешние или не менее редкие до-революционные, с ерами и ятью издания в семейной библиотеке. Немаленькая его квартира заставлена стеллажами книг. На полках — безбрежное море — от Брокгауза и Ефрона до Эдуарда Лимонова. И это несмотря на то, что значительную часть своего библиораритета он передал музею Иркутска. Любовь к книгам у моего друга не с тех пор, когда он в первый свой студенческий год подрабатывал книгоношей, а с раннего детства, когда он принес в библиотеку в качестве залога работу Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

Давным-давно, еще молодыми, брели мы с ним пригородными перелесками.

— Смотри, старичок, это мятлик луговой, а это медуница.

И назвал еще с десяток или больше трав, по которым я, конечно же, ходил, но редко задумывался, каковы их ботанические данные. А попутчик мой знал не только названия трав, но и их вкус. В полуголодном послевоенном детстве он их ел, как ел все, что растет, кроме вороньего глаза, белены да волчьей ягоды. Об этом так вкусно рассказано в книге, которую вы держите в руках, что хочется вернуться в детство.

Поучительно ходить с ним по старым иркутским улицам. Расскажет, где была ранешняя Сарайная, а где Дегтевская. И почему они так назвались. Отличит среди других дома самой старой постройки и перечислит элементы их архитектуры: клеть, подклеть, горница... Покажет уцелевшие детали резных украшений: причелину и полотенец, верю и конек.

Он знает, почему одно урочище под Верхоленском зовётся Засекой, а другое — Старым острогом. И откуда у речки Куленга взялось ее название. Топонимика занимала его смолodu, с тех пор, когда работал в качугской райгазете. Занимала и занимает так всерьез, что мы с вами, наверное, скоро увидим книгу по сибирской топонимике. Автор — Геннадий Бутаков.

Зная Геннадия со времени, когда он был студентом-практикантом, и зная немало того, чего не знают другие, я мог бы продолжить разговор о разных ипостасях и увлечениях своего старого товарища. Ну, например, о том, как отчаянно хлещет он себя березовым веником в раскаленной бане или ...

И все это оттуда, из радостно-безрадостного послевоенного детства. Все мы оттуда.

Несмотря ни на что, оно, детство все равно имело и розовые оттенки. Полуголодные, а то и вовсе голодные пацаны, добывши неведомо как пятьдесят копеек, если не удавалось прошмыгнуть мимо контролёра, покупали билет и смотрели кино. «Джюльбарс», «Тринадцать», «Аршин мал-алан», трофейный «Тарзан», приключения, сказки. Как сказку принимали и пырьевский фильм «Кубанские казаки». Думали вслух, а чаще про себя: «Вон как славно на Кубани люди живут. Еще год-два, и у нас в Сибири такая же жизнь настанет». Почти полвека пройдет, пока из воспоминаний участников съемок мы узнаем, что киношные застольные яства были бутафорией. А тем временем послевоенные мальчишки и девчонки падали в обморок в очередях за хлебом. Отдышавшись и получив норму (какое счастье, если оказывался заветный и законно твой привесок), шли в школу, а после уроков клеили из картинок-вырезок из «Пионерской правды» и «Огонька» монтажи «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!».

У меня в детстве не было поблизости, под рукой, никакой путной речки. Но когда я читаю, как Бутаков ставил стеклянную банку с приманкой на мальков-гольянов на своей Белой, не только ради охотничьего азарта, но и для того чтобы семье был какой-никакой прикорм, я лучше понимаю, как выжили — физически и духовно — люди, которым сегодня под-, или чуть-чуть за-, или ровно семьдесят. То его ровесники, то дети войны.

Теперь совсем о другом. Геннадий Михайлович вырос, отслужил в Советской Армии, проработал немало лет и в районной «Ленской правде», и в областной «Советской молодежи», и на телевидении, и в «Восточно-Сибирской

правде», и в обкоме КПСС, как пришла неожиданная напасть. В руках у меня номер «Востсибправды» за 25 апреля 1990 года. В конце последней страницы, как полагается, подпись «Редактор Г.М. БУТАКОВ», а на первой, на самом видном месте, постановление VI пленума Иркутского обкома КПСС, его основной смысл: «За слабую работу по устранению критических замечаний, несвоевременное реагирование на критику кандидату в члены бюро обкома КПСС редактору «Восточно-Сибирской правды» т. Бутакову Г.М. объявить выговор». Кто еще не забыл порядки тех лет, не даст мне соврать, что этот публичный выговор был почти что приговором, наверное, не смертным, но означавшим конец карьеры для выговариваемого. В том же номере родной газеты еще два разворота с отчетом с того пленума, где партийные функционеры гневно клеймили ренегата Бутакова. Что его спасло? Да вернитесь к дате выхода газеты. 1990-й год. Массовый побег членов Коммунистической партии из ее рядов, близкое и неизбежное крушение КПСС. Бутакову и потом на посту главного редактора «ВСП» пришлось провести корабль-газету через нештучные штормы-ураганы.

Он такой разный и всегда одинаково сосредоточенный на главном своем деле, самый старший мой товарищ Геннадий Бутаков. Он был таким и когда студентом пришел на практику к нам, в строительный отдел «Восточно-Сибирской правды», и когда, впрягшись в постромки главного редактора этой самой газеты, в те самые 90-е годы, которые теперь почему-то обозвали лихими, хлопотал не столько о ее содержании, сколько о том, чтобы это содержание с помощью непомерно вздорожавших бумаги, краски, полиграфических услуг обратить в печатную продукцию, без которой не могла жить привыкшая к газете область. Они выстояли, и редактор Бутаков, и направляе-

мая им газета. (Кстати, историки иркутской прессы отметили, что Г.М. Бутаков стал самым «продолжительным» редактором «ВСП».)

Для Геннадия Михалыча заботы главного редактора — это правда, вынужденная упряжь. А главное это, конечно, то, что рождалось на чистом листе бумаги, слово, обращенное к читателю. Я хоть и объездил по газетным делам всю область, кажется, ни разу не был на полях заларинского «картошечника» Пестова. Однако, благодаря очеркам Бутакова, через десятки лет ощущаю терпкий запах картофельной ботвы, вижу вживе картину вырытых из благой земли крепких клубней. И конечно, будто не читаю, а слышу речь автора тех очерков Геннадия Бутакова, его детские воспоминания о том, что за лакомство была испеченная в костре сентябрьская картошка.

Жизнь не баловала Бутакова ни в детстве, ни потом. Доводилось слышать, что советские журналисты жили в тепле и довольстве. Побывали бы вы году этак 80-м в квартире многолетней семьи моего друга в деревянном, блиставшем отсутствием всяких благоустройств жилище на улице Грязнова, тогда поняли бы, что партия держала своих подручных во вполне черном теле.

«Мне и вправду везло...» Так назвал Геннадий Михайлович книгу воспоминаний. Но, без сомнения, это книга не столько об ее авторе, сколько о «везении», выпавшем на долю всего российского поколения детей войны. Доля будто бы элементарно простая вроде игры в чику или пристенок. Но сколько в ней лабиринтов, закоулков и тупиков! Геннадий Бутаков прошел их достойно. Интриг и наветов и нынче хватает. Звание Почетного гражданина города не защищает ни от злых языков, ни от пистолета.

Строго говоря, книга эта не только об его, автора, поколении. Но и о детях совсем другой, однако не менее

жестокой войны — Гражданской. О маме Геннадия Людмиле Васильевне, она и сейчас, в преклонном возрасте, обаятельна и привлекательна. О теще Марии Ивановне, умевшей до конца дней своих держать в руках бразды правления большой семьи дочери и зятя. И о тесте Михаиле Фомиче Огородникове. Он в Гражданскую скакал в седле в рядах 25-й Чапаевской дивизии. Осел в Иркутске, был в числе первых основателей и руководителей здешнего спорта. Не знаю, почему летописцы и историки иркутского спорта в своих книгах и статьях не вспомнили этого человека. Зря. Но жизнь старшего поколения Бутаковых—Огородниковых служит азимутом для их потомков.

А число потомков растет год от года. Обзавелись своими семьями все трое сыновей и дочка Василина. На днях кто-то из приятелей неудачно пошутил: «Гена, люди женятся по три-четыре раза, а ты с Катериной Михайловной неизменно живешь полвека». Но они такие, Бутаковы. Постоянные.

Еще раз скажу: если хотите узнать или вспомнить жизнь поколения, которое зовется поколением детей войны, сядьте за стол и прочтите эту книгу.

Валерий Кашевский,

*старший преподаватель ИГУ,
член Союза журналистов России*

Начало

Кто-то берег меня на этой земле и кроме родных и близких. Сколько раз мог убраться. Рос непоседой. Может, ангел слетел, когда я, голопузый стоял на взгорке, а вокруг бушевала гроза. Ливень бил по голове, гремел гром, молнии, похоже, втыкались возле ног.

Игра была у нас в Якутске. Пацаны лет трех-четырех дорогу перебежали перед машинами. Слава Богу, мало их было на исходе войны. Побежал и я в свою очередь, споткнулся и упал, машина надо мной проехала. И не задела.

Из Якутска в Осетрово плыли на пароходе. Они тогда топились дровами. На пристанях матросики носилками таскали чурки на палубу. Я увидел что-то интересное на берегу, кажется, ягоды. На трапе меня и задели носилками. Упал я в узкий прогал между бортом и причальной стенкой. Плавать еще не умел. Может, тот матросик, что задел, может, другой кинулся за мной и вытащил.

В Тайтурке решили сплавать «на ту сторону». А Белая здесь делает поворот, у правобережного берега течение отбойное. Гребусь по-собачьи, а берег не приближается. Силы кончаются. Заорал. Подплыл Франка, сын ссыльного литовца, дотолкал меня в спину до мели. Зато назад плыть было милое дело. Поднимаешься чуть выше, забредаешь и течение почти без твоего труда выносит тебя к родному берегу

Мне 17 лет. Я уже второе лето работаю сплавщиком леса. Утром спускаюсь к главным воротам запани, и вижу — валяется многожильный алюминиевый провод. Ночью прошла гроза, видимо, порвало линию. Вот повезло! Из

такого провода мы плели рыболовные устройства — морды или корчаги, кто как назовет. Отломить провод я решил повыше, у столба. Оказалось, фаза. Видимо, при падении, потеряв сознание, я оторвался от провода. Спасли, конечно, бродни, резиновые сапоги сплавщика. Но мне кажется, не только они.

Студенческие годы. На телятнике в Михайловке (я об этом еще расскажу) ставили стропила. Я сорвался. Упал удачно, как кошка, на ноги. Следом сверху прилетел мой топор. Кованое бриткое лезвие пробило сапог, прорезало мякоть ступни. Назавтра, переобувшись в кеды, я уже был трудоспособен.

Их было немало, случаев техногенного или межличностного характера, когда хаос неизбежного конца подкрадывался вплотную и заглядывал в глаза, но какое-то легкое дуновение в следующий момент относило его прочь.

Родословная

Моя мама Людмила Васильевна Тимошенко родилась в Иркутске в 1922 году на улице Мыльниковской (ныне Чкалова). Дом снесли, когда строилось второе здание иняза и благоустраивался угол, примыкающий к площади Кирова.

Мамина мать, Мария Даниловна, была из семьи Дудниковых, мещан города Якутска, по происхождению ясашных, сахаляр. В Иркутск Дудниковы приехали, видимо, после иркутского пожара 1879 года, были строительными подрядчиками, бабушка даже показывала дома на Большой улице (Карла Маркса), которые они строили. Какое-то родство или свойство (детская память не сохранила) связывало семью с Михаилом Васильевичем Загоскиным.

Об этом тоже говорила бабушка, когда мы навещали с ней на Иерусалимском кладбище могилы моих рано умерших дядьев. Песчаниковые плиты располагались рядом с памятником Загоскину.

У маминого отца, Василия Петровича, папа был немец (имя, к сожалению, не сохранилось). Потеряв во время того же пожара свое дело, он уехал в Германию. Звал с собой жену, но сибирячка ехать в «немецчину» отказалась. Тимошенко — это уже фамилия дедова отчима. В молодости Василий Петрович работал грузчиком на пристани, но самоучкой освоил бухгалтерское дело и, когда в начале прошлого века они обвенчались с Марией Даниловной, был бухгалтером губернского суда. У них было четверо детей: старшая дочь Зина, двое сыновей, Виктор и Геннадий, и младшая — моя мама. Бухгалтерского жалованья хватало, чтобы содержать дом и снимать на Кае летнюю дачу. Отец туда на извозчике привозил продукты. Остановливался на крутом берегу, дети бежали встречать его. А на Синюшиной горе в лесу собирали цветы и устраивали гулянья.

Советскую власть Василий Петрович не уважал, она ему платила тем же. Истово верующий человек, пел на клиросе в храме, срывал красные галстуки с дочерей, заманивал их в церковь, обещая пирожные. Его понизили в должности, потеснили с жильем. Пришел голод. Вот тогда-то моя хитрая маленькая мама и подружилась с дочерью первого секретаря крайкома ВКП(б) Михаила Осиповича Разумова. А что, в одной 11-й школе учились. В одном дворе жили. Для дочки Разумова во дворе зимой делали горку. «Я звала ее кататься, — вспоминает мать, — стараясь подгадать, когда они за стол садились. Смотришь, и мне булка с маслом доставалась».

Семья, видимо, растерялась. Чем еще можно объяснить, что друг за дружкой умерли два маминых брата,

Виктор и Геннадий. Все сидели на пороге, на сквозняке, дожидаясь старших с кормежкой, потом писали красным и чуть ли не одновременно стихли.

Это на глазах маленькой мамы пронеслись кошевичники, отшумел и стих торгсин, меняющий последние золотишки и камешки обывателей на крупчатку. Рухнул взорванный Казанский собор (жили-то рядышком!).

Надо отдать должное: и в семье, и в городе происходили и положительные изменения. Заработав на слюдабрике трудовой стаж, окончила мединститут мамина сестра Зина. Училась, кстати на одном курсе с известным в городе врачом-хирургом Анной Ивановной Лабаевой. Получила направление в Тыреть. В Тыретьской больнице акушер-гинеколог Зинаида Васильевна Иванова (по мужу) проработает несколько десятилетий, станет заслуженным врачом Республики. Высыпали первенцы пятилеток: чаепрессовка, завод имени Куйбышева, авиазавод, берега Ангары соединил красавец мост.

Этот мост и нанесет еще один удар по семье. В 1937 году Василия Петровича арестуют. Его обвинят в намерении взорвать мост. Дед не возьмет на себя напраслину, не согласится с обвинением, не подпишет бумаг, хотя следователи с улицы Литвинова будут стараться. Как он расскажет потом жене, били какими-то мраморными досками. Вернется он уже не жильцом, скоро умрет. В той же Тырети, куда моя бабушка с пятнадцатилетней мамой уедет нянчиться с первым внуком Борисом, сыном тети Зины. Школу мама не закончит, пойдет работать в пекарню, таскать мешки с мукой, месить вручную тесто в дежах. Тихое слово «припек» не раз выручит нас с мамой в войну.

Приснопамятным летом 1941 года моя мамочка Людмила Васильевна Тимошенко вышла замуж за Василия Яковлевича Новопашина. Корни фамилии из деревни

Новопашиной с Верхней Лены. По ревизской сказке 1723 года она уже стояла на правом берегу Лены, чуть выше Тутуры и наискосок от левобережной деревни Пономаревой. Теперь ее имя на карте сопровождает пометка «нежилая». Иван Федорович Пономарев, работник облсовпрофа, местный уроженец, сосед, даже нарисовал мне на листочке расположение домов в деревне. Фамилия Новопашиных, судя по историческим документам Герхарда Миллера, встречается среди енисейских землепашцев еще в XVII веке. С насиженного ленского берега семью деда Якова согнала коллективизация. Раннее детское воспоминание. Я наверное еще и не ходил. Лежу закутанный в саях, смотрю на полосатую — белое с черным — дугу и бьющийся в звоне бубенец под дугой. Это мы едем с дедом Яковом то ли из первой Тырети во вторую, то ли наоборот, из второй в первую. Теперь уже никто не уточнит.

Осенью 1941 года Василий Яковлевич Новопашин ушел на фронт, а в мае 1942-го появился на свет я — по рождению Геннадий Васильевич Новопашин.

До Победы мать ждала мужа. А потом сарафанное радио принесло известие, что не торопится он возвращаться, пессию себе завел.

...Летом 45-го, освободившись из Озерлага, в Тырети появился Михаил Андреевич Бутаков. Здесь жила его тетка, Ершиха. Он хорошо играл на гитаре, пел, был смел и безудержен. Ходил по пятам за матерью, ночевал с ножом на крыльце и в конце концов добился расположения. Тайну моего усыновления в семье берегли крепко, и я, возможно, никогда бы не узнал об этом, если бы не двоюродная сестра Наталья, дочь тети Зины, которая мне восьмилетнему, когда я гостил у бабушки, «открыла глаза», показав на проезжающего мотоциклиста: «Вот твой отец едет». Конечно же, язвочка этого знания жгла детскую душу

всегда. Но и отцом мне всегда был только Михаил Андреевич Бутаков. После его кончины я, уже тридцатилетний, побывал в Заларях, где жил тогда с семьей Василий Яковлевич. Волновался, конечно, и он растерялся. Посидели за столом, посмотрели друг на друга, поговорили. Больше не виделись. Сейчас его тоже нет в живых.

Бутаковы — старинный сибирский казачий род. В «Илимской пашне» В. Шерстобоева фамилия встречается часто. Еще в середине 17-го века казачий пятидесятник Игнат Бутаков «со товарищи» сопровождал рудознатца Шестака Коршунова по Илимю в поисках железной руды. Руду они нашли. Шестаковское и Коршуновское месторождения и сейчас обильны и славны. В том же 17-м веке беломестные казаки Бутаковы ставили Яндинский острог на Ангаре, «чтобы воспрепятствовать прохождению немирных инородцев к Илимску». Деревня Бутакова была на Илимее, на Ангаре, на Анге, ленском притоке, стоит село Бутаково. Отцовские предки осели в селе Казачьем (сейчас это Боханский район). Семья одноглазого георгиевского кавалера (памятка Первой империалистической) Андрея Григорьевича Бутакова жила на заимке Платоновской, названной так в честь первопоселенца Платона Бутакова. Хозяйство было большое: лошади, рогатый скот, овцы, птица, запашка, покосы. У деда была еще кузница. Он слыл неплохим ковалем.

Революционные потрясения тронули и расслаивающееся казачество, поделив его с легкой руки советского агитпропа на бедноту и кулаков. Махрово расцвела культивируемая зависть. Родня пошла на родню. Они ведь все были здесь связаны родственными узами: Бутаковы, Донские, Развозжаевы, Петровы, Нефедьевы. Сегодня придет в дом «банда», зарубит и сбросит в подполье активиста,

завтра прискачут красные, то же самое сделают с пособником «бандитов».

Трое сыновей: Иван, Михаил и Иннокентий да дочь Екатерина были у Андрея Григорьевича и Анны Петровны, когда односельчанин, крадучись, шепнул: «Завтра тебя, Андрей, кулачить будут».

Дед отогнал скот в лес, погрузил на телегу манатки и ушли они с Анной неизвестно куда. Иван, уже взрослый, вскоре окажется на Ленских приисках, младших разберет родня. Так рухнула семья.

А жизнь продолжалась. Первые коммуны создавались довольно бестолково. Тотальное обобществление скота, вплоть до кур и уток, вело к падежу. Многие бедняки и были бедными, потому что были ленивыми. Невеликими организаторами производства оказались и горлопаны-активисты. То опоздают сеять и останутся без хлеба, то дрова заготовить забудут. Так раскатали на дрова и сожгли дедовский дом. Когда приели мелкую живность, взялись и за крупную. Это дядя Кеша рассказывал, как коммунары ломали оглоблей ноги Воронку, жеребцу-производителю, чтобы пустить в котел.

Власть сама отказалась от таких коммун, зашла с другого, правильного, конца. Коллективные хозяйства стали крепнуть, привлекая все больше сторонников, когда в село пошла техника: трактора, комбайны, молотилки, сеялки. К машинам и пристроился Михаил. Он знал их до последней «кишочки» и болтика и к концу 30-х был уже разъездным механиком Казачинской МТС. Комсомолец, певец, гитарист, заводила

Ты играй, моя гармошка,

Играй, черномехая.

Моя милочка красиво

На «Фордзоне» ехала...

Михаил был инвалидом с детства. Анна Петровна (мать) оставляла в отжинки нянчиться с ним сельскую дурочку. Та посадит его на кочку, он и разбивает ножонками ледяные забереги. Правую ногу и скрутило, и укоротило. С тросточкой ходил всю жизнь. Густая копна черных, потом седых волос, крупный прямой нос, пронизывающие светлые глаза, крутой подбородок. Ему не перечили ни дома, ни на работе. С таких писал казачью вольницу Суриков. Дяде Ване и отцу в детстве еще выщербил лица оспа, а дядя Кеша тот вообще был красавец — высокий, с волнистой шевелюрой, томными карими глазами. Добавив себе то ли два, то ли три года, в декабре 1941 года он был уже под Москвой. «Трое суток мы лежали, фриц не давал поднять головы. А потом встали и пошли». Всю войну он прошел в дивизионной разведке. «До того наострились, что шерстью на хребте чувствовали, что сегодня не наш день, не взять языка. Бросишь камешек в ручей, а со стороны фашистов уже шквальный огонь, ждали, значит». Он дошел до Берлина. Участник Парада Победы 1945-го дядя Кеша, раненый, контуженый, но целый, звеня орденами Славы, вернулся в Бохан, где, собственно, меж дворами скитались постаревшие Андрей Григорьевич и Анна Петровна. Дед еще, заметая, отвеивая и давясь курлычком, успел напутствовать сына: «Ничего, Кенча, ничего, теперь легче будет». Скоро деда не стало. А дядя Кеша поставил дом, женился, завел детей и десятилетия обустроивал Бохан и окружающие села, пока мучавшая его после контузии постоянная головная боль, которую он умирал водкой, не свела его в могилу.

А отцу жизнь подставила ножку. В конце 1930-х годов случился пожар в МТС, заподозрили, естественно, поджог. В число подозреваемых попал и Михаил Андреевич. Методы дознания были такие. «Бросают тебя, — вспоми-

нал отец, — в одних кальсонах в бетонный мешок, метр на метр. Потолка нет, на полу лед, и вот ты прыгаешь, чтобы не замерзнуть». Тут и на двух ногах много не напрыгаешь. А на одной дельной? Отец и не выдержал, ударил он пресс-папье следователя Белобородова по скуле, «аж санки на сторону вынесло». И скоро оказался в Озерлаге. Лесоповальщик из него был никудышный, пригодилось знание техники, это и спасло. Везде живут люди, только по-разному.

Вольная казачья кровь, ограниченная годами лагерей, необходимость компенсировать физические недостатки выпестовали крутую личность, купировали чувство страха. Я был свидетелем некоторых отцовских «подвигов».

— Мишенька, что ж ты принес? — говорит мать, разворачивая купленную отцом на базаре печенку. Она осклизлая и зеленая. Сельский уроженец, отец умел выбирать мясо. Видимо, когда отвернулся, продавец подсунул залежалый товар. Отец, быстро хромя, возвращается на рынок. Находит продавца. Разговора не получилось. Этой печенкой он расхлестал всю физиономию здоровому мужику. А когда тот пытался убежать, ловил тростью за шею.

На Ангарской лесоперевалочной базе, где и мне довелось поработать сплавщиком, работяги устроили бунт, наряд, что ли не так, как мечталось, закрыли. Толпа загнала директора под стол, вонзила в него (стол!) ножи, стала качать права. Пришедший отец увещевал их матом. В три креста и Пресвятую Богородицу были, пожалуй, единственными цензурными словами. «Не насиделись?» — спрашивал в промежутках. Авторитет «своего» помог утихомирить недавних зэков лагерной дистанции Тайшет—Лена. Директор Сергей Иванович Баловнев потом часто вспоминал эту «педагогическую поэму».

Третий случай был в Алзамае. Отец любил пиво. А его почти не было. А если возникало, образовывались очереди. Из этой очереди шпанистая молодежь и выбросила отца. Он упал и, поднявшись, в лепешку измял о ребят бидончик. Сел на свой «Урал» и, приехав домой, искал нож. «Где мой саксан, — кричал. — Я на него троих надену!»

Что же гоняло отца и нас, естественно, вместе с ним по Сибири? Оторванность от корней? Кочевые материнские гены? Анна Петровна, маленькая, сухонькая, остроглазая братсковатая старушка, на десятки лет пережившая мужа и сына, тоже долго усидеть на одном месте не могла. Так и шнурковала от сына к сыну, от родни к родне. С одним узелочком. Желание лучшей жизни? После войны таких благословенных мест и не было.

В 1946 году в Жигалово родилась сестра Лариса. Мне поселок запомнился «дранками», которые пекла мать на железной печке из собранной на весеннем поле мерзлой крахмалистой картошки. Такие черные колючие лепешечки необычайной вкусноты. Прожорливый был, все экзаменовал мать: «А что, Лариска кашу не доела?» Вскоре мы поплыли в Якутск. Целый караван барж завербованного люда. Мимо Ленских «щек», где дом бакенщика висел на скале, как скворечник, мимо страшного Пьяного быка, привольного утеса, о который разбилось немало посуды, по парной ленской теплыни.

Работа отцу находилась всегда. Иногда грязная — медник, аккумуляторщик. Он мог делать все, связанное с техникой: паять, лудить, слесарничать. Я помню его за рулем студебеккера и пикапа, ходившего на дровах газогенераторного автомобиля, за рычагами ЧТЗ и кочегаром на локотомobile.

Якутск — дорогой для приезжих город. Там многое решает северное братство и дружеские отношения. Их еще

надо было нажить. Мать нашла выход. Растапливала на сковородке сахар, разрезала на дольки-конфетки. Этими леденцами отец и торговал с руки возле бани. Милиция гоняла «частных предпринимателей».

Жизнь наладилась, когда отец устроился шофером в госбанк. Он возил на «эмке» директора госбанка. Мы получили квартиру на улице Маяковского, в центре Якутска. Родился брат Славик. Завелись у отца и друзья. Однажды привез нельму. Затаскивали вдвоем. Она лежала на лавке, свешивая по разные стороны хвост и голову.

А потом отец заболел. Привязался к нему псориаз — кожная напасть на нервной почве. Его закидывало коростами всего, покрывало как чешуей. Врачи посоветовали сменить климат. И поплыли мы обратно. Сначала в порт Осетрово. Потом на грузовике по старому тракту, через древний Илимск до Заярска. Осели в Тайтурке. Здесь мы прожили восемь лет. Здесь отец сделал карьеру. Послесарив немного в МТС, он связал свою дальнейшую жизнь с лесной отраслью. Окончив в Архангельске курсы повышения квалификации, стал главным механиком Бельской сплавной конторы. И с этой стези уже не сходил. Хотя кочевая жизнь продолжалась. Была Ангарская лесоперевалочная база в ложе Братского водохранилища, леспромхозы в Алзамае и Приморском в Осинском районе.

Мы жили в Качуге, когда позвонила мама и сказала, что отец плох, увезли в Иркутск. С осени стал прихварывать, кашлял, задыхался, но на работу утром как штык. Лечился домашними средствами: баней да водкой. Не помогало. Леспромхозовские медики считали, что у него воспаление легких. Оказалось: рак.

Он лежал уже бестелесный, но в сознании. Каким-то шелестящим шопотом попросил, чтобы я принес «Зубровки». Мне надо было в магазин, а я к врачам. Те замахали

руками, мол, ни в коем случае. Назавтра утром отец умер на руках Катерины.

Как все-таки хорошо (особенно, если ты при деньгах) организовано сегодня похоронное дело. А 4 января 1971 года я едва раздобыл сырую домовину и грузовик. В кузове поехал отец к своему последнему пристанищу. Возле Бохана встретила Лариса, сестра, с автобусом. Перегрузили отца.

Леспромхозовские мужики отказались хоронить своего механика в таком гробу. За ночь вытесали новый — из сухой ангарской сосны. Отревела колонна лесовозов, провожая отца, и успокоился он под кудрявой сосной на Бильчирском кладбище. Ему едва исполнилось 52 года.

Прошло время. Привезли мы с Вадимом Мавриным, редакционным водителем и другом семьи, плиту к отцу на могилку. А кладбище разрослось, подвинулось почти вплотную к полю. Я потерял место. Засуетился, испугался. Нашли. Тумбочка почернела, по фотографии какие-то оболтусы стреляли, и довольно кучно, ничего не разберешь. А оградка, сваренная из арматурного железа с самодельными финтифлюшками поверху стояла прочно. Положили плиту, покрасили оградку, помянули, налили отцу. Успокоились. Теперь, чтобы не потерять, ездим чаще.

Тайгурка

60 лет назад поселок выглядел по-другому. Он как бы функционально подразделялся. Бросим взгляд со Щаповой горы. Вот станция Белая, с вокзалом, кирпично-красными пристанционными строениями. Правее — огороженная территория нефтебазы, за ней — машинотракторная станция, с мастерскими, с деревянными навесами,

под которыми старятся отбегавшие по полям комбайны «Коммунары».

От станции через пустырь идет на лесоперевалочную базу и лесозавод шпальная ветка. За пересохшим руслом речки Тайтурка само село — на крутом берегу Белой. Правление колхоза, клуб на первом этаже бывшей церкви, библиотека — на втором. Дальше слева по берегу предместье деревенской бедноты — Черновка. Справа равнинный массив «Южный» — видимо, вариант авиабазы, который лопнул в связи с наводнением 1951 года, и авиаторы расположились на Щаповой горе — в Северном и Среднем. Потом — паберега, черемушник, обомшелые оклады старых мельниц. Реку в селе наискосок пересекала вереница «свинок» — высоких рубленых ряжей, забитых бутовым камнем и соединенных друг с другом бонами, чтобы направлять плывущие с верховья молею бревна в запань к бревнотаске — балимберу, с которой лебедки громоздили согласно сортименту штабеля кругляка. Часть леса шла на распиловку — шпалы, обрезную доску, тарную дощечку.

Что значит имя — Тайтурка? Мне это было интересно и в школе. Исчерпывающий и четкий ответ дал учитель географии — «взятый в аренду клочок земли». Как я сегодня понимаю, это не перевод иноязычного имени, а отзвук давних социально-экономических отношений, приведших к рождению ямской станции на Московском тракте в 18-м веке. Иркутский Вознесенский монастырь уступил часть своих земель светской власти для устройства селения. Возможно, на условиях аренды. Щапова гора и была границей отведенной земли. «Щап» — затесь на дереве, межевой знак прошлых лет.

Имя же самого урочища более древнее. Оно встречается в воеводских списках 17-го века, не единично и на карте области, есть в Тунке, Иркутском, Тайшетском районах.

Связано, похоже, с семейными отношениями древних тюрков и означает, примерно, «дом родственников по материнской линии», место кочевья материнского рода.

Предки знали, где селиться. В то наводнение (видимо, оно было не первым) старое село оказалось на острове. Вода пришла быстро после дождей в верховьях. Поднялась метров на 12, до железнодорожного полотна с метр оставалось. Спешно все выселились на Шапову гору и наблюдали этот разгул. О железнодорожный мост разбивало дома, рушились подмываемые штабеля леса (его унесло в Ангару), тонул скот. С неделю вынужденный табор жег костры на горе, пока вода не начала спадать. Так же быстро, как подымалась.

В низине, между станцией и лесозаводом образовалось целое озеро. Оно потом долго сцеживало воду вместе с рыбой через две тонкие «трубочки», проложенные под шпальной веткой. А по озеру плавал на плоту долговязый Костя Мелентьев, наверное, «клады», принесенные водой, искал. И находили — кто затопленную бутылку водки, кто отрез ткани, кто посуду Хайтинского фарфорового завода.

Тайтурка начала 50-х годов представляла собой конгломерат социальных групп и народностей. Колхозники, заводской пролетариат, железнодорожники. Сплавная контора, куда на лето устраивалась работать вольница из амнистированных уголовников, политических. Много было ссыльных литовцев, со «смешными», на наш взгляд, фамилиями: Балтушкайтис, Макаравичус, Баранаускас. Литовцы — тоже собирательное имя, по наибольшей массе. Были латыши, эстонцы, белорусы, как дружок Сашка Пивоварчук, по прозвищу «Прозрот», так он выражался, когда надо было сказать «ртом». Пацанва быстро осваивала и литовские приветствия: «Лабас ритас», «лабас дене» и

по фене заправски ботала. А на горе часто останавливался цыганский табор, и юркие цыганята завлекали стационарных пассажиров: «Дай 20 копеек! На пузе с храпом спляшу!»

Это было время, когда лошади боялись машин, могли понести. Сейчас, похоже, машины (во всяком случае, водители) пугаются возникшего на дороге коня. В каждой лыве, образовавшейся на проселочной дороге от парного летнего дождя, чуть ли не сразу начинали шнырять головастики, а вскоре прыгали лягушки. Из этих луж мы пили воду, запрокинув голову, через кепку, чтобы не заглотить живность. Вода была чистой.

Первая зима в Тайтурке была очень трудной. Все тогда жили на картошке с капустой, а у нас и этого не было в связи с переездом из Якутска. У отца тяжелая работа, едва устроился кочегаром на локомотив (с его-то статьями кочегарить!).

Мама поехала к сестре Зинаиде в Тыреть в надежде разжиться продуктами. Те жили оседло. У них была корова, хозяйство. Конечно, они выручили. Посадили мать в поезд, а их два было местных — «Ученик» да «Колхозник». Доехала она до станции Белая, а отсюда до Черновки несколько километров. Зима. Куль картошки у нее. Что делать? Выручила маму картина, подаренная Алексеем Дмитриевичем, мужем Зинаиды Васильевны. Он преподавал в школе историю и рисование. Художник был самодеятельный, но писал и маслом на холсте по клеточкам. Полотно было в подрамнике. Сюжета мама не помнит. Погрузила она на картину картошку и в путь. Когда дотащила до дома, изображение стерлось.

Наварила картошки. Только отец сначала и есть не стал. Как треснет кулаком по чугунку, разлетелась картошка по полу. Ему было обидно, что пришлось попрошайничать.

А мы ничего, подобрали да съели, только за ушами трещало.

Басовитый, требовательный, протяжный гудок лесозавода выплескивал из бараков и насыпнушек толпы работяг и подгонял их к проходным. Часы были не в каждой квартире. У нас висели рядом с плывущими на «ковре» навстречу друг другу лебедями старые ходики. Наверху циферблата шишкинское «Утро в сосновом бору», маятник, еловая шишка на цепи. Часы отставали, как бы задумывались, ход им ускоряли, подвесив к чугунной шишке ножницы. Часы вообще были предметом если не роскоши, то достатка. Помните старые фотографии послевоенных лет, на которых левая рука портретируемого всегда выпячивалась вперед, если на ней были часы? Они появились позже, в обиходе доступные наручные «Победа» и карманные «Молния». Да дед Ветошкин всегда мог, откинув заскорузым ногтем крышечку серебряной луковицы «Павел Буре», сказать который час любопытствующим пацанам.

Дом держался на матери. Не помню ее молодой и рядной, хотя, когда начал что-то соображать, ей было двадцать с небольшим, а когда ушел из дому всего 38. Все в каком-то, пусть опрятном, но затрапезе, все бегом, все при деле. Маленькие дети, ни яслей, ни садиков. Работа по вечерам уборщицей в той же леспромхозовской или сплавной конторе. Бедная жизнь научила быть экономной и прижимистой, копейки были на счету, и уж на себя потратить она их не могла.

В доме всегда было чисто и прибрано. Полыхали на окнах или единственном барачном окне любимые материю «иранки» (так она называет герань). Она вязала. На подзорах белых простыней, на скатертях и накидушках плыли утки, гуси, сходились рогами олени. Пока ладила тарочки, так называет она шаньги с творогом (особенно

вкусными они казались подмороженные), на дворе «быгало» белье.

— Ох ти мнеченьки, какая люша! — скажет мама, встречая набродившегося в лужах сына. Изголовье кровати она называет «праголовкой». «Повесь полотенце на праголовку», — говорит. Откуда оно, это красивое русское слово, ни в одном словаре не встречал.

Читала французских писателей: Александра Дюма, Жорж Санд, Виктора Гюго, Мопассана о красивой, пусть даже несчастной любви. Бальзака считает грубым. Советскую классику не уважала. Почему в прошлом времени? Вспоминаю детство. А мамочка и сейчас перечитывает французов.

Хлеб

Дело было в Якутске, видимо, вскоре после денежной реформы 1947 года. Дала мне мать пять рублей, мешок и отправила в магазин за хлебом. Пять рублей стоила булка хлеба, а мешок, чтобы нести было легче, да и не видно что хлеб, никто не вырвет.

Загляделся я в магазине на всякие вкусности, деньги у меня и свистнули. Подходит моя очередь, я реву, потерял деньги. Продавщица меня пожалела. Взяла мешок, пошарила в нем и «нашла» пятерку. Я заревел еще пуще, мол, не мои деньги, у меня было 2 рубля и «трешка», словом, разоблачил хитрость доброго человека. Булку хлеба она все-таки мне в мешок положила и домой отправила. Никогда не забуду.

В Тайтурке я был опытной, в школу пошел. У матери двое маленьких, поэтому ходить за хлебом была моя обязанность. Хлеб был развесной, «давали» его за деньги, но по списку, соседку не попросишь. Очередь начиналась на

улице, потом извивалась в магазине, в духоте, сомлеешь от голода и малокровия, упадешь, тебя вытащат на крыльцо, оклемаешься и снова в очередь («я был за вами, а вы были за мной», запомнить надо было несколько очередников, вдруг кто-то отлучится).

Зато могли быть привески (они твои!). Или буханка, пропекаясь, могла залиться за край формы, этот натек тоже можно было осторожно отломить. Это ничего, что хлебная корка иногда припахивала солидолом (им, видимо, смазывали в отсутствии комбижира формы).

Хабушка — звали еще хлеб ласково. На школьной перемене нередко можно было услышать: «Дай куснуть!» Только «богатай» быстро все засовывал в рот, и если уж очень убедительно просишь, не дожевав, снисходил: «Из рота будешь?» Брезгливых что-то не помню.

Однажды отцова мать, Анна Петровна, приехавшая в гости (ох уж любила путешествовать, отец в нее), решила порадовать семейство. Помела по сусекам, то есть собрала все сыпучее в кладовке, и испекла булочки. Одну дала мне в школу. Съел я ее и... потемнело в глазах. Оказалось, бабушка и dust употребила в дело.

Когда разживались мукой, мать пекла калачи. Муку экономила, добавляла в тесто толченую картошку. Калачи получались с пупырышками. Отколупнешь пупырь, а оттуда выглядывает кусочек картошки.

К зреющему полю подходить надо было с осторожностью. Голод не тетка, к колоскам многие подбирались, колхоз держал конных объездчиков, ладно если только бичом огреет, была ведь и статья «за колоски». Но разве пацанов удержишь, подберутся где ползком, где как. Вот ты нашелушил горсть зерен, пережевал, и во рту у тебя сытная жвачка, значит, зерно с хорошим процентом клейковины, еще одна порция топлива для дальнейшей жизни.

Малявки

Когда высветлится и потеплеет весенняя вода в Белой, у пацанов начинается «промышленный» лов гольянов. Звали эту рыбу еще молька, малявка. Она была двух видов: вся светленькая, другая с красными плавничками — «красноперка», длина несколько сантиметров. Ее очень много водилось чуть выше железнодорожного моста и чуть ниже сплавной запани. Видимо, рыбу сюда привлекал корм, приплывающий на бревнах с верховий реки. По Белой шел молевой (самоходом) сплав леса, на перевалочной базе плавание бревен заканчивалось, их вытаскивали на берег, штабелевали, потом грузили кругляком на платформы или уже в виде шпал и досок в вагоны.

Ловля организовывалась так. Берется полулитровая стеклянная банка, крышка вырезается из плотного куска сосновой коры (она так и называлась — «коринка»). Отверстие в «коринке» плавно закруглено, сам зев сантиметра два в диаметре. «Коринка» должна плотно входить в горло банки и хорошо держаться в уторах. Горло банки обвязывается крепким шпагатом длиной с метр. К шпагату привязывается камень, чтобы банку не унесло течением. Ты забредаешь (когда по колено, а когда и по пояс) и устраиваешь банку отверстием по течению. Да, внутрь надо положить корочку хлеба, для приманки. Всё, минут 20—30 можешь греться у костра, жарить на прутике предыдущий улов. Удобная рыбешка, голову оторвал, все кишочки вместе с ней вышли. Хотя «на спор» можно глотать и с ними, ничего не случится, проверено.

Съём урожая. Снова забредаешь, одной рукой берешь за горлышко банку, другой камень и — на берег. Видишь, в банке рыба аж кишит. Осторожно, запустив в отверстие палец, вынимаешь коринку, сливаешь воду, рыбу — в би-

дончик. Хлебную корочку, если не развалилась, — опять в банку и снова в речку.

У каждого рыбака по 3—5 банок, больше нельзя, забудешь — где какую поставил, собьешься с ритма проверок, тащить их на речку тяжело, а разбить уже легче. Словом, оптимум найден. А емкость? Конечно, в желании поймать больше мы проводили эксперименты: ставили и литровые и даже трехлитровые банки. Результат хуже, видимо, в большой посудине рыба имеет возможность развернуться, оглядеться, да и выбраться наружу. А в полулитровой она бьется в дно и повернуться-то часто не может из-за обилия товаров или нехватки ума.

Иногда вместе с гольянами в банку заходят и ельчики. Мой рекорд — девять штук за раз. Набились, аж выгнулись, дождались. А елец — небольшая, прогонистая, рыбка, это вам не гольян и не сорожка, она благороднее, тверже мясо, ее можно и солить, и вялить.

Конечно, свое охотничье угодье мы нашли не сразу. Пробовали рыбачить ниже моста, там чище, пескари шныряют, но в банку не лезут. Пробовали в самой запани, — шумно, рабочие гоняют. Вылезли за боны и прошли по залежам затопленного обапола, горбыля и швырка чуть не до противоположного берега. Видимо, в войну отходы лесопильного производства вывозили зимой прямо на лед, а весной они ложились на дно. Не до экологии было. Какая уж тут рыба.

А на нашем месте руна за руной. Словом, накупаешься, назагораешься и тащишь домой трехлитровый бидон гольянов. Конечно, я понимал, что это какой-то приварок в семье, нажарит мать сковороду — и на стол. И только потом, взрослому, она рассказала, что мои гольяны были и каким-то обменным фондом: на яйца она их меняла, на молоко. Свиньи тоже очень уважали малявок.

Мама, я побегаю?

Мать промолчала. Это было знаком согласия. Конечно, она могла найти мне заделье, она знает, что заявлюсь я только вечером, но видела и мои молящие глаза, и Кольку с Вовкой, подпрыгивающих под окном. Свобода! Незакатное солнце над головами.

Летняя форма одежды: засученные почти до колен гачи штанов, рубашка, кепка-восьмиклинка с отгрызанной пипочкой. В одном кармане рогатка (березовая или черемуховая рогулька с полосками красной, «американской», легко тянущейся резины и кожей, вырезанной из старого ботиночного языка). В другом перочинный нож (без него нельзя, вы сами убедитесь), спички, усольские, с лосем, вышедшим на берег реки. Хорошо, если на брюках есть «пистон», маленький карманчик на поясе, он для мелочи. Все лето бегали босиком (новые ботинки мать выдавала первого сентября, советовала беречь. Ты соглашался. Но разве удержишься, чтобы не отпаснуть по дороге консервную банку приятелю. Вот и задрался на носке кусочек лаковой, сладко пахнущей кожи. Ты прилепляешь его слюной, а он все равно топорщится).

То ли дело — босиком. Весенний утренний ледок, хрустнув под пяткой, обжигал холодом и гнал вперед по дороге, лишь султанчики пыли вылетают меж пальцами. Летом уже осока не резала ноги, когда прыгали с кочки на кочку, гоняясь за лягушками. А осенью и соломенная стерня лишь щекотала подошвы босоногой пацанвы.

Ё-каргана! Это значит опять большим пальцем с размаху о камень. Лопнул ноготь, потекла кровь. Лучшее лекарство, конечно, пепел с выкуренного бычка, дружески предложенного соблезнующим кирухой.

Я отвлекаюсь. Сначала вырабатывался план действий вольной ватаги, определялись маршруты. Прежде логич-

но побывать на железной дороге, где маневровые «кукушки», пискляво надрываясь, переталкивают вагоны с ветки на ветку, не останавливаясь пронесились курьерские поезда, подолгу стояли на станции местные пассажирские «Ученик» и «Колхозник». На железной дороге мы собирали окурки, или, по-нашему, «бычки», делились удачей: «Смотри, какую «беломорину» нашел (а то и «казбечину»!). Сыпали прибаутки: «Дели» набздели, «Дукат» виноват». Окурки складывались за отпоротую подкладку кепки или в счастливо найденную коробку «Казбека».

Потом можно было сбегать на речку, искупаться. Плавательный сезон начинался 1 мая: так было заведено не нами. Еще на берегу кое-где валяется стрелчатый лед, разбежался, нырнул, холодина, аж звон в голове, и к костру. В сентябре, после занятий в школе, тоже купались.

Теперь к штабелям леса, листовенничной смолы наколупать, серы. Жевали также вар, для разнообразия. И, конечно, на Шапову гору. Разведать не созрела ли ягода.

Голодное время прошло, как только семья плотно осела в Тайтурке. Минимум-то — картошка с капустой — были всегда. Куры кудахтали, яйца несли, свиней мы держали. Да и с хлебом стало проще. Но воля была дороже возвращения к обеду, а то и к ужину. Мы переходили на подножный корм. Лес, поле и степь щедро кормили нас. Весной сложнее: ну попил березового сока, пощипал цветочки медуницы, пожевал свежие, мягкие еще веточки листовенницы. Распускающиеся березовые листочки горьковаты, более съедобны у боярки, их пресный вкус до сих пор помнят рецепторы.

Зато уж лето! Мы хорошо знали, где раньше появлялся дикий чеснок, выстреливал щавель, находили в заречных болотистых плавнях даже лук, похожий на батун, он жестче, но что это за препона для молодых зубов. Смотришь,

раскинул резные листья, но не выстрелил еще центральной дудкой борщевник Сосновского, то есть «пучки», отцвела и завернула съедобные «калачики» сибирская мальва, потемнели ягоды паслена («бздника»), медовой сытостью налились шарики клевера. Была, конечно, и совершенно королевская еда, завещанная нам пращурами — луковицы саранок. В нашем меню их было два вида: лесные, рослые, с несколькими пестрыми бутонами, и полевые, тоненькие, с красными цветочками. А вы говорите: — Зачем нож? Серу колупать, пучки чистить, саранки выкапывать.

Проезжая из Иркутска мимо Тайтурки по новому Московскому тракту, после Среднего всегда смотрю налево и недоумеваю: куда же делся сказочный лес детства, под прорешливой сенью которого зрела клубника (в лесу она более крупная, чем на опушке), от одной грозди к другой увлекали наземные лианы костяники. Здесь, если снова вспомнить Бориса Пастернака, в кафедральном мраке леса бросались под ноги расцветшие сибирские орхидеи — кукушкины сапожки, «мудушки», в простоте, рябенькие мелкие и желтые или красные крупные. Среди них и таились соблазнительные фиолетовые ирисы. Потянешь за цветок и, оторвавшись от корневища, на свет показывается белый, сочный внутренний стебель. Каким горьким разочарованием оборачивается его сладкий сок через мгновение. К будущему году эта горечь забудется, и ты снова «нарвешься» на такой цветок, надеясь, что теперь он стал слаще. Словом, все как в людском обиходе.

Не обманут разве вытянутые из грубеющей оболочки стебли молодых хлебных злаков и пырея, те сладкие.

Чуть не забыл. Промышляя «бычки» вдоль железнодорожных путей, мы не забывали полакомиться «тараножкой», мелкими красными ягодами декоративного кустарника, тянувшегося вдоль насыпи. Много позже, читая

книгу Н.М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов», я встречу описание этого растения — «таранушка», или смородина красивая по-научному. Словом, все, что росло, грызли. Суровое табу распространялось, собственно, на три растения — белену, волчью ягоду и вороний глаз.

В пределах мальчишеской досягаемости не росли ни черемша, ни голубица, ни брусника. Наш ягодный сезон обрывался на черемухе. Она росла на пабереге и в глухих оврагах под Мальтой, точнее над Мальтой. Мальтинская была крупнее и вкуснее. Ели мы ее с косточками. Чтобы избежать грубого натурализма в описании последствий этого пиршества, расскажу анекдот:

- Здравствуй, сова, — говорит заяц.
- Я не сова, я мышка.
- А что же у тебя глаза такие большие?
- Я ка-ка-ю.

Подрастающих сыновей, затем и дочь я пытался угощать деликатесами своего детства, не лиственной боярышника, конечно. Они с удовольствием пили березовый сок, но без должного пиетета отнеслись к пучкам и луковицам саранки.

Однажды со старичком из Качугского района мы наводили в редакции родственные мосты. Эта тема всегда трогает за живое. В благодарность старик рассказал мне, где по дороге из Анги в Малые голы растет самый крупный дикий чеснок, поделился сокровенным, природной кладовой своего детства. Сегодня и мне, старику, пора делиться. Знайте, самая крупная черемша, которую я когда-либо видел и собирал — в палец толщиной и по колено высотой — растет в устье речушки Олы при ее впадении в Курминский залив.

Когда надоедало просто «бегать» и мирно сосуществовать, возникали драки. Кто-нибудь из старших «заводил»:

— Тебе, Колян, с Витькой не справиться.

— Слабо!

— Он тебя одной левой положит.

Смотришь, набычились недавние соратники. Начинают поталкивать друг друга, горячить взрослой фразеологией: — Понял?

— А ты понял?

— Не бери меня на понял. Я за «понял» десять лет сидел.

Понял?

Смотришь, завелись, плюха летит. Один подножку ставит, другой «на колган» взять норовит. И покатались.

Но была определенная этика боя, неписанные, но четко соблюдавшиеся правила! В определенные места не бить. Двое дерутся, третий — не лезь. Лежачего не бьют. Драться до первой крови.

Увлечшихся разнимали. Я был неумелым драчуном, злости не хватало. Все мне смешно было. Случалось, проигрывал схватку и более слабому противнику.

Бремя старшего

Оно было осязаемым, бремя старшего ребенка в сельской или, как у нас, полусельской семье. Зыбку качать, водиться с младшими сестренкой и братишкой (ни десятилетий, ни садика рядом), игрушки делать (не до покупных было), благо, на лесозаводе деревянных чурбаков-обрезков немерено. Можно и автомобиль смастерить, и санки, и дом построить. Когда мать уходила вечером мыть сплавную контору, я развлекал и отвлекал от рева ребятишек пением. Они любили в моем исполнении «Шел отряд по берегу», «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», «Штур-

мовые ночи Спасска», только что не аплодировали. У отца был разъездной характер работы. Леспромхозовская разномастная, работающая на последнем надрыве техника всегда требовала запчастей и комплектующих. Вот и мотался он по области, когда сам за рулем грузовика, когда с напарником. Раздобыл запчасти, обмыли сделку, привез, запустил технику в работу. Вскоре снова в дорогу.

Я рано научился колоть дрова. Да с шиком, так что с замаха топор опускался на полено в сантиметре от поддерживающей пятерни.

Летом было больше обязанностей. Воды для поливки огорода надо натаскать? Надо. Вот и горбишься под коромыслом. Хорошо, если до колодца или водокачки недалеко. Мешок крапивы нарвать для свиньи — надо? Да мать еще посоветует: — Ты, сынок, бодылья-то не рви, мелконькую бери!

Кроме огорода садили картошку в поле. Те 15 соток — тоже твоя забота. Прополоть, окучить. Копали уже вместе.

В Петровки надо было веники для бани заготовить. Отец со своей хворью в общественную баню не показывался, мы всегда строили свою. Врезались в склон огорода, ставили засыпнушку, отец сваривал печку с топкой, каменной, баком для воды. Парился он свирепо. Надевал шапку, верхонки, залезал на полок и командовал: поддай да поддай! Я поддавал. И из-за жары сидел на полу. После парной ему становилось легче, он даже засыпал на полке. Так и я приистрастился.

Заготовка веников — полуигра. Коллективная, одному несподручно. Есть такие березки, с плакучей кроной, длинными, тонкими ветвями. Один забирается на молоденький ствол, спускается вместе с вершинкой, как на парашюте, другой подхватывает и держит. Срезав облюбо-

ванные ветки, переходили к другой. Надо еще смотреть, чтобы сережек на дереве не было.

Ближе к осени — заготовка других веников — полынных — пол мести. Тут вроде и напарников не надо, но гурьбой веселее. Проверяем тачки. Они делались на базе колеса от маленькой вагонетки и очень напоминали те, на которых возили породу зэки из будущих колымских фильмов (оттуда, наверное, и пришла конструкция). Знали мы и при словие зэковское: «Перекурим, тачки смажем, трап наладим, перекурим...»

Снова попылили на Шапову гору. Но уже не в лес, а ближе к Мальте, там на склоне росла нужная нам полынь. Каждый год, покупая жене букетик мимозы 8 марта, вдыхаю тот же запах. Конечно, у кудрявой, низкорослой сибирячки скромнее была цветовая палитра «шариков», но когда мели пол, в комнате долго держался купаж мимозы и абсента. Это я теперь знаю.

Зимой воду для готовки и в баню возили в кадучке на санках из проруби или от лесозаводской водокачки. Выплескиваясь, вода заледеневала на рукавицах и валенках, и, если помогали младшие, получалась точная копия перовской «Тройки».

Да еще надо было в чистоте держать двор, разметать дорожки тобой же изготовленной ерниковой метлой, вывозить на огород или за огород снег. Да мало ли их было, обязанностей, у старшего ребенка в семье. Это я тогда ныл, а сейчас благодарен жизни, отцу с матерью за привитые навыки и умения. Мы скорее развивались в плечах, чем тянулись вверх, но так было удобнее нести груз и ответственность.

Как мы делали деньги

Мое раннее детство пришлось на переломный период — от лески, скрученной из волос конского хвоста, уважающее себя пацанье общество переходило на «жилку». Ездил по селу старьевщик на лошадке, запряженной в телегу, кричал: «Тряпье берем!» Рассчитывался жилкой, синеватыми, зацепистыми крючками, «кованые», говорил, и резиновыми шариками. Кажется, это были элементарные изделия №2, презервативы, мы же звали «гандонами», естественно, в честь изобретателя Кондома. Тряпья было мало, разве что на себе, да и матери следили за тем, чтобы мы что-то нужное не фуганули старьевщику. Вскоре он и ездить перестал.

Зато мы обнаружили приемный пункт «Вторсырья». Там принимали лом цветных металлов. Началась наша охота за «медяшками» и «алюмяшками». Медь (сюда входили латунь и бронза) стоила 1р. 80 к. за килограмм, алюминий — 1 р. 60 к. Основным маршрутом добычи была «Свалка». Она располагалась на Среднем, в стороне от взлетно-посадочной полосы авиабазы. Искореженные детали летной техники, обрезки дюраля складывались в мешки (пока подъемно) — и доставлялись куда надо. Кстати, мешок — очень удобная вещь. Несложная манипуляция и перед вами заплечный рюкзак или плащ-дождевик. Пашке Негрулю однажды повезло. Он жил на железнодорожной станции и где-то там нашел бронзовый тормозной башмак, сразу несколько килограммов меди. Почему бронзовый, не знаю, раритет, видимо, какой-то.

По воскресеньям (суббота была рабочим днем) и в праздники пацанва крутилась на погрузочной площадке лесозавода. И если был порожняк, а грузчики устраивали себе отгул, нам везло. Приходил нарядчик, набирал бригаду, ставил «задачу». Условия аккордные, оплата двой-

ная». Все по-взрослому. За световой день несколько пацанов 12–14 лет вполне могли «закидать» тарной дощечкой «коробочку» (двухосный 20-тонный вагон), а то и забить обрезной доской «пульман» (четырёхосный 60-тонник). Пробовали и шпалы на себя взваливать, подложив на плечо специальный грузчицкий наплечник. И получалось, пока не натыкались на листовничную.

Зачем нам нужны были деньги? Ну, вы скажете. Да на те же азартные игры – «чику» или лото. А кино? У матерей просить было бесполезно, они и так от зарплаты до зарплаты не дотягивали, бегали занимать друг у дружки. Да и запахло по уличным джентльментским правилам. А тут еще «Тарзана» привезли. И не просто «Тарзан», а еще «Тарзан в западне», «Тарзан находит сына», «Приключения Тарзана и Джейн в Нью-Йорке». Мы этот кинофильм столько раз посмотрели, что морды могли корчить точно как Чита, а уж кричать на темной улице гораздо громче Тарзана.

А гастрономические изыски? Вот точный диалог:

– Ты шоколад пробовал?

– Нет.

– Я пробовал. Ерунда, горький. Но, говорят, есть еще мармалад, вот вкуснотища.

Что в сельповском магазине? Недалеко от входа, даже не за прилавком, бочонок с сохнувшей черной икрой, в которую воткнута веселка. Он прикрыт белой тряпицей. Кто ее покупал, эту икру? Банки с хищно ощерившимися крабами. Кому они нужны? Слипшиися конфеты-подушечки, которые рубили топором, да мятные пряники с долгим холодным послевкусием. А вот на Среднем (мы-то знали!), там можно было встретить и мифический «мармалад». Я уже не говорю про Ангарск. Первая колбаса, которую мы попробовали, была оттуда.

Или ты небрежно достаешь из кармана пачку «Звездочки» с лихим мотоциклистом на коробке, и к тебе сразу неимущая пацанва: «Дай зобнуть», «Сорокни», «Оставь абасик!» Ты уважаемый человек.

А однажды после погрузки вагона «бригада» решила, что мы достаточно взрослые, чтобы и водки попробовать. Взяли бутылку «сучка» (21 рубль 20 копеек), спрятались за штабелем. Отбили сургуч, вытащили бумажную пробку.. Вскоре нас вытошнило. Сбили охотку. Пройдут еще годы, прежде чем удастся договориться с организмом.

А вы говорите, зачем деньги?

Я помню только один случай нелегального «зарабатывания» денег. Это было в Мальте. То ли купаться мы ходили на пруд, то ли налимов искать под камнями на мельничном ручье. Подошел сержант, попросил купить ему две бутылки водки. Дал 50 рублей, мол, сдача — ваши комиссионные. Видимо, военным водку не продавали, а вот «гражданским» соплякам — пожалуйста. Мы обманули служивого и смылись. Логично рассудили, что ловить он потом будет местных, а мы-то тайтурские. И попыли-ли домой. Я не назову имен своих «подельников», может быть им еще стыднее, чем мне. Но еще долго и в Тайтурке мы прятались, завидя солдат. Моральный урон был гораздо выше «барыша».

Игры

Детские игры — школа обретения силы, ловкости, выносливости. Это институт взаимовыручки, самопожертвования, формирования товарищеской спайки. Это пусть игровое, но повторение исторического опыта народной жизни. Игры были спортивные, военные, азартные... Конечно, мы гоняли футбол, сшитый из кирзового кожзаме-

нителя мяч, резиновая камера накачивалась велосипедным насосом, длинная пипка заправлялась под шнуровку. Все по-взрослому: в воротах стоял голкипер, были хавбеки, инсайды, офсайды, корнеры. Зимой, когда перемерзала Усолка, у правобережья Белой образовывалась наледь, вполне достаточная для устройства хоккейной площадки. Мы предпочитали хоккей с шайбой, которой мог быть замороженный конский шевяк или деревянная чурочка. Из березки с кривым корневищем получалась клюшка, «снегурки» и «ледянки» сыромятными ремешками крепились к валенкам. Ледовые дружины готовы.

Любимой игрой деревенской ребятни была лапта, или «беговушка». Ученые люди считают, что так называется бита, которой мяч отбивается в поле. Сомнительно. Игра пришла в Сибирь с Русского Севера, с первыми насельниками. В тамошней лексике слово «лапта» означает поляну. Возможно, угорское заимствование. Часть древних угров, ушедшая в Европу и ставшая венграми, под словом «лапта» подразумевает мяч. Игра с мячом на поляне — одно из древнейших изобретений человека. Поэтикой мифа окрашена и процедура формирования команд. «Матка, матка, чей допрос?», «С неба лететь или канат вертеть?», «С неба лететь или семь дыр на голове иметь?».

«С полусара бей!» — кричат тебе компаньоны по команде на городошной площадке. Ты и сам знаешь: если после первого удара из квадрата выкатилась хотя бы одна «рюха» разбитой фигуры, остальные удары ты можешь наносить с половинной дистанции. На Лене, прочитал я в книге Ю.П. Лыхина «Воспоминания ленских жителей», в подобной ситуации скоман্দуют: бить «с парусала». Что это за слова? Ни в толковых словарях, ни в академическом 17-томном их нет. Но у В.И. Даля встречается такое значение слова «сало»: грань, рубеж. Необходимое уже, устаревшее. По-

ловина рубежа — полусало. Народ-языкотворец озвончил, ужесточил слово. Нельзя мямлить, если речь идет о взятии города, а именно это и символизирует игра в городки. Если кричать «ула» вместо раскатистого «ура», поднимаясь в атаку, тоже трудно рассчитывать на успех.

Однажды в кладовке под половицей я нашел «клад». Это были бабки — россыпь подкопытных суставных потемневших от времени косточек. Среди них биток, залитый свинцом. Хоть сейчас ставь на кон и кидай биток. Мы в бабки уже не играли, нечем было, это игра сытой сельской жизни.

Бабки заменила чика. Посмотрел я для сверки энциклопедический сборник «Игры», изданный Южно-Уральским книжным издательством в 1995 году и составленный собратом по перу журналистом В. Черноземцевым (800 страниц!), и озадачился. Описывается игра в пристенок, а называется чикой. Пока совсем не забылось, напоминаю. Ровесники, конечно, помнят выгнутые гербом кверху «серебрушки». Это результат игры в чикку. На ровной, убитой земляной площадке проводится черта. Ставится стопочка монет — кон. Высота зависит от количества игроков. Игроки отходят на определенное расстояние (несколько метров) и по очереди кидают шайбы — металлические кругляшки с дыркой посредине. Диаметр шайбы — несколько сантиметров, добывались они в МТС, среди списанной техники. Так вот, у кого шайба ляжет ближе к кону, тот первый и разбивает его. А если попал прямо в монеты, да еще хоть одна из них перевернулась «орлом» кверху, это и есть «чика» — попадание в цель. Деньги, стоявшие на кону, переходили в карман счастливого. Но это редкость, обычно выигрыш добывается рутинным путем. С отяжкой или накатом надо так ударить монету, чтобы она перевернулась. Есть, конечно, определенная зависимость

от ставки, но в основном последний удар наносится по номиналу монеты, и горб образуется на гербе.

Играли мы, конечно, и «в пристенок». Тут выигрыш зависит от тренажа, умения «поставить» отскок монеты, чтобы она легла ближе к предыдущей. И от длины, «музыкальности» пальцев, способных покрыть расстояние между монетами.

Была еще «орлянка». «Орлили» так. Делается ставка, с указательного пальца большим подбрасывается вверх монета. Легла на землю гербом вверх — твой выигрыш.

Вечерами играли в лото. От взрослых, видимо, заразились. Раздаются карты, формируется банк, крикун встряхивает мешочек и достает боченочки. Голые цифры называть надоело, появились имена. Некоторые помню: 1 — «кол на голове», 2 — «пара», 7 — «кайла работница», 8 — «женский праздник», 9 — «девятка верная взятка», 10 — «бычий глаз», 11 — «барабанные палочки», 16 — «девочка», 17 — «молоденькая», 21 — «очко», 22 — «ангарские уточки», 40 — «пуд, сорок фунтов», 41 — «скоро ходил», 44 — «чертовы стульчики», 45 — «баба ягодка опять», 50 — «полста, бабка толста», 69 — «туда-сюда, как свиньи спят», 70 — «Пахомовна», 80 — «бабушка», 90 — «дедушка». Помню названия двух карт. Если на «низу» цифры 7, 19, 20, 36, 47 — это «цыганочка», а если 43, 55, 68, 70, 83 — это «биржа».

Школа

Восемь классов я закончил в Тайтурке. Сначала учился в «маленькой» школе, начальной. Это было одноэтажное крестовое здание, видимо, земской постройки, с печами-голландками, с крашеными когда-то полами, просторным двором, большими светлыми классами. Парты с откидывающимися крышками, с отверстиями для чернилниц-

непроливашек и ложбинками для ручек и карандашей. Между рядами парт с линейкой в руках прохаживается строгая Людмила Ивановна. От ее линейки можно было получить и по рукам, если они становились слишком шаловливыми.

Ребяшня разнокалиберная и разношерстная, в смысле возраста и одежды, время послевоенное. Мать перед школой раздобыла где-то кусок пестряди, соседка-литовка взялась сшить штаны. Получилось по западному образцу: короткие, широкие, с лялочкой через плечо. Как уж выкручивались, не помню, но я в них в школу не пошел. Ранцев и портфелей еще не было, были холщевые сумки с черным пятном от все же проливающихся «непроливашек». Это у тех нерях, что не носили чернильницу в рекомендованном отдельном мешочке.

Золотуха, чесотка, лишай, вши... Дразнили Петьку В., насквозь простуженного подпaska, который мог обоссаться на уроке. Попроситься выйти стеснялся, а мочевого пузыря не держал. Того самого Петьку, которому мы дружно завидовали летом, когда он, мастерски шелкая бичем, прогонял по улице стадо.

Мне кажется, вши заводятся не от неряшливости и грязи, а от безысходности, горькой жизни. Мать всегда была чистюлей, и в старой баньке и в бараке, где мы жили, всегда были чистые, выдраенные дресвой и голиком полы, свежее выбеленные хоть и пустые стены, а на окошке цвели «иранки» (так мать зовет герань). Но вот приходит соседка: «Что, Люся, поищемся?» Они ставили табуретку, сидели друг против дружки, брали частые костяные гребни, нож, и только хруст стоял от поверженных вшей и гнид.

Звонкий ямской колокольчик объявлял перемену. Начинались игры: куча мала, чехарда-езда. Если повезет, то между двух уроков, играя в «перышки», можно выиграть и

«звездочку», и «уточку», и даже «рондо» (так назывались перья). Была еще одна — зимняя игра — «зоска». Это аккуратно вырезанный клочок старой овчины с пришитой к коже расплющенной свинцовой пломбой, подбиваемый ногой, обутой в валенок. Для придания плавности полету шерсть расчесывалась. Взлетал снаряд под потолок свинчаткой вверх, поворачивался и приземлялся в аккурат на боковину валенка. Асы могли всю перемену, не переставая, демонстрировать свое искусство — и с двух ног, и со взъема, и даже с запятника.

Интересно, ребячьи лица помню, а девчоночьи из начальной школы — нет. Видимо, мы были горды и самодостаточны. И на девчонок стали обращать внимание класса с шестого, когда вдруг после лета у них появились завитки волос на висках и стал подозрительно топорщиться кружевной передничек.

Как соблазнительно пахли типографской краской выдаваемые школой новые учебники и тетради! Учился я легко. Память была хорошая, запоминал все сразу. Но скоро определились предпочтения, я с удовольствием занимался русским языком, литературой, историей, географией, без удовольствия — химией, физикой и с отвращением — алгеброй и тригонометрией. Это сказалось на оценках. Зато уж активист был, не удержать. В третьем классе, редактируя стенную газету, «опубликовал» первые стихи, посвященные годовщине Великой Октябрьской социалистической революции:

*... Теперь буржуя, кулака
Смела рабочая рука,
Теперь рабочий у станка
И наша власть крепка.*

Неужели считал, что до революции буржуи не допускали рабочих до станка, исключительно сами стояли?

В четвертом был старостой по прозвищу «Американский староста». Видимо, за исполняемую с выражением частушку:

*Америка России
Подарила шевролет,
Поломаны рессоры,
Но зато хороший свет.*

В пятом избрали вожатым октябрятской звездочки. Макулатуру мы с ребятней собирали, благо, опыт взаимодействия с «Вторсырьем» у меня уже был.

Член учкома, совета дружины, комсорг..

Жизнь и улица несколько снижали настрой. Когда я, отплакавший вместе с пионерией и учителями по поводу кончины Иосифа Виссарионовича Сталина прихожу домой, то вижу, что у матери и отца глаза сухие. А очередной «наставник молодежи», недавно освободившийся из мест заключения, познакомит со своей интерпретацией выученной тобой недавно крыловской басни «Ворона и лисица»:

*...А между тем по просеке лесной
Медведь волок лису на Колыму,
Лиса свой френч пуляла, конвой не брал.
Лиса от Мишеньки канала,
Подкнукала ворону, подканала,
И ботает такие ей слова...*

Многое непечатно. Проскочить между Сциллой и Харибдой соблазнов послевоенной крутизны удалось не всем пацанам. Мне повезло. Я любил читать. С детской библиотекой, правда, получился облом. Меня записали. Взял первую книжку. Это были «Звери-путешественники» Виталия Бианки. Обернул ее в газету, так было принято обращаться с библиотечными и школьными книгами. А дома к ней подкрался начинающий ходить младший брат Славик. Оста-

лись одни ключья. Явиться с таким известием в библиотеку снова было выше силы. Пошел во взрослую. А тогда был порядок: при записи читатель обязан сдавать залоговую книгу. Дома книг не было. Где уж я раздобыл работу В.И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», не помню. Меня лукаво спросили:

— Сам-то читал?

— Конечно, — покраснев, соврал я.

Читал запоем. Пока мать лампу не отберет. Керосиновую, естественно. Они были двух видов: семи- и десятилинейные, в зависимости от ширины фитиля. Стекла быстро покрывались копотью, их надо было чистить, причем они норовили упасть и разбиться, и тогда приходилось читать при коптилке. Словом, когда некоторые сверстники уже собирались идти на «настоящее дело», я оставался в компании индейцев и пиратов Фенимора Купера и Майна Рида или рыцарей Вальтера Скотта.

Зрение, конечно, испортил. К 14 — годам уже с первой парты мало что видел на доске. Пришлось надевать очки и понимать, что если кричат: «Очкарик!», это относится к тебе, больше не к кому. Я выпал из стаи.

В сентябре школа выходила на копку колхозной картошки — с начальных классов. Старшие ребята на школьном дворе впрягали лошадей в бестарки, затаренную в мешки картошку мы сами и отвозили в хранилище. Над полем стоял вкусный дым от печеной картошки. Сейчас проще, на любом поле валяются ведра с прохудившимся дном или вообще без днища. Засыпал в перевернутое ведро клубней, развел вокруг костер и вскоре, пожалуйста к столу. В детстве ведра в поле не валялись, надо было нажечь углей, уложить на них картофелины, загрести их углями... Проворонил — горелки. Но та картошка — длин-

ленькая розовая скороспелка или корявый тулунский сеянец — с углей — была вкуснее.

Баловство до добра не доводит. Копаюсь я в гнезде, подскакивает дружок, цыганистый вертлявый Колька Хохлов: «Дай подкопну!», и пропарывает вилами средний палец левой руки. Насквозь. Аптечек в поле не водилось. Промыли, завязали. Зажило, как на собаке, остался шрам на память.

Закончил я школу в старом Братске. Дело в том, что весной 1958 года отец перевез семью из Тайтурки в Ангарскую лесоперевалочную базу, расположенную как раз напротив острожного села. Строилась Братская ГЭС, освобождалось ложе будущего водохранилища, надо было успеть скосить и вывезти хотя бы ангарскую сосну и лиственницу.

Строго говоря, «легендарный Братск» — и есть это почерневшее от времени и притихшее от скорой неминуемой кончины село, а не новый город при ГЭС. Это первый ангарский форпост завоевания Сибири, его посевы горели и гибли «годовики» при набегах, организуемых «немирными» енисейскими кыргызами.

Левобережная протока, в которую проносила свои воды впадающая чуть выше Ока, потому и назвалось Кровавой. Вот острожная башня, в которой бедствовал неистовый протопоп Аввакум. Неподалеку вторая. Рядом церковь, превращенная в клуб, и остатки сапог на постаменте от вырванного в спешке памятника Иосифу Виссарионовичу. Таким я застал старый Братск.

Утопающая летом в зелени бревенчатая двухэтажная школа, учительские династии потомственных сибирских интеллигентов, бережно пестующих подрастающую поросль. Вечное спасибо Вам, Людмила Михайловна Карпова, за то, что вы умели заметить в наших глазах Божью

искру. Школа выделялась спортивными достижениями, особенно лыжными. В нашем классе Боря Проценко и Володя Беломестных (позднее он станет председателем областного общества «Локомотив»), выбегали на «десятке» за мастерский норматив, перворазрядниками были Алла Проскуракова и Леша Сухих. Даже я стал разрядником.

Наш поселок и строился, как времянка. Ряды сборно-щитовых домиков на склоне меж двух сопок, лесоперевалочное хозяйство на берегу, рядышком лесоповальная зона с колючкой, прожекторами и бараками. Школа-восьмилетка в поселке была, а вот в 9-м и 10-м классах мы уже учились в старом Братске. Летом старшекласников (благо, их было немного) перевозил попутный кошельный катер серии «Д» («Дон», «Дунай», «Днестр»), зимой, когда бульдозер срубал двухметровые ледяные торосы вставшей Ангары, ходили пешком через реку, а ширина ее, не со-врать бы, километра три. А вот весной и осенью, во время ледохода и ледостава, добираться приходилось по шпалам дороги Тайшет—Лена, по мосту над Похмельным порогом и через гору Заверняйку. На горе Заверняйке, нависающей над рекой, где поворачивали к пристани «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс» и откуда открывался потрясающий вид ангарских просторов, мы и попрощались со школой.

В девятом классе я увлекся фотографией. Купили мы с дружкой Володей Кузнецовым фотоаппараты «Смена», фотоувеличители, ванночки, химикаты и без усталости снимали уходящую и приходящую натуру — острожные башни, родную школу с ее обитателями, густущий травостой ангарских островов, сужающиеся прораны и растущие котлованы ГЭС, опозитизированные палатки Постоянного и ту, ставшую легендарной, наскальную подпись: «Здесь будет построена Братская ГЭС» на Падуне. Жаль, что при

последующих переездах семьи (я уже жил в Иркутске) негативы, да и многие отпечатки, не сохранились.

На сплаве

В Трудовой книжке записано, что 28 мая 1958 года, накануне 16-летия, я был принят рабочим сплавного рейда Ангарской лесоперевалочной базы.

Сплавной рейд состоит из запани — ограниченного бо-нами участка реки, своеобразного «мешка», накопителя бревен, длинного коридора — молепровода, по которому плывут бревна. Он ограничен с одной стороны сплошными бо-нами, чтобы лес не ушел в Ангару, а с другой — с разрывами. От этих разрывов и отходят в сторону берега «дворики», в которые, стоя на поднятых над водой помостах, и заправляют сплавщики определенной длины бревна: в один четырехметровые, в другой — пяти-, в третий — шестиметровые, в следующий самые длинные — телеграфник. «Дворики» чередуются с таким расчетом, чтобы к концу молепровода весь лес был разобран. Из «двориков» бревна лебедками поднимаются к железной дороге и там с помощью деревянных подъемников — «стрел» грузятся на платформы.

Сплавщику выдается спецовка: брезентовые штаны, такая же куртка, рукавицы-верхонки, резиновые сапоги-бродни. Вскоре оказывается, что в брезентовых штанах и куртке работать неудобно, лучше подходят простенькие брючата и хлопчатобумажная рубаша (тонкую комар пробивает). Необходимая принадлежность сплавщика — баночка мази с диметилфталатом — едкого репеллента для борьбы с гнусом, так называемой мошкой. Это отдельная песня. Главной причиной бегства столыпинских переселенцев из Сибири была формулировка: «Гнус заел». В

лес ходили в накомарниках и волосяных сетках, в стайку — с дымокуром. Стервенели люди, обезумевал скот. В безветренный летний день эта нечисть из комаров и разнокалиберных кровососущих мушек плотной завесой висела в воздухе. Неаккуратно рот открыл — можешь пережевывать. Предпочтение мошка оказывала приезжим. Дружок Колька Рыбальченко, приехавший с Украины, первое лето ходил с кровавыми глазами — так мошка объела веки. Мазь помогала недолго, она стекала с потом.

Рабочий инструмент сплавщика — багор. Приличной закалки кузнечное изделие с тонким носком и хищным крюком крепилось на длинном (5–6 метров) древке. На древко шли сосенки, растущие в привершинной падушке на сопке у поселка. Там в густом, как шерсть, молодом соснячке тянулись к солнцу тонкие, прогонистые, без сучков, деревца.

Не знаю, были ли в тогдашнем КЗоТе какие-то возрастные послабления, нам их не делали. Да они и не нужны были. В работе сплавщика много игровых моментов. Глаза быстро привыкали отличать бревна по длине, хотя пилились они с походом: в «четверке» было больше четырех метров, а в «шестерке» — шести. Примерившись, ты швырял багор в «свою лесину», умело выводил ее из гуши и направлял в дворик. Не дай тебе Бог перепутать сортимент, скажем, вогнать в «четверошный» дворик «пятерку». Тебя «покроют» чокеровщики, формирующие пачки леса для подъема лебедкой. Ты будешь долго корячиться, вываживая это бревно через запруженный лесом дворик. Хотя по-первости, конечно, все бывало.

Видимо, работал я достаточно ловко, бригаду не задерживал, дворик держал заполненным, и получил «повышение». На следующий сезон бригадир Кузьма, сухопарый, жилистый мужик с синими вожжами на груди взял меня

работать на Главные ворота рейда — место, обеспечивающее лесом весь молепровод, задающее ритм предприятию. Катер распускает над запанью очередную кошель леса, бревна течением сбивает к Главным воротам, образуются заломы, которые надо разбирать, прыгая с одного уходящего в воду бревна на другое. Пацаны тут нужны, они еще не научились беречься, не накопили страха, их не отводит в сторону от опасности груз ответственности перед семьей. Они легче и ловчее. А у меня был еще тайтурский тренаж: там мы устраивали соревнования: кто дольше продержится, балансируя на вертлявом балане.

Верхонки при работе с багром снашивались быстро. А рука привыкает и терпит. К концу лета вся ладонь покрывается мозолью, особенно грубой между большими и указательными пальцами.

Что только не приносит река в запань. То выплывает обмылок человеческого тела, и добровольцы, поторговавшись о цене моральной издержки, везут его в лодке к братским милиционерам. То принесет сверху дерево с ветками, корнями, и оно, раскорячившись, намертво застопорит движение леса. Вот и прыгаешь с топором, обрубая сучья и корни. А однажды принесло обласок, цвета темной слоновой кости легкую осиновою долбленку. Под вытесанным из доски двуручным веслом она шустро ухотила вверх по ангарской быстрине.

Кузьма крепко держал бригаду — никаких пьянок на работе не допускал. Да тут и трезвому на скользких бревнах устоять было непросто. Недавний невольный строитель шумящей над запанью дороги Тайшет—Лена, он был в авторитете. Кузьма и защитил, когда здоровенный жлоб, только что вышедший с зоны, стал крепко обниматься с пацаном, все кидался бороться в свободную минут-

ку. «Вязы ломать будем», — бросил мужику Кузьма. Тот и отвязался.

Ангара еще жила своей привычной таинственной жизнью. Вы бы слышали, как «бьет» таймень! Ударом крапчатого хвоста он заглушает шум лебедек на берегу и образует глубокую воронку на поверхности реки. Вы бы видели, как играет счастливо избежавшая жал браконьерских самоловов стерлядь! Она выбрасывается на берег, на боны. И не всегда ей удается вернуться в привычную стихию, потому что тут ее поджидают наши заgreбушие руки. На Ангаре легко рождались стихи:

*...Когда КТ зарокотали,
Поплыли кошелю,
И сосны, зопрокинув дали,
Дно обнажив, ушли.
Неслись взахлѐб и второпях
Азартные года,
И зажурчала в проводах
Ангарская вода.*

Сплавщики хорошо зарабатывали. Даже я, парнишка, не Бог весть какой квалификации, получал в месяц две с лишним тысячи больших рыжих рублей. Вы помните ту сотенную с кремлевским пейзажем, с шириною в полдуши? «Волга» стоила 5600 рублей. Попробуй только ее купи.

Мельчают деньги. Успокоительные пассы власть имущих перемежаются наукообразными рассуждениями банкиров о неэкономичности производства копеек и пятаков. Отшелестела пятирублевая купюра, становится звонкой монетой червонец. Давно ли появилась, но по статистике стала чуть ли не самой ходовой (в каких это кругах?) пяти-тысячная. Упорно отвергаются и столь же упорно муссируются слухи о десятитысячной купюре. А сколько стоит

пословица «Копейка рубль бережет» или ее забвение? Какова цена государственного казначейского символа с полутысячелетней историей? Копейка бывала и золотой, и серебряной, и главной монетой России. Кроме стоимости материальной символы имеют еще цену духовную. Они как тоненькие невидные корневые капилляры поддерживают народное самостояние. Забывая об этом, мы не раз еще разобьем свою забубенную голову о чистый прагматизм.

Студенческая жизнь

В 1960-м году, закончив школу, я ушел из дома. Поехал в Иркутск, поступать в Политехнический институт. Было время так называемой хрущевской оттепели, великих строек и открытий. Совсем недавно геологи Лариса Попугаева, Юрий Хабардин, Григорий Файнштейн открыли коренные месторождения вилюйских алмазов. Выбрал специальность «Поиск и разведка месторождений полезных ископаемых». Новое здание политеха уже стояло на своем месте, но экзамены сдавали в старом, бывшем промышленном училище на площади Кирова. Да и экзаменационные листы шли еще под грифом «Иркутский горно-металлургический институт».

Сама площадь Кирова тоже выглядела по-иному. Еще живы были два училищных флигеля — в одном библиотека, в другом столовая. Не было гостиницы «Ангара». На ее месте за дощатым неказистым забором пряталась автобусная диспетчерская. На другой стороне площади, между инязом и горсоветом, в продолговатом одноэтажном строении располагались милиция и вытрезвитель.

Экзамены я сдал, меня приняли. Надо сказать, политех был привилегированным учебным заведением. Если

в университете стипендия составляла 220 дореформных рублей, то здесь 395. На них можно было прожить, тем более что хлеб в студенческих столовых был бесплатный. Думаю, из меня получился бы геолог, я с удовольствием постигал тонкости минералогии, петрографии, кристаллографии, и сейчас могу на память пересказать шкалу твердости Мооса, отличить гранит от сиенита, а диабаз от диорита. Но на пути стала высшая математика. Я и от элементарной нос воротил, а тут дифференциальное и интегральное исчисление, начертательная геометрия. С трудом, с пересдачей закончил первый семестр, а на вторую сессию уже не пошел.

В политехе был альпинистский кружок. Мы и зимой тренировались, карабкаясь по скалам «Витязя», а перед маем пошли брать Тагархай, двуглавую вершину в Саянах. Вел группу Боря Кузьмин, будущий начальник домостроительного комбината. Аршан, каньоны и водопады Кынгарги, «жандармы» и снежники трассы — это незабываемо.

*Рассветные тункинские гольцы,
Как бедуины в белых галабях,
И мечутся в долине скарабеи
Белесые от солнца и пыльцы...
...Вершина принижала человека,
Поскольку дальше тропы не вели,
Здесь чувствовалось, как нигде, опека
И ограниченность Земли.*

Надо было как-то жить. Возвратиться домой, потерпев фиаско, я не мог. Пошел в книготорг. Проэкзаменовав меня, Галина Борисовна Березина и Екатерина Осиповна Зотина поняли, что в литературе я разбираюсь (зря, что ли, зрение терял!), и приняли книгоношей. Определили место — иняз. Там я и торговал на первом этаже, у входа.

Книгоноша, собственно, не должность, а образ действий. Ходовой литературы мне давали немного, но в подвале бывшего «Гранд-отеля» на углу улиц Литвинова и Карла Маркса, где в разное время располагались управления культуры, печати, облоно, книготорг, Куйбышевский райком партии и т. д., высился целый Монблан книг прошлых лет издания, не нашедших сбыта или имеющих незначительные повреждения. Эту кучу я и процеживал, выбирая то, что считал интересным и мог рекомендовать студентам и преподавателям. В основном, конечно, поэзию. А однажды раскопал Бог вещь как затерявшийся оксфордский англо-русский словарь. Его у меня чуть с руками не оторвали, советовали еще поискать. Вот выберешь книги, свяжешь их в пачки и несешь на место работы — книгоноша, называется. Торговал с процента, на жизнь хватало. Я снимал угол на улице Рабочей у двух милых стариков — Ивана Ивановича и Екатерины Ивановны. Они поили меня чаем по вечерам и рассказывали бывальщины из прошлой жизни города и люда. Каждая заключалась по словицей. Я не нашел их потом в такой интерпретации и у Даля. Ну вот, говорил Иван Иванович: «Чужая шуба не одежда, чужая баба не жена». Или — «Жизнь прожить не поле Сабурское перейти». Или — «На жребий, парень, не сядешь».

В 1961 году в госуниверситете открылась новая специальность — журналистика. Я туда и ринулся, решив: это мое. Желających получить престижную профессию оказалось много, был конкурс. Экзамены выдержал: две пятерки, две четверки. Но первыми принимали «стажников». Так Саша Подкова, Люда Грицких, Коля Онхонов, Саша Куриганов, с кем вместе сдавали экзамены, пошли учиться журналистике. А мне милейшая декан истфила Любовь Тимофеевна Люшина сказала: «Почуйся пока на филоло-

гическом, потом, если желание не пройдет, переведешь-ся».

Учились мы в основном одному и тому же, у одних и тех же преподавателей. Обаятельная Анна Петровна Селявская выпевала «Онежские былины», строгая Надежда Степановна Тендитник открывала нам Федора Абрамова и других деревенщиков, а Надежда Владимировна Ковригина — сокровищницу зарубежной литературы. Но начались и расхождения. Газетный практик Михаил Израилевич Давидсон, пришедший из «Восточно-Сибирской правды» и Леонид Леонтьевич Ермолинский из «Молодежки» давали азы будущей профессии журналистам, а филологи учили латынь, старославянский и диалектологию.

«Общага» и «фунда» — две главные пристани студента. Посмотрите как «на нет» истоптаны лестничные ступени Белого дома, в наше время — фундаментальной, а теперь Научной библиотеки. Преподаватели указывали азимут, а «фунда» обеспечивала духовной пищей.

Гастрономические же изыски ждали в «общаге» — Харлампиевской церкви. Здесь в полуподвальном этаже будущие профессора Коля Лаптев и Володя Яговкин чистили картошку, девичья «коммуна» под куполом могла накормить борщом. Перед стипендией на двое суток вполне хватало булки хлеба и ста граммов «подушечек».

А после стипендии на столе мог красоваться ром «Рио-Негру», свидетель крепнувшей дружбы с Кубой, а бывшие клирос и хоры сотрясались отнюдь не церковными песнопениями, а гимном филологов «Сыпал снег буланому под ноги». Здесь Слава Равдель познакомил меня со стихами Бориса Пастернака, а Саша Косенков с Ницше. В нашей восемнадцатой комнате на втором этаже было более десятка кроватей. Постояльцы менялись. Из старожилов помню Серегу Серышева, Витю Шелястина, Женю Пе-

стерева, Славу Смирнова — будущего главного редактора «Забайкальского рабочего». Судьбе было угодно сделать так, чтобы наши кровати стояли рядом.

Времени хватало на все. Днем можно было «потасоваться» во фрондирующей «Молодежке», где на дверях редакторской приемной красовалось четверостишие Пети Пиницы:

*Ах ты, сука-романтика,
Ах ты, Братская ГЭС!
Я поехала с бантиком,
А приехала без.*

Здесь юные дарования привечал гривастый и непоседливый Юлий Файбышенко. Здесь мы и начинали печататься.

А вечером в «ТОМе» (Творческое объединение молодых) при Союзе писателей молодые еще мэтры иркутской поэзии в пух и прах разносили наши творения. «Что это за рифма у тебя, Гена, в последнем стихотворении, — ехидничал Петр Иванович Реутский. — Ты же рифмуешь ботинок с полуботинком».

В зоне затопления

Летом 1962 года мы, несколько студентов-филологов госуниверситета — Саша Косенков, Витя Шелястин, Сергей Серышев, ваш покорный слуга, — подрядились поработать в Усть-Удинском районе, в зоне затопления Братской ГЭС. Выпало нам разобрать зерносушилку в береговой деревне Рогово и поставить из этих бревен телятник в Михайловщине, на незатопляемом месте.

Красивое было здание — высокое, изящное, похожее на храм. Надолго ставилось оно сельскими умельцами. Срывая прикипевшие к лиственничным шкантам звонкие

кондовые бревна, мы проникли в сердце сушилки — плетенную из прутьев, кажется черемуховых, заглаженную глиняным раствором сушильную камеру, в которой и дозревало зерно под теплыми ветрами воздуховодов.

Смутные червоточины бередили души «взломщиков». Внизу, под нашими топорами, рушился устоявшийся крестьянский уклад. Как намазанный паюсной икрой, выплывал из-за пригорка обреченный паровой клин. Будто придавленные к земле дома, порушенные заплоты (а что их ремонтировать, все равно сгорят!). Заполошно кричат куры, отправляемые в ошип (на новом месте птичник не планировался). Этими курами мы и питались. Набили ими, щипаными и потрошенными фляги, закопали в холодок, дежурный по кухне доставал, готовя обед, по курице на человека и кидал их в котел над костром. Приванивать они начали потом, вот мы и торопились съесть.

Вставали рано (аккордный договор!). Но раньше нас начинали скрипеть по бичевнику пабереги кирзовые сапоги бригадира Иннокентия Рогова, он смотрел — не поднимается ли вода. И темнел лицом, она поднималась.

Скоро Ангара споткнется в своем беге, выплеснется на цветущие острова и берега, скроет их. И уйдут под воду Рогова, Бердникова, Бутакова, Горячкина, Распутина и десятки других сел и деревень. А также города — форпосты освоения Сибири — Братск, Илимск, Балаганск.

Не слишком ли дорогая плата за свет — сживание со свету? Старая деревня вращалась в ландшафт, как необходимое природное звено. Рядом вода, дрова, выпасы и пашни. Расчерченные недрогнувшей рукой новые поселки часто вынуждались жить на привозной воде, неподъемном топливе, в разрушенном природном симбиозе, это и плодило разрушителей.

Конечно, каждый житель зоны затопления (это надо же, какая чисто фрейдистская проговорка, не смогли обойтись без «зоны»!) получал жилье. Часто более благоустроенное, но это был обмен собственных корней на комфорт, культуры на цивилизацию.

Я не буду дальше корябать бумагу своими стенаниями, лучше, чем Валентин Григорьевич Распутин, все равно не скажу, но кое о чем напомнить власть предержащим все же надо. Вот они опять поползли на газетные страницы, вкрадчиво-озабоченные размышления о необходимости выравнивания коэффициента на электроэнергию, — проще, о повышении платы за нее. Молодые пришлые капитаны «Иркутскэнерго» и новоиспеченные областные министры, может, и не знают о затопленной Илимской пашне, кормившей когда-то всю осваиваемую Восточную Сибирь, о тысячах и тысячах гектаров щедрой пойменной земли, политой крестьянским потом и кровью, об ушедшей под воду родине, с очагами и погостами, о задранных на неродящие хребты полях, об изменениях не в лучшую сторону климата и погоды.

Областное сообщество заплатило высокую цену, может быть, слишком высокую, в надрыв себе. Сохранение существующих льгот в оплате населением электроэнергии, по большому счету, выгодно. Это сохранение справедливости, значит, лада во взаимоотношениях народа с властями, немалый стимул для привлечения новоселов, так необходимых области.

Вьется, вьется... или Дембель неизбежен

Это «благодаря» Карибскому кризису образовались мы на вытопанном дворе двухэтажного деревянного, в прозелень, военкомата на улице Ударника осенью 1962 года.

Студенты госуниверситета, политеха, иняза, пединститута. Перезнакомились в поезде, который достаточно шустро, встречу солнца, добежал до Уссурийска. Забавным показалось, что фамилии новобранцев нашей группы отражали названия деревень верхней Лены: Коля Прошутинский, Евгений Лыхин, Валерий Тирских, Коля Новопашин, Саша Щапов, Юра Суров, ваш покорный слуга.

158-й Гвардейский ордена Красного Знамени Брянско-Берлинский тяжелобомбардировочный летный полк. Так называлась часть, в которой мы служили три года. Насчет «летного». Это легенда прикрытия, часть была ракетной, с первыми баллистическими межконтинентальными «дурами» по 30 метров длиной. Размещались они на «столах» и в шахтах среди манчжурских сопок, в стороне от военного городка — на «объектах». В считанных километрах китайская граница.

«Старики», которых мы застали, два года отслужили на Курилах, потом их перевели на материк, добавив третий, а когда подошел «дембель», случился Карибский кризис. Их задержали на четвертый год. Они быстро вытряхнули из нас «домашние пирожки». Гудел строевой плац: «тяги носок, рота!», кристаллами высыпала соль на гимнастерках после марш-бросков с полной боевой выкладкой, спичка не успевала потухнуть, а рота уже затихала после отбоя или стояла в строю после сигнала «подъема». Как вас забыть товарищи старшие сержанты Охрименко, Васенко, Куличенко, Христенко! Действительно, хохол без лычки, что справка без печати.

Немного о солдатской «иерархии». На первом году службы ты «салага». Это значит «через день на ремень», т. е. в караул, через два — наряд на кухню. Солдат второго года службы — «фазан» (специфика Приморья), третьего

— «старик», после приказа о демобилизации — «дед» (тут уж не кантовать, при пожаре выносить первым).

Дедовщины в части не было. Никто в твоей тумбочке не рылся и на твои 3 рубля 80 копеек не посягал. Завелся в роте воришка еще до нашего призыва, так жизни у него не стало, он застрелился на учениях.

Ритуалы были. После прохождения курса молодого бойца и прихода в роту тебя ставили на довольствие. Процедура, конечно, обидная. Приводят тебя ночью в сушилку, где уже расположился ареопаг в кальсонах из старослужащих, укладывают на две табуретки и ты получаешь «по пять банок на половину» (орудия труда — две связанные носовым платком столовые ложки, не алюминиевые солдатские, а стальные, видимо, из офицерской столовой — для большей ощутимости). Сопротивляешься — получаешь больше. Я получил больше. Второй ритуал веселее. После выхода в свет (обычно в сентябре) приказа о демобилизации старослужащих после отбоя разыгрывалась такая церемония. Молодой дневальный вставал на тумбочку и с «выражением» зачитывал приказ. Кому-то из «дедов» не понравилось: «Что-то сбиваешься ты. Повтори!» И снова звучит: «Приказ министра обороны... уволить в запас...» Так повторялось много раз. «Деды» ловили кайф.

Часть была режимной. Отпусков никто не обещал, никто и не давал. В оплетенном по периметру колючкой городке, с прожекторами и караульными на вышках, и у офицеров жизнь была не сахар. Старшие офицеры прошли войну. И полковник Белов, командир части, и замполит Герой Советского Союза майор Роменский, и старшина роты Гудин. Федор Алексеевич Гудин — особая песня. Он служил в армии с 1929 года, у него за плечами были Хасан, Халхин-Гол, финская и Великая Отечественная на западе

и на востоке. На парадном мундире награды свешивались за ремень.

Природа без ухищрений создала его, вырубив, не закругля углов и не подтесывая неровностей. Грамотностью он не отличался, это компенсировала требовательность. Однажды его разыграли ребята, отправив к командиру роты с требованием выписать спирту «для протирки оптических осей». Больше разыгрывать не рисковали.

Старому солдату не спалось, поэтому вечернюю поверку он мог проводить и час и полтора, проходя вдоль строя и зорко следя, чтобы грудь четвертого человека видна была каждому.

— Разрешите стать в строй, товарищ старшина?

— Почему опоздал?

— В туалете был.

— Что, понос в оглоблю? Одной отламывашь, второй откатывашь? Пирамиды кирисинном чистить будешь, платформы драить. В кахей играть!

«Игра в хоккей» — это каждодневное занятие дневальных по роте. Полы в казарме не мылись, их начищали мастикой. Надо чтобы они блестели, «как котовы яйца», — это требование старшины. Добивались блеска следующим образом: на старое одеяло устанавливалась перевернутая табуретка, в нее ставилась двухпудовка, на которую садился один дневальный, а два других взявшись за концы одеяла возили это сооружение по коридору. Со свистом!

Лишь однажды, перед собственным дембелем я видел Федора Алексеевича расстроенным. Выпивший новый командир роты капитан Стальнов намекнул старшине о возможном увольнении. И вот в сержантском кругу ветеран недоумевал: «Как он мог, этот... Мне Костя Рокоссовский руку жал!»

Мне кажется, сегодняшние солдатики неправильно ходят строевым шагом, они же просто копытят землю каблуками. Гвардейцев учили так: когда тяжесть тела переносится на носок задней ноги, ступня передней должна быть вытянута параллельно плацу. И — раз! И — два!

В перерывах между строевой, стрельбищем, караулом и кухней мы учились на радиотелеграфистов. Тут всех и поразил Коля Прошутинский. Смешливый, мешковатый и медвежковатый, он замыкал строй в «коробке», часто сбивался с ноги и отставал (на смотры его и не брали). Коля накрывал лапой телеграфный ключ, и морзянка превращалась в музыку. Оказывается, до армии он несколько навигаций плывал по Лене радистом. Он мог принять и передать невероятное количество групп «цифрянки», за что и был вскоре удостоен мастерского значка. Остальные, колченого хромая на ключе и срывая руки, добрались через несколько месяцев до второго и третьего классов.

Тогда и началась наша главная служба — боевое дежурство на радиоприемном центре. Это подземный бункер с аппаратурой, закрывающимися наглухо, как в подводной лодке, стальными дверями. В наушниках писк морзянки или тишина. И ожидание сигнала, который нельзя не принять. За пропуск оперативно-тактического, так сказать, проверочного, обещали 7 лет тюрьмы, за пропуск боевого сигнала, поднимающего ракеты в воздух — расстрел. Не думаю, что шутили, время было суровое, международная обстановка не располагала.

...Вот он пошел. Сначала три буквы «ж», потом твои позывные, потом какое-то заковыристое слово типа «бордюр» или «лагман». Четыре цифры и тишина. Если она продолжится после того, как дежурный офицер на «объекте» вскрыет пакет с этим сигналом, значит, была просто

проверка или пришло оперативное распоряжение. Слушайте дальше.

Солдат может спать не только лежа, но и сидя, и стоя, и с открытыми глазами. На то ты и начальник дежурной группы, чтобы понять несет он службу или засыпает. Когда не помогают уговоры и ненормативная лексика, делается «щипок» — оттягивается кожа на плече и поворачивается, как тумблер на радиостанции. От обиды и боли твой товарищ начинает служить бдительнее. Мне приходилось это делать.

За колючей проволокой военного городка и объектов кипела другая жизнь. В Приморье все-таки тепло, муссоны. В декабре зайдешь за казарму на солнечную сторону — грейся, в феврале бегут ручьи. А летом краснеют на корню (целое поле!) и, не удержавшись, падают наземь помидоры. По песчаным отмелям речки Золотой пятаются в омутки раки. Маленькими фейерверками взрываются в лугах фазаны. На башнях старых дзотов сушат змеи сброшенную кожу. Их тут много. Пнешь по завалинке старой казармы — смотришь, поползли. Как и лягушек, такие концерты по ночам задают — стрельбища не слышно. На приемном центре кроме дежурящей смены есть еще отдыхающая. Так вот она и позволяла себе иногда углубиться в окружающие приграничные сопки. Красота! Лианы лимонника обвивают пробковую кору амурского бархата, развешивая как гирлянды гроздь красных ягод. Черноглазый дикий виноград тянется к маньчжурским дубкам...

Как мы жили там без прекрасного пола, спросите. Всяко. Бывали скандалы в офицерских семьях, когда муж заподозрит жену в благоволении к солдатику. Селу Барано-Оренбургскому, находящемуся рядом, тоже не всегда удавалось уберечь своих дочерей от самовольно отлучившихся из части солдат. На третьем году нашей службы в части

появились девушки-радиотелеграфистки. Но и это мало что изменило. Девчонки были уже биты жизнью и не торопились раскрывать нам объятия.

Ходили слухи, что в солдатскую пищу добавляли лекарства, снижающие потенцию. Сомнительно это. Как в анекдоте про двух стариков?

— Ты помнишь, Ваня, в Первую империалистическую нам таблетки давали, чтобы к женщинам не тянуло?

— Ну помню. А ты что о них заговорил?

— Да вот. Похоже, стали действие оказывать.

Несказанной радостью был для солдата приезд любимой девушки. Однажды и ко мне приехала моя Катерина! ...Чтобы получить увольнительную, я за ночь выкрасил в Ленинской комнате 120 табуреток батареи связи, как называл свою роту незабвенный старшина Гудин.

Армия не бросала солдат и после демобилизации. Существовал институт переподготовок, так называемой «партизанщины». Несколько раз ездил на сборы в Читу, в редакцию газеты «На боевом посту» вместе с другими собратьями по перу. Пробовали создавать даже газету на китайском языке. Дослужился до капитана запаса.

Одно берedit душу. Солдатская служба не мед, три года срочной — не туристическая прогулка, и «демократические» новации правительства, выкинувшего их из трудового стажа, нельзя считать действием разумным. Непатриотично это, надо бы поправить.

Огородниковы

Пора познакомить Вас, читатель, с Катиными родителями. Когда мы поженились, они были уже пенсионерами. Катя поздний ребенок, до нее в семье росли две дочери и сын. Михаил Фомич Огородников — уралец, кре-

стьянских кровей, участник Гражданской войны. Воевал в Чапаевской дивизии. Когда он появился в Иркутске — все хозяйство было винтовка да шашка. Спортсмен, военрук, то есть голодранец. А Мария Ивановна Кондрашина, недавняя ученица 2-й Хаминовской гимназии, старшая дочь иркутского домовладельца, да еще с конюшней. Нет, не пара. Но ведь сворковались как-то. Когда молодожен вышел во двор колоть дрова в галифе и майке, бабушка Марии пожалела мужика. Собрала узелок, говорит: — Мусенька, я тут лоскуточки нашла. Ты уж пришей Мишеньки рукава-то, а то неудобно.

В нашей семье хранится фотография. Иркутск, 1923 год, открытие Центрального стадиона («Труд»). Впереди шеренги спортсменов у знамени — Михаил Огородников, в футболке и трусах.

Семье кадрового военного, организатора кружков Осоавиахима, вдоволь пришлось поколесить по России. Мария научилась стрелять, охотиться, лудить, паять, доить коров и коз. А шить и вязать ее учили в гимназии, да и многим другим женским премудростям.

Родились дочери с революционными именами — Идея и Нинель, потом сын Славик. А Катерина родилась в Иркутске, в войну. Имя дали в честь нашего доблестного оружия. В голодные военные годы возле семьи всегда клубилась орда бедных родственников. Инструктору военного отдела обкома ВКП(б) Михаилу Фомичу иногда выдавали приварок — мешок соленых голов горбуши. Теща вообще умела из дерьма конфетку сделать. Так поджарит прокрученные на мясорубке картофельные очистки, что они за гречневую кашу сходили. Коньяк произвести из самогона, пряники на свиных ошурках состряпать, куда твоему курабье. И позже, когда на дачу приезжала орда студентов или журналистов, теща суетилась. Пекла пироги тазами,

угощала гостей. К столу садилась редко: «Я потом, я так головы рыбы (или куриные) люблю». Мы только в начале 70-х годов узнали, что она в совершенстве владела французским, когда старший сын стал изучать в школе иностранный язык.

После войны Михаил Фомич работал председателем добровольного спортивного общества «Колхозник». Позднее «Урожай». Заслуженный тренер, судья республиканской категории. Старые спортсмены еще помнят его, Константин Георгиевич Вырупаев, например. На качугской фотографии, где мы с Катериной молодые да веселые, на Кате свитер, подаренный олимпийским чемпионом Костей Вырупаевым по возвращении из Мельбурна.

Мартовской ночью 1955 года возвращались Михаил и Мария после соревнований домой. Через Ангару (она последний год замерзала) к роще «Звездочка». Непокойно было в городе от бандитов, время послесталинских амнистий. Тут их и встретили двое (у них с 3 по 15 марта уже было 40 ограблений и убийств). В схватке Фомич и не заметил, что легкое проткнули. Еще дошел и поднялся на два пролета откосной лестницы, придерживая почти отрезанный нос. Нос пришили классно. А легкое долго не заживало, сколько теща барсучьего и собачьего жира выпоила.

Михаил Фомич Огородников был штучный мужчина, и Мария Ивановна ему под стать.

К 40-летию Октябрьской революции ветеранам партии выделили на 21-м километре байкальского тракта дачный участок. Назвали его «Ветеран революции». В обиходе поселок Партизанский. Низина, близкий подпор воды, подполье не выкопашь, плодовые деревья плохо приживаются, но ягодные кустарники и овощи росли. Обустроивались ветераны скромно, у некоторых вообще были хи-

барки с одним окном в улицу. Это сегодня, уже потомки, вывели мансарды. А весь поселочек обстали коттеджи из стекла и бетона нынешних нуворишей.

Интересные личности проживали здесь. Вот Василий Андрианович Кригер, бородатый колоритный старик. «Это мне еще в царской тюрьме, — рассказывал он, — фамилию такую придумали. А был Крыгин, обыкновенный русак». «У нас в Тунке хороший кооператив образовался, мужики богатеть начали, но тут пришел со своей бандой Каландарашвиль и все разорил». За эсеровское прошлое и несдержанный язык советская власть тоже прятала Василия Андриановича за решетку.

А Петр Андреевич Осиновский? До глубокой старости был высок и строен. В 15 лет вступил в партию, в 16 — в образовавшийся комсомол. «Революция умела использовать молодежь. Мы мало что понимали в правых и виноватых, но кровь была горяча, и по первому стуку в окно ты вскакивал в седло». Делегат легендарного III съезда комсомола, делегат XVII съезда партии, съезда победителей, чуть ли не полностью изведенного в годы репрессий. Секретарь Сретенского райкома, конечно, был знаком с командармом ОКДВА В. Блюхером. Когда арестовали маршала, процедили и окружение. 17 лет, до смерти вождя, провел в колымских лагерях Петр Андреевич. «На улице мороз, в бараке холодно. Портянки сушили, подстелив под себя. Портянки — главное дело, простынешь — подохнешь. Говорим вохре — топить бы получше. Ничего, отвечает, я завтра дам распоряжение покрасить бочку (т. е. печь) в красный цвет, теплее будет».

Напротив огородниковской была дачка Натальи Ивановны Садовниковой и Владимира Николаевича Травлинского — образцовый участок. Там росли только полезные растения, сорняк, если проникал, уничтожался сразу.

Наши ребяташки любили ходить к ним в гости. «Там варенье, мама, и прошлого, и позапрошлого года. Все подписано». Конечно, у нас до Нового года оно никак не доживало.

Не все сразу становились завзятыми садоводами и огородниками. Были и курьезы. Роза Абрамовна Козеровская советовалась с соседом Михаилом Степановичем Вавиловым, как садить свеклу. «Ты будь повнимательней, — серьезничал тот. Головкой вниз не посади, не вырастет». Роза Абрамовна к теще: «Мария Ивановна, помоги. Я ведь раньше землю только из окна видела. Подскажи, где у этого ежика головка, а где хвостик?» Это у Розы Абрамовны наши сыновья-сорванцы разобрали штакетник забора, оголив огород, а потом уже вместе с отцом налаживали его.

Федор Евстафьевич Маренков, Иван Дмитриевич Шиповских, Константин Федорович Седых, Марк Давидович Сергеев, Николай Константинович Дерягин, Лилия Александровна Чумакова, Моисей Исаевич Шарпанский — это все дачники поселка, люди известные в городе и области.

Вот сидит на берегу залива Анна Яковлевна Маркова, сторожит поставленную украдкой маленькую сетёнку, в надежде, что щучка-другая в нее попадет. А потом выгребает на лодочке, бросает «кошку», выбирает снасть. Они с тещей ходили и на подледный лов, добывая рыбу на зависть мужикам-рыбакам.

Так получилось, что здесь мы снова встретились с однополчанином Юрием Кузьминым. Он оказался зятем профессора-медика Ильи Сергеевича Петрова и его жены врача-кардиолога Надежды Пантелеевны, мужем их дочери Нины — кандидата наук, врача детской гинекологии, Катиной подруги. Я пишу эти строки сидя в кресле — подарке семьи Петровых-Кузьминых.

Удивительно, что фамилия Петровых не вошла в книгу А. Шантурова и Г. Гайдарова о врачебных династиях Иркутска.

Здесь, на даче, и проводили каждое лето наши сыновья, с уличной фамилией Огородниковские. Сначала бултыхались в «лягушатнике», а потом один за другим стали переплывать залив Еловый. Отсюда мы на пароходном ялике под парусом, сшитым Катериной из старых плащей, отправились в Курминский залив робинзоничать. Костер, ночевки в палатке, рыбалка. Впечатлений — до сих пор сыновья вспоминают, а им уже всем за сорок.

В начале 70-х в заливе стоял ледокол «Ангара». Бесхозный, неохраняемый. Весь его, от клотика до трюма, обследовали мы с сыновьями. Даже разжились куском корабельного каната. Повесил я его на сосну в огороде, и сыновья с друзьями сновали по нему как белки.

Как быстро, на глазах, меняется окружающий ландшафт при вмешательстве человека. После заполнения водохранилища в залив еще заскакивал хариус, ползали по дну широколобики, водился налим. Потом появились водоросли, возле которых стала крутиться сорога, окунь и свирепствовать щука. Позднее завелся подлещик. Исчезла голубица, измельчала черемша, вывелись грузди и белянки. Были такие грибы, вроде волнушек, только белее и крепче, в засолку шли.

Здесь, на даче, я пристрастился к рыбалке. С лодки, на удочку или спиннинг. За хорошую зорьку полведра можно было натаскать соровой рыбы. Вечером, уже темнеет, а ребятишки, наши и соседские ждут, когда начнем коптить рыбу. В старой духовке, на вишневых веточках, особенно удачно коптились щучки-травяночки. Вот малышня и ждала...

Улица Александра Невского, 7

В декабре 1965 года гвардии сержант Бутаков (полная грудь знаков отличия) явился для прохождения учебы в университет. Любовь Тимофеевна Люшина свое слово сдержала: «Решил на журналистику, иди!»

Жизнь разбросает нас потом по всему Советскому Союзу. В высоких офицерских чинах завершит журналистскую стезю в Одессе староста группы Юра Здериглазов. Станет мареманом и рыболовным инспектором на Сахалине наш поэт Володя Губин. В другой части света, в Таганроге, окажется его бывшая жена Люда Татарченко. Неожиданно подаст весть из Якутска Володя Дворак, капитан первого ранга: «Пиарю «Алросу», зарабатываю деньги на достройку дома». Бывший редактор «Усть-Илимской правды» (первый редактор из нашей группы) Юра Ефимцев осядет в Новосибирске. Рано уйдет из жизни талантливый художник Валера Серов. Не изменит своему Забайкалью Витя Озеров. Долгие годы он будет трудиться в «Правде Бурятии», потом издавать свою газету, сейчас, по-моему, преподает журналистику в университете. Газетное поле Иркутской области будут возделывать Таня Куликовская и Галя Гольяпина.

А во времена студенчества мы часто собирались у нас, первой семейной пары, на улице Александра Невского, 7. Катерине достался в «наследство» от деда, иркутского извозчика, а впоследствии сторожа Центрального рынка, Ивана Осиповича Кондрашина маленький домик, вросший в землю. Когда-то дом смотрел тремя окнами с горы на город. Улица Сарайная (Александра Невского) была окраиной, отростком ямской слободы. На откосе ее красовался двухэтажный дом с красноречивым красным фонарем (он и сейчас стоит, но без фонаря). В двух дворах — малом и большом — расселилось семейство Ивана

Осиповича Кондрашина — сыновья Николай и Алексей. Жена Николая, тетя Нина — родная сестра Анны Ивановны Лабаевой, однокурсницы моей тетки Зины, о которых я уже говорил. Тесен мир!

Когда поселились здесь мы с Катей, окна уже упирались в дощатый забор, скрывающий город. В огороде у нас росла мелочь: морковь, свекла, укроп, редиска. В подполье лежала картошка, в кладовке капуста (мы солили на зиму 20-ведерную бочку). Здесь и собиралась чуть не вся группа. Двух бутылок портвейна «777» хватало студенческому собранию для горячих споров о высокой поэзии, газетной прозе и жизненных проблемах.

В этом доме родились три наших сына: Дмитрий, Михаил и Сергей. Точнее, сюда они заявлялись после роддома.

Помню, остановил меня на лестнице второго корпуса (там учились журналисты) Леонид Леонтьевич Ермолинский, отвел в сторону и дружески посоветовал: «Я думаю, Гена, двух сыновей вам пока хватит». Ничего не получилось, молодость взяла свое. В день защиты дипломной работы 12 июня 1968 года Катерина родила третьего, Сережку, и мужская часть группы, обсев тополя у родильного отделения на 8-й Советской, громко поздравляла ее.

Хорошую книгу о детском словотворчестве — «От двух до пяти» — написал Корней Иванович Чуковский. Мы с Катей тоже часто дивились тому, как дети «упорядочивают» лексику, переводят еще непонятные «взрослые» слова в понятные, подбирают смысловые синонимы, конструируют неожиданные сравнения и метафоры, словно купаются в родной языковой стихии. Началось это на Сарайной.

Веду или несу (уже не помню) Димку в ясли. Он видит пикирующего с крыши голубя, комментирует: «Голубец

упал». Возвращаемся из яслей. Мать интересуется, что он ел сегодня? «Суп, — говорит и задумывается — какой же? — смотрит на меня. А я курил тогда «Беломор». — С папиросами!», — добавляет.

Николай Иванович Кондрашин, брат тещи, значит, Димкин двоюродный дед ремонтирует свой уже тогда старенький «Москвич-401». Дело происходит тут же, на Александра Невского, только в соседнем дворе. Димка «помогает». Эта страсть к технике осталась у него на всю жизнь. Дед идет в туалет. Димка сидит в кабине. Года два ему. И вдруг машина поехала. Да прямо на дом. Дед, подерживая подштанники, выскакивает из будки, успевает остановить машину. Шум, гам! Прибегаем и мы с Катериной. Начинается допрос: Что ты сделал? «А я нажал на картер, — отвечает парень, — она и поехала».

Государство в то время не очень жаловало женщин декретными отпусками, да и нужда прижимала, и Катя после рождения второго сына, Миши, скоро вышла на работу, в мастерскую Энергосбыта по ремонту счетчиков (была такая на Пролетарской улице). Там трудилась ее подруга — со школьной скамьи и до сегодняшнего дня, Галя Паутова с матерью Полиной Степановной (урожденной Бутаковой), теткой иркутского художника Льва Гимова.

Мишу дед Михаил Фомич помог устроить в детясли, поблизости от дома, на Александра Невского (сейчас Детская городская стомклиника). Тут его, в 4 с половиной месяца отроду, и отравили, накормив, как потом выяснилось, несвежим рисовым отваром. Понос, рвота. Принесли домой. А парню все хуже и хуже, «скорой» все нет и нет, синееет уже. И побежал я с ним наперевес в Иваново-Матренинскую больницу, благо, близко. Долго не мог оправиться парнишка. Берешь его на руки, а у него головка падает набок. Не выдержали теща с тестем, украли его

из больницы. С их помощью быстрее оклемался. Но до двух лет, пока не заговорил Сережка, Миша молчал. А Сережа заговорил в 6 месяцев, в год говорил, почти как сейчас. «А о чем мне было с вами разговаривать? Интересы-то разные», — смеется Михаил сегодня.

Рассказывая о начале нашей семейной жизни, нельзя не вспомнить о Рыжухе. Кошка пришла к нам зимой, перелезла в сени над перекосившейся дверью. Видимо, долго скиталась, у нее были отморожены уши и кончик хвоста. Свой характер она показала позже, когда появились котята. Вот греются они во дворе на травке. А двор проходной, от дедовских ворот остались только две черные листовенничные верей. Появляется собака, неважно, какой породы и величины. У Рыжухи встает дыбом шерсть, подняв вверх лапу, на трех остальных она кидается на врага. Всегда выходила победительницей.

Однажды мы уехали на несколько дней в гости к моим родителям. Дело было по теплу, оставили кошке в сенях противень с водой, что-то поесть. Возвращаемся. В противне у Рыжухи плавают снулые, конечно, ельцы. Да много, на уху хватит. До сих пор понять невозможно — откуда и как она их добыла. Как-то она и нас пыталась подкормить. Притащила откуда-то (кругом частные дома) упакованный, перевязанный шпагатом, висел на чердаке видимо, мясной рулет.

Когда переезжали в Качуг, отец, Михаил Андреевич, решил кошку забрать себе, нравилась она ему за беззаветную храбрость. По дороге она выскочила у него из машины и убежала. Может быть, и вернулась домой, но нас уже в Иркутске не было.

Учился я очно. Получал повышенную стипендию. Ночами сторожил магазины или стройплощадки. Это очень удобно. Обошел с ружьем вверенную территорию (я ска-

жу, довольно тихо было в городе), читаешь в бытовке творчества начинающих поэтов. Идея Алексеевна Дубовцева, заведомом культуры «Восточно-Сибирской правды», доверяла мне рецензировать их творчество. Этого самостоятельного творчества в период развитого строительства коммунизма было много, отдел не справлялся. Смело советуешь начинающим и опытным графоманам больше читать классиков, отмечаешь несовершенство рифм и разностью размеров. Это тоже давало какой-то приварок семье.

Так, за два с половиной года освоил я курс журналистской науки. Еще во время учебы пригласил как-то в обком партии заведующий сектором печати Иван Кириллович Говорин. Он рассказал об эксперименте, проводимом обкомом с целью омоложения кадров. Планировалось направить редакторами газет на места молодежныхстроек выпускников отделения журналистики. Спросил, как вам Усть-Илимск? «Так я же не член партии», — отвечаю. Этого Говорин не ожидал. На Усть-Илим поехал Юра Ефимцев.

Никто нас в партию силком не загонял. Мы хотели вступить. В заявлениях писали: «Хочу коммунизм строить будучи коммунистом». Но в райкоме отвечали: «КПСС — партия рабочего класса. Надо принять двух-трех рабочих, прежде чем принимать интеллигента. Подождите».

По распределению я должен был поехать на работу в Улан-Удэ, в «Правду Бурятии». Проходил там практику, ездил в Тункинский район писать очерк о прославленном снайпере Тулаеве, Герое Советского Союза. Маленький, шепучий мужичок, охотник в прошлом. Но Герою приспособили некорыстную начальническую должность. Рассказал о подвигах (они были, и еще какие! — 365 фашистов завалил сибиряк), любимой охоте, родной природе. Умол-

чал только о том, что, подвыпив, Тулаев мог пристать к прохожему и доверительно сообщить: «Ты будешь 366-м».

Мне нравился отдел культуры, обаятельный и гостеприимный зав Юрий Игумнов, частые творческие встречи, на которые впархивала народная артистка СССР балерина Лариса Сахьянова или, входя, басил: «Какой я мельник, я ворон здешний» Лхасаран Лодонович Линховоин, тоже народный, а потом рассказывал, как в присутствии артистов пытались малайцы приготовить им деликатес — мозги из живой еще обезьянки.

Но с квартирами в Улан-Удэ было туго. А куда мы с тремя ребяташками. Вернулся в Иркутск, в сектор печати, и встретил Константина Алексеевича Боченкова, редактора Качугской районной газеты «Ленская правда». — Для нас квартира, садик для детей не вопрос, сказал он. — Приезжай.

На Лене-реке

Нельзя сказать, что Качуг был для нас землей незнакомой. Катя с одноклассниками 40-й школы имени Ломоносова ездила в деревню Болото Ангинского совхоза на прополку турнепса. Посадили неохваченных пионерлагерем ребяташек в грузовик и повезли за 300 километров. Сказали: на пару дней. Оказалось — на две недели. А их там никто не ждал и не знал. Поселили в брошенной хате, постелили соломки, живите. Молодому организму на вольном воздухе пищи много надо. А тут выделили молоко да хлеб. Выручил парень, водитель сельский. То ли из своего стада, то ли из соседского, приносил он гусей. Потрошил, замазывал глиной, запекал в кострище в лесу. Это пиршество запомнилось больше всего.

А я в 1966 году был в качугской газете на практике. С Людой Татарченко. Жили мы в семье Эрнеста Дмитриевича Алымова, кажется, он был заведующим отделом культуры. Первые «нетленки» сочиняли типа репортажа из библиотеки под заголовком «Лоцманы книжного моря».

Осенью 1968 года приехали мы в Качуг на постоянное жительство. Шофер, помогая разгрузиться, присвистнул: «Ребята! А где же у вас вещи? Одни дети да книги».

В первое же утро просыпаемся от Димкиного крика. Он прильнул к окну, по улице гонят на пастбище стадо. «Мама, мама, смотри!» «Это коровки», — объясняет Катерина. «А чего у них так много писек?» — не ослабевает интерес. «Это вымечко. В нем молочко», — объясняет мать. «Значит мы писаем чаем, а они молочком?» — следует вывод.

Боченков слово сдержал. Нам выделили целый домик на улице Первомайской, бегущей от районной больницы к Лене, но натыкающейся на Заготзерно. Дом когда-то был церковной подсобкой, потом сруб перенесли, приспособили под жилье. Года два перед нами в нем никто не жил. Изголодавшиеся клопы решили, что теперь отъедятся, и пошли на приступ. Мы поставили ножки кроватей в банки с керосином. Клопы изменили тактику: стали забираться на потолок и уже оттуда пикировать на спящих. С тех пор у Катерины образовалась способность точно указать место, где находится клоп, хоть за стенкой, хоть в другой комнате. Через многие годы, уже в Иркутске, в неловкое положение попала гостья. «Клоп, на вас клоп!» — едва впустив женщину, сказала Катя. «Не может быть», — возразила та. Но, когда сняла шубу и шарф, обнаружила его на белой блузке.

Клопы падали сверху, мыши промышляли внизу. Видимо, предчувствуя холодную зиму, они оккупировали под-

полье и особенно по вечерам выходили на охоту. Когда ребята засыпали, Катерина садилась шить им одежку или вязала, а я читал вслух. Одна мышеловка хлопнула, вторая. «Вон мышь!» — говорит Катя. И я ловко бросаю сооруженную из мельхиоровой вилки острогу. Чаще попадал, чем нет.

Пошла Катя в магазин. И услышала, как редакционная бухгалтерша рассказывает очереди о новоселах. Новый литсотрудник к нам приехал. Женщину привез с тремя детьми, здоровая такая бабища, уже в возрасте. Очередь охает, ахает.

— А вы ее видели? — долгое время слушая, не выдерживает Катя. А она у меня была стройненькой, платьишки носила 44—46 размера. Выглядела самое многое лет на 20, а ей шел уже 25-й год.

— Конечно, видела, — говорит бухгалтер, — вот как тебя, девочка.

— Тогда давайте знакомиться. Екатерина Михайловна Бутакова.

Как говорится, немая пауза.

Уже в Иркутске, через годы, нас догнала другая сплетня. Были в гостях у знакомых на даче в Солнечном. И хозяйка рассказала, что ее качугские знакомые клятвенно заверяли, что Бутаков отбил Катерину с тремя детьми у мужа и увез в Иркутск.

Зима с 68-го на 69-й год действительно была суровой. В ноябре Катя белит стену, а известка скатывается, бревна промерзли. Снег скрипит, звезды шуршат, птиц не видно. Лопнул спиртовой градусник на дворе, то ли спирт был разведенный, то ли за 60 градусов зашкалило!

Эта зима проверила нас на выживаемость. Старожилы верхней Лены настороженно встречают новосела, они жестковаты, немногословны и прижимисты. Выжил — хо-

рошо, не выжил — значит и не заслуживал того. Когда простыли ребятишки, мы редьки не могли ни купить, ни выпросить. Не хочу хаять всех, может, не к тем и обращались. Но весной, помогая чистить подполье тем, к кому обращались, я выбросил немало этой издрябшей уже редьки.

На встрече Нового 1969 года мы пригласили редакционников с семьями в гости и для знакомства. Катя крутилась как умела: пекла пироги, вырезала из овощей розы, превращала вареные яйца в зайцев, кораблики, ежики и поросят. Скатерть смастерила из белой простыни, разрисовав гуашью в новогодних мотивах. Стол сиял и горел. Гости смутились: — Ой, а мы тут с собой принесли закуску!

Пришло тепло. Встал на ноги и побежал по дощатому тротуару в сторону Лены Сережка. Вскоре они втроем уже топали в детсад. Устроилась в детскую районную библиотеку работать Катерина. Посадили картошку, огородную мелочь. Облазив сопки вдоль речки Манзурки (вспомнил детство), принес домой целый рюкзак сочных стеблей ревеня. Катюша настряпала пирогов, наварила варенья, компот. Жизнь наладилась.

Редакция находилась там же, где и сейчас, на ленском берегу. Только дом был одноэтажный да вход со двора. В соседнем располагалась типография. Я застал еще ручной набор, когда Анна Михайловна с Валентиной Ивановной из громоздких касс по литературе набирали в верстатки наши репортажи и очерки.

Константин Алексеевич Боченков, командир танковой роты в войну, кавалер ордена Красного Знамени, был опытным редактором, терпеливым и незлобивым человеком. Из-под его крыла, оперившись, многие журналисты выпорхнули в большую жизнь. Лев Лузенин и Витя Коваленко ушли в «Восточку» еще до меня. Сосед по письменному

столу Валентин Зуев стал редактором Усть-Кутской городской газеты, Саша Подкова — редактором газеты «Металлист» завода имени Куйбышева, нижеудинским собкором «Восточки» Леня Войлошников, корреспондентом — Костя Житов, преподавателем журналистики в Байкальском университете Таня Керосинская, начальником областного управления по надзору в сфере массовых коммуникаций Валера Тюрюмин. Я, наверное, кого-то еще запамятовал.

Душой редакции был Николай Борисович Винокуров, замредактора, человек творчески одаренный, в одной из первых «Бригад» Восточно-Сибирского книжного издательства, вышел сборничек его стихов. Творческая жизнь редакции крутилась вокруг него. Он мог и поправить материал, и адрес интересной командировки подсказать.

Леонид Андреевич Быханов, ответсекретарь, технарь газетный, ревновал Винокурова, «поеть» называл. Подвыпив, чуть драться не схватывались. Однажды Быханов принес свое стихотворение Винокурову, советовал напечатать. Вот оно, «Лыжники» называется:

*Эге-гей, — кричит колхозник,
Объезжая лыжный путь, —
Передай привет Ерёме
Да Лукерью не забудь.
Вот он мчится, мчится, мчится,
Вот он скрылся за холмом,
Рассекая воздух лбом.
А на финише волненье,
Судьи смотрят на часы.
Удивляются ребята:
Ай да девки хороши!*

До сих пор не знаю, подначка это была или искреннее желание тоже прославиться на поэтическом фронте.

Официально типографией руководила бухгалтер Мигунова, а неформальным лидером и распорядителем была Валентина Кузьминична Григорьева, печатница. Она еще в войну крутила ногами «Бостонку», выдавая тираж газеты. Крупная, волевая вдова (дом стоял рядом, на ленском юру), она ведала запасами бумаги, краски, «гамыры» (денатурат — предназначался для протирки каких-то трущихся деталей, но тратился на более благородные цели). Командовала и творческим коллективом, если предстояла мужская работа — разгрузить бумагу и т. д. Я подрабатывал у Кузьминичны на отливке чушек для появившегося лино типа. Засыпаешь в котел отработанный гарт, кочегаришь печь, потом расплав разливаешь по изложницам. Смерд, гарь, но копейка...

Качугский район — сельскохозяйственный. Большие площади зерновых, откорм скота, молочное животноводство. Совхозы еще с 30-х годов. Правда, по Кулинге в 60-х сохранялись колхозы, даже в Верхоленске был колхоз имени XX партсъезда, долговязый немец Фогель председательствовал. Сельская тема и в газете была главной. Как-то незаметно и я с вопросов культуры переквалифицировался на село, стал заведующим сельхозотделом.

Места здесь богатые, природа сурова, но щедра. Осенью целые проблемы на редких промышленных предприятиях, той же судовой, и в бюджетных организациях: мужики уходят на шишкой и охоту, там заработок получается покруче. В выходной выскочишь на попутке куда-нибудь на Юшинскую гриву и за несколько часов наберешь эмалированное ведро «пестрой» ягоды (так здесь называют клубнику). Вы пробовали набрать ведро клубники — это не баран чихнул. Черную смородину собирал уже не в ведро, а в горбовик. Однажды Лаврентий Васильевич Пуляевский, верхоленский егерь, сводил в распадок воз-

ле деревни Тюменцево. Это было что-то. Кусты ломились под крупной, как виноград, ягодой. Таковую же собирал я и в Большой Тарели. Затаришь четырехведерный горбовик и 28 километров до Бирюльки пешком (через Иликту перевезет одноногий дядя Миша Нечаев).

Помню семейный выход за черемухой. Топаем, кто ногами, а кто и на наших плечах, по лесной тропинке, вдруг впереди выскакивают несколько косуль, только «зеркальца» мелькают. Черемуху собирали тоже не одни, бурундучья семья помогала. Бросишь веточку на землю, они быстро-быстро обшманают самые крупные ягоды. Убегут, разгрузятся, снова появляются. И в корзинки лезли. Мальчишки были рады такому соседству.

Такого обилия грибов, как в Качуге, я нигде не встречал. Поднялись мы однажды семейством на гору за летным полем. ...Грузди шли строем. Штук по десять в каждой шеренге — от большого до малюсенького — ядреные и пушистые. Мы засолили тогда целую бочку.

А картухайский скотник Аркадий Мальцев, кавалер ордена Ленина, удивил однажды еще больше. Он выставил на стол в качестве закуски бутылку шампанского с копечного размера солеными рыжиками.

Зимой в организациях, где работают женщины, мог появиться недобравший до «нормы» тутурский эвенк. Вытряхнет из мешка шкурку соболя, передернет в руках, чтобы серебряные искры посыпались с черного меха, вскружив голову, и предложит за литр спирта. Поторговавшись, можно взять и за бутылку. А спирт, он что, подмигивает по 5 рублей 87 копеек с каждой сельповской полки.

Что-то я отвлекся. Надо бы о работе, а я все об охоте. Мне доводилось как-то участвовать в загонной охоте. Законной, не браконьерской, в позднеосеннем промерзшем лесу на речке Кулинге. Команда была элитная, во главе

с первым секретарем райкома. Нарочито шумит цепь загонщиков, прижимая предполагаемых косуль к реке. На берегу затаили дыхание «номера», лучшие стрелки. Не очень удачный был выезд, но кусок сырой печенки на зуб все же достался.

Качуг одарил знакомством со штучными, талантливыми людьми. Это ангинский животновод Георгий Федорович Жданов, первооткрыватель «траншейного» метода содержания и откорма бычков, позволяющего получать ежесуточные килограммовые привесы и в жестокие зимы. Мы потом в «Восточке» широко пропагандировали этот способ, но не у всех он задавался. А куленгский мельник Андриан Никандрович Пихтин, сумевший так переоборудовать свои сооружения, что они не только муку молотили, но и тес пилили. Как вдохновенно умели работать и радостно отдыхать в Корсуково! Потому что во главе не просто совхозного отделения, но и села стоял настоящий организатор производства и деревенской жизни Тимофей Афанасьевич Какаулин. Он умел вовремя помочь в разруливании каждой жизненной ситуации, всегда успевал сказать: «Что-то у тебя, Иван, с кормами тонко, ты можешь выкосить верхний угол в Цикурах». А заведующая районной библиотекой Нина Васильевна Вяткина. Маленькая, в чем душа держится, с вечной беломориной, она вилась над книгами, как птица над гнездом. Знала и помнила все. Показывала запасники библиотеки, где лежали «запретные» книги, которые она физически не могла уничтожить. А циркуляры бывали действительно идиотские: «Чтобы разгрузить фонды, книги старше такого-то года выпуска нужно списать». Сам выгребал в сарае из кучи списанной литературы словарь Граната.

Изучение географических названий верхней Лены убеждает в исторической многонациональности местного

населения. Помимо якутов, бурят, эвенков здесь явственно видны следы пребывания тувинцев, енисейских кыргызов, самодийцев — осколков древних тюрских племен. Видимо, этот горно-степной уголок издавна привечал беженцев беспокойной центрально-азиатской ойкумены. Конечно, они породнились, добровольно или насильно, но в обиходе еще делятся на своих и чужих по крови.

Помню, приезжал в Качуг из Москвы Михаил Федорович Мархеев, генерал, преподаватель Академии, Герой Советского Союза. Съехались гости, вся улусная родня, близкая и дальняя. Большой дом тети Нади, сестры Мархеева, был полон. Пригласили и меня с Катей, соседей. Между саламатом, арбином и тарасуном текла беседа. Я обратил внимание на двух молодых людей, парня и девушку. Петя и Валя звали их. Смуглый горбоносый профиль парня, широко открытые глаза узколицей девушки контрастировали с луноликим окружением. «Страшилища, правда, — не спросила, а утвердительно сказала, заметив мои взгляды, старая бурятка, попыхивая окованной серебром трубкой. — Не наша кровь».

— А кто красив по-вашему?

— Вот Дуся.

В сибирской деревне шутливо говорили: «Наша Наташка шибко короса, носа нету, все лица. Целовать много места». Эталон красоты у каждого народа свой, в основе его природно-климатическая целесообразность, сформированная тысячелетиями естественного отбора.

До седьмого, а то и до четырнадцатого колена знали свою родословную сибиряки. Это надо было, в частности, чтобы на близкой родне не жениться, иначе вырождалось потомство. Прилитие свежей крови поощрялось, тесный имбридинг не приветствовался. В разноплеменный котел верхней Лены удачно влились новые насельники —

поморы, литва, черкасы. Природная генная инженерия способствовала тому, что верхняя Лена дала России целую когорту замечательных сынов, людей большого самородного ума, яркого общественного темперамента.

Отсюда родом Иван Евсеевич Попов, святитель Русской Америки, миссионер, историк, этнограф и лингвист, впоследствии предстоятель русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов). Или его односельчанин Афанасий Прокопьевич Щапов, сын сельского пономаря, ставший профессором Казанского университета. Неистовый Афанасий еще в середине позапрошлого века предвидел, к каким бедам может привести колонизаторская политика центра, как важно экономическое, экологическое и культурное самосостояние каждой малой Родины. С верхней Лены пришел исследователь и защитник Байкала Михаил Михайлович Кожов, воспитавший достойных учеников и последователей. А Алексей Павлович Окладников, академик, мировая величина в археологии. Кажется, он видел землю насквозь. Останавливался на ленском берегу в Макарово, говорил: «Копать надо здесь», и, вынув двухметровый пласт земли, экспедиция обнаруживала очаг первобытных людей. Алексей Петрович вновь открыл и описал для нас исторический памятник «Шишкинские писаницы». Которые мы не бережем и, похоже, с каждым годом теряем все безвозвратнее.

А философ Георгий Иванович Куницын, а этнограф Иван Иннокентьевич Серебренников? Можно коснуться и сегодняшних реалий. Ректоры ведущих иркутских вузов Михаил Винокуров и Иван Головных тоже уроженцы верхней Лены. А талантливые прозаики и поэты Лев Черепанов, Анатолий Горбунов, Александр Сокольников? Конечно, каждый кулик свое болото хвалит. А разве не за

что? Я, конечно не всех славных земляков и вспомнил. А если спуститься по реке, ведь верхняя Лена течет до Усть-Кута и Киренска...

Словом, прижились мы в Качуге. На новогодних праздниках в Доме культуры стали с Катериной непременными исполнителями ролей Деда Мороза и Снегурочки. Даже собственные дети не узнавали нас. Избрали меня депутатом поселкового Совета. Года через два получили новую трехкомнатную квартиру (с двумя печами и удобствами во дворе, естественно). После смерти Михаила Андреевича переехала к нам жить моя мама. Здесь вышла замуж за Сашу Винокурова сестра Лариса. Сюда вернулся из армии и стал работать фотокорреспондентом в газете брат Славик. Тут он женился на Любове Безродных.

В июне 1971 года умер тесть, Михаил Фомич Огородников. Собственно, погиб. На берегу залива, на той же даче, расхулиганились подвыпившие парни. Обидели женщину. Стреляли в сторону поселка. Не мог старый солдат, восьмой десяток пошел (к 50-летию юбилея революции ему вручили за участие в Гражданской войне медаль «За отвагу», мы храним ее), не заступиться. Ударили его комлем в висок. Через несколько дней Фомича не стало. Так мы с Катей в один год стали сиротами.

Мария Ивановна осталась одна и начала уговаривать нас вернуться в Иркутск. Три года, время положенной отработки, у меня закончились, с иркутскими газетами я активно сотрудничал, знал, что без работы не останусь, и мы решились.

...После нашего отъезда жизнь домашних в Качуге сложилась так. Мама вышла замуж за пенсионера, бывшего строительного бригадира Ивана Степановича Шевцова. Они дружно прожили около тридцати лет, до кончины Ивана Степановича. Несколько лет она проработала

охранницей в районной сберкассе, которой заведовала Фаина Георгиевна Галкина, супруга Николая Федоровича, первого секретаря райкома.

Сестра Лариса уехала с семьей в Усть-Кут. Слава закончил Волгоградскую высшую школу милиции, получил направление в Черемхово, где и трудился до пенсии экспертом-криминалистом. Мамочка живет сейчас у него, слава Богу, здорова.

Улица Грязнова, 16

По приезде из Качуга мы поселились у тещи на улице 2-я Железнодорожная, возле глазковского рынка. Дом был кирпичный, четырехэтажный, квартира трехкомнатная, но такая, знаете, экономного «хрущевского» покроя: в коридоре не повернешься, кухонька квадрата четыре, ванна совмещена с туалетом и оборудована титаном. Но для нас это уже была роскошь неизвестная: печей не топить, воду не таскать, удобства рядом и в тепле.

Две картинки отпечатались в памяти. Возвращаемся домой, открываем дверь. Тишина. Ребятишки одни домовничали, Дима уже школьник, во второй класс перешел. Проходим в комнату. Ужас! Наша троица сидит на окошке, свесив ноги на улицу, и оживленно что-то обсуждает, может, марку проехавшего автомобиля. Внизу асфальт. Подкрадываюсь и хватаю их в охапку.

Пошла троица с матерью на рынок за арбузом. Что они стоили тогда — пять копеек килограмм, кажется. Выбрали, естественно, самый большой — более 30 килограммов. И... покатили его. Сначала по рынку, потом по проулку, даже на второй этаж по лестнице взгромоздили. Как это им удалось — история умалчивает.

На Второй Железнодорожной мы прожили недолго. Мария Ивановна тяжело переживала гибель мужа, а в квартире каждый вбитый гвоздик был связан с ним, вот врачи и посоветовали нам — сменить жилье. Вариант нашелся, и вскоре мы переехали на улицу Грязнова, 16. Самый центр, квартира большая. Но опять-таки неблагоустроенная, в одноэтажном деревянном доме. Ну, вроде ни нам, ни теще было не привыкать топить печи, носить воду с колонки. Во дворе стояли еще два деревянных дома — одно- и двухэтажный и огромный, в два этажа, амбар, внизу поделенный на дровяники жильцов. Верх, видимо, когда-то использовался как сеновал. Недавно проходил мимо, специально заглянул во двор: все осталось по-прежнему, только старушек знакомых уже нет.

Окна квартиры выходили во двор, был палисадник. Тут я вкопал для ребятишек турник, на котором они и тренировались с соседскими пацанами — Бегуновыми и Друхтейнами.

Катя устроилась на работу в «Спортлото». Это была известная организация, ее даже Высоцкий в одной из песен упоминает. Там в то время трудились Юра Самсонов, Володя Фирсов, Павел Хемпетти, Юлия Комарова, Володя Марков. Здесь Катя познакомилась с Нэлей Михайловной Ермаковой, а я с ее мужем Владимиром, эта дружба семей сохранилась на всю жизнь. В один год, 1975-й появились на свет наши младшие дочери: Василинка — у нас, Инна — у них.

Здесь сыновья один за другим пошли учиться в 13-ю школу, которую и закончили.

В этом доме всегда водилась разная живность. Смотрим, идет ватага домой (обычно наша троица приходила со товарищи), ревут. Катерина выскакивает: «Что случилось?» Старший распахивает пальтишко. «Мама, полечи

мышку», – говорит. А у него на груди сидит здоровенная амбарная крыса со сломанной лапой. Тут главное не напугаться и не напугать, понимает Катерина. Берет осторожно крысу. Проверяет, украдкой оглядывая парнишек, не укусила ли крыса, нет. Заставляет ребятню строгать лучины, накладывает шины на перелом и, положив в коробку, (уже приготовленную детьми «госпитальную койку»), оставляет ее на временное жительство в бабушкиной комнате. Порог этой комнаты – табу для всех животных, да и детей. Мария Ивановна так поставила дело, что его никто не перешагивает. Поправившуюся крысу, с уговором не вредить нам, отпускаем на свободу. Удивительное дело. Она как бы понимала, что дети не хотят ей зла, а выручают ее из капкана. Вела себя очень ласково и спокойно переносила оказываемую ей помощь.

Другой сюжет. Зима. Как бы приبلудная кошка сама пришла под дверь и просится в дом (естественно, детки постарались). Впускаем, и через несколько часов у нас уже несколько кошечек – родила Приблуда. Забота. Подросших котят надо раздать, с чем ребятнишки, имеющие целую округу друзей, хорошо справлялись.

В доме кроме кошек жила собака, топал по ночам ежик, размножались попугайчики и хомяки, пели щеглы, мудрая черепаха спала в уголке. На стене висел аквариум с рыбками.

С другом Володей Ермаковым мы приплыли на лодке в Патроны. Возвращаемся из магазина и видим на корме маленького серого котенка. Выносим его на берег, он снова прыгает в лодку. Так несколько раз. Забрали с собой. Назвали его оригинально – Васькой. На даче он провожал меня по утрам до залива на рыбалку и занимал свой пост на дороге у дома. Кажется, он считал, сколько рыбаков отправляется на добычу, встречал обратно каждого и на-

стаивал на своей доле. Постепенно это стало ритуалом и правилом.

На зиму мы забрали кота в город. Здесь он проявил другие способности. Окна в нашем доме были уже на уровне земли. Они прикрывались на ночь двухстворчатými ставнями. И вот представляете: ночью открывается створка ставни, раздается стук в окно. Выходишь на улицу, никого нет. Наконец, мы однажды скараулили стучавшего, это Василий открывал створку, повисал на ней и стучал лапой в окно, а когда мы открывали дверь, чтобы узнать «кто это там?», он прошмыгивал в ногах. А мы-то думали — мистика.

«Молодежка»

«Молодежка», в которую я пришел устраиваться на работу, с одной стороны, здорово изменилась, а с другой — осталась прежней. Ушли из конторы «старики» — Леня Ермолинский, Володя Жемчужников, Женя Суворов, Саня Вампилов. Сменился редактор, после Виктора Комарова и Леонида Ханбекова пришел Василий Жаркой. Он был, видимо, в отпуске, принимал меня зам, он же заведующий отделом комсомольской жизни Олег Харитонов. Мы были немного знакомы.

— Наверное, поздновато я пришел, — говорю. — Скоро тридцать стукнет.

— Это ничего, — отвечает Олег, — мне уже было тридцать.

Прежним был дух вольницы, творческого азарта, взаимного подначивания, розыгрышей и приколов. Ответсекретарь Эля, или Эльвина Шугаева, жена писателя Славы Шугаева, и дочь редактора «Забайкальского рабочего» Анатолия Митрофановича Пузанова, дама экспансивная

и требовательная, не стеснявшаяся по нескольку раз заворачивать материал из-за неустраивающего ее заголовка. Литсотрудники Лариса Ланкина, Нина Алакшина, Борис Ротенфельд, Борис Абкин, Паша Кушкин, Олег Суханов, Галя Викторова...

Отдел комсомольской жизни располагался в самом большом редакционном кабинете. Здесь было удобно недавнему десантнику Саше Голованову метать нож в противоположный угол. Сюда, ошибившись номером, звонили из продуктового магазина:

– Это управление?

– Да, – отвечал Боря Абкин.

– Иван Иванович?

– Да, – подтверждал Боря.

– Что же нам делать с пряничной крошкой? Уже три куля накопилось.

– Спишите, – распорядился Борис.

– Что, действительно, можно? Вы разрешаете?

– Разрешаю. И привозите к нам в редакцию. Записывайте адрес...

Сюда привез и поставил в угол «оклад от радищевской парсуны» братский собкор Коля Кривомазов, будущий ответсекретарь «Правды» послеперестроечных лет. Круглая железяка с отверстиями, остов старой люстры или деталь церковной утвари. Решили разыграть фотокора Володю Калаянова, зная его пристрастие к вещам старинным и необычным. Разработали легенду: во время затопления Илимска ее нашли местные жители с остатками холста. По историческим сведениям, Александр Николаевич привез свой портрет в сибирскую ссылку. Кривомазов собирается идти в музей за справками.

– С- старик, – загорелся Калаянов (волнуясь, он заметно заикался), – продай!

Отказ, взвинчивание цены, битье по рукам.

Вырученные 50 рублей понесли к тете Хасе. Был на той же Киевской, наискосок от редакции, магазинчик типа «Распивочно и на вынос», куда «молодежкинцы» издавна вместе со своим нештатным активом проторили не зарастающую тропу. Здесь, перемещая по прилавку арбузные груди (он блестел, отполированный!), царила крикливая тетка, благосклонно относившаяся к журналистскому пороку. Розыгрыш раскрылся. Но деньги уже кончились. Володя Калаянов был колоритной личностью. Большеглазый, с холеной бородкой, в отутюженном костюме (жили они с матерью неподалеку от редакции, в деревянном старинном доме по улице Тимирязева), признанный дамский угодник. Классный фотомастер. Он оборудовал под лестницей свою лабораторию на манер художественного салона. Вкрадчивый полумрак, медвежья шкура, сувениры, альбомы, смелые фотографии. Здесь Володя показывал гостям косяную часть моржового пениса, да и не только. В том числе и мужская ревность, наверное, к более удачливому коллеге заставляла Леню Мончинского провожать очередную гостью фотокора удивленным криком: «Смотрите, девушка беременная пошла!»

Леня и в стихах воспел коллегу. Помню строки в его исполнении:

*К-калаянов, ты наш К-калаянов,
Гордость города на Ангаре,
О тебе, дорогой К-калаянов,
Даже Ленин, ну, к-который Ульянов,
Мечтал в Октябре.*

Леонид Мончинский был, наверное, самым активным мистификатором и автором розыгрышей. Это с его подачи приклеивались к коллегам шуточные прозвища: Ротенфельдко, Альтер Скотт. Но тот же Игорь Альтер умел и

«отомстить». Леня уже работал в АПН (Агентство печати «Новости»). Вот и организовал Игорь звонок «из партийного архива», что якобы обнаружена неизвестная до сих пор статья В.И. Ленина «Сибирь ширится». Заголовок должен был насторожить, но... Леня купился.

Конечно, не одними розыгрышами жил коллектив «Советской молодежи». А ударные комсомольские стройки, а молодые герои тех дней — Борис Гайнулин, Виктор Лакомов, Алексей Марчук, люди, благоустраивающие жизнь! Им всегда находилось место на газетных страницах. Как и молодым пахарям и дояркам.

С «Комсомольским прожектором» мне довелось немало поколесить по районам области. Дело было организовано так, что мы не просто фиксировали ход страды, а и сами участвовали в полевых работах: в качестве сеяльщиков, копнильщиков, на подработке зерна. Это шло под рубрикой «Журналист меняет профессию». Я заработал премию от обкома комсомола — фотоаппарат «Зенит», и материалы иллюстрировал уже собственными снимками.

Здесь, в «Молодежке», мы праздновали рождение «Юльки-Пилюльки» у Бори Ротенфельда с Галиной, и сына Кости у Саши Голованова с Татьяной. Сюда рабочим днем 17 августа 1972 года пришло известие с Байкала о гибели Саши Вампилова.

На работу в «Восточку» Елена Ивановна Яковлева приглашала меня весной 1973 года. Я не то чтобы ломался, но объяснил, что должен провести сельскохозяйственную кампанию, обязанности у меня перед редакцией. Яковлева сочла доводы убедительными, сказала, ждем осенью.

«Восточка»

Нельзя сказать, что «Восточно-Сибирская правда», когда я туда пришел, была мне незнакома. В студенческие годы я сотрудничал с отделом культуры. Работая в Качуге, присылал материалы в сельхозотдел. В 1967 году проходил практику в строительном отделе. В одном кабинете тогда размещались два отдела: промышленный и строительный. Друг против друга сидели завывы — Валерий Александрович Ладейщиков и Леонид Зосимович Лифшиц, и также «визави» — литсотрудники: Валерий Иосифович Кашевский и Валентин Вениаминович Арбатский.

У Лифшица за плечами был фронт, два десятка лет разъездной журналистской работы, два «мирных» ордена за суматошный труд, прозвище «Комлем вперед» и псевдоним Л. Зосимов. Он имел обыкновение положительные материалы подписывать фамилией, а критические псевдонимом. Вот и недоумевали руководители, претензии высказывали редактору Андрею Григорьевичу Ступко, какие, мол, разные у тебя журналисты, придет Лифшиц, человек человеком, а побывает Зосимов — такое накопает. Ступко посмеивался.

У Ладейщикова позади были 18 лет политических лагерей за неосторожные высказывания в студенческой молодости. Была открытая улыбка на 32 искусственных зуба и невесть как сохранившаяся ребячливость. Мог, например, в обед сбегать с подчиненными искупаться на Ангару. Ладейщиков и отправил меня в командировку в Байкальск. Комбинат в междуречье Солзона и Харлахты еще строился, поселок рос. Именно в эти летние дни 1967 года пришел указ о присвоении ему статуса города, о чем я и сообщил в редакцию в информации под «свежим» названием «На выходе — город». Больше похвастаться нечем. Чутким в экологическом отношении я был, как тетя

Сара потом. На что замахиваемся, возводя целлюлозно-бумажный комбинат на берегу Байкала, даже не подумал. По площадке ходил в сопровождении итээровца. Только он где-то замешкался, рядом возник «строитель». Щелчок и хищное лезвие сантиметров десять длиной образовалось рядом. «5 рублей», — сказал «строитель», внимательно заглядывая в глаза. Я купил нож.

«Разрывы красной линии» — назывался материал о нарушениях сетевого графика строительства, тормозящих ввод мощностей в строй. Материал не устроил Ладейщикова, он его забраковал. Сейчас я ему благодарен, наверное, Валерий Александрович ждал от меня другого поворота темы...

В 1973 году редакция «Восточно-Сибирской правды» находилась на улице Карла Маркса, рядом с кинотеатром «Гигант» (ныне «Стратосфера») и типографией, на втором и третьем этажах в доме, где сейчас административные службы и библиотека краеведческого музея. В новое здание, на Советскую, 109, мы переехали в феврале 1975-го.

Сельхозотдел размещался в самом углу второго этажа, за проходным кабинетом отдела информации, два окна на задворки «Гиганта». В разные годы здесь трудились Вадим Горохов, Николай Худугуев, Юрий Подсочин, Валентин Арбатский, Владимир Николаевич Козловский. Три стола, никелированная трубчатая вешалка, которую заполняли пробками из-под спиртного поколения сельхозников и нештатных авторов. Жила легенда, как принимал своих нештатных авторов, районных газетчиков Козловский, фронтовик, автор романов «Верность» и «Братья по крови».

- Я заметку принес, Владимир Николаевич.
- Короче!
- Может, посмотрите материал?

- Еще короче!
- Тогда я побежал.
- Давай пошустрее!

В сельхозотделе образовалась тройка Михайловичей. Анатолий Михайлович Зубарев, заведующий, недавний черемховский собкор, губастый добрый человек, заботливый руководитель, настоящий товарищ. Александр Михайлович Любославский, уроженец маратовской шпанистой окраины, отсидевший за юношеские прегрешения в суровые пятидесятые годы несколько лет в ангарской колонии. Способный журналист, Саша попробует себя и на партийной и хозяйственной работе. Сумбурные перестроечные годы завлекут его в стан ярых демократов и правозащитников. Их уж нет, обоих. Светлая память!

В конце 1973 года опубликовал я три статьи под общим названием «...И обретут поля хозяев». Речь шла о безнормальных звеньях в полеводстве. Создаваемые по почину кубанского земледельца Героя Социалистического Труда Владимира Яковлевича Первицкого небольшие коллективы механизаторов получали как бы «вольную», освобождались от мелочной опеки и регламентации работ. Вот тебе земля, вот плановая урожайность. Дерзай! Как ты будешь обрабатывать поля, когда пахать, сеять, жать — твое дело. Зарплата зависит от конечного результата — валового сбора зерна ли, кормов, овощей. Сумел сэкономить затраты и увеличить урожай — ты на коне, не сумел, может, по вине небесной канцелярии — не взыщи.

Не на перебой кинулись земледельцы создавать такие звенья, да и руководители хозяйств не спешили рисковать. Но примеры талантливости хозяйствования были. Вот хотя бы звено картофелеводов Владимира Пестова из совхоза «Тагнинский» Заларинского района. За считанные годы

оно вдвое увеличило урожайность картофельного гектара. Опыт таких звеньев я и обобщал в статьях.

Уже позднее, будучи на пенсии, Елена Ивановна Яковлева расскажет, что ей досталось тогда за эти материалы. Урожай-то, Бог с ним, пусть и больше будет, но автор слишком педалирует на понятии «хозяин», частнособственническую идеологию разводит. Надо присматривать за ним.

За 10 лет сельскохозяйственной газетной практики (из них пять лет в «Восточке») я объехал почти все колхозы, совхозы и аграрные предприятия области. Во многих бывал неоднократно, познакомился с талантливыми полеводцами, животноводами, руководителями.

Сельское хозяйство живет по законам природы, соотносясь с местностью, климатом, оно многовариантно. Командно-бюрократическая система управления, облегчая себе существование, создает шаблоны, унифицирует требования, стрижет под одну гребенку. Возникают противоречия, сшибка интересов производства и отчетности.

Весна — пора сева. Скорей, скорей! Райком выбрасывает в хозяйства десант погонял, уполномоченных («упал намоченный», говорили в народе). И вот уже какой-нибудь спортсмен районного масштаба начинает подгонять председателя колхоза: «Мы на последнем месте в районной сводке!» Молчит Адам Макарович Кузнецов, седой бобрлик поглаживает. И пока на собственной заднице не убедится, что земля достаточно теплая, сев не начнет. Осень все расставит по местам. Колхоз «Власть Советов» выйдет по урожайности на первое место в Заларинском районе. Схлопотавший выговор весной за задержку с севом, Адам Макарович добавит мирный орден к фронтовым. Но будущей весной все повторится. Это соседний председатель рассказывал, что правый ящик письменного стола у Куз-

нецова без дна: туда он все «указивки» опускал. Убедившись в пользе бобовых трав, Кузнецов спасет их во время поругания. Опашет крайки поля, чтобы убедить проверяющих в своей исполнительности, но сохранит травы посередке.

«Мы потом все к нему за семенами ездили, — вспоминал Афанасий Иванович Ощерин, председатель колхоза «Путь Ильича» Иркутского района, — когда травы амнистию получили».

—Что вы считаете главным слагаемым урожая? — пристает наш брат-газетчик к Илье Диомидовичу Дорохову, председателю колхоза имени Ленина Аларского района. «Главное слагаемое, — с издевкой повторит газетное клише Дорохов, — это бригадир». И повезет в село Отрадное знакомить с Виктором Савельевичем Шереметом, чья бригада, собрав 33 центнера зерна с гектара, превзошла самого Шумика (Сергей Иванович Шумик, легендарный председатель соседнего колхоза «Страна Советов», Герой Социалистического Труда, и сейчас стоит перед глазами — в «сталинке», галифе и начищенных хромовых сапогах — на обочине, как на страже, взлелеянного им поля). Шеремет — могучий мужчина, на отвороте пиджака спокойно умещаются десять медалей ВДНХ, смущался и краснел, когда Дорохов хвалил его: — Виктор Савельевич конкретно знает, где лежит у него каждый гвоздь и чем сейчас занимается каждый человек.

Таким был и сам Дорохов. Я уж не говорю о колхозниках и их детях, это само собой разумеется, он в лицо знал каждую корову и лошадь своего хозяйства. Его проверяли на спор. «А вот это что за кобылка?» — «Это Маруся из Ключей, отец Маяк, мать Марта». Ни разу не ошибся председатель.

На слегка всхолмленном аграрном поле области горными пиками выделялись колхозы, руководимые талантливыми организаторами. Такими, как Василий Алексеевич Бердников, Петр Николаевич Царев, Николай Тимофеевич Романкевич. Все — Тулунский район. Много хороших материалов написала об этих земледельцах Валентина Ивановна Юдина, журналист милостью Божьей. А перейдя работать на кинохронику она еще и фильмы о них сняла. Можно и из других районов примеры привести.

Со временем колхозная держава редела, совхозная — росла. Казалось бы, разница в две буквы — колхоз, совхоз. И тому и другому руководителю на бюро могли сказать: «У тебя, что, два партбилета в кармане?» Не скажите, государственным предприятием командовать легче, своего назначенца построить проще. А тут выборная должность, устав сельхозартели, если народ заартачится, неудобного председателя снять трудно. А иногда очень хочется, до «я не могу».

Конечно, некоторое укрупнение хозяйств было оправдано. Он уже как анекдот ходил, рапорт маленького присаянского хозяйства: «Вчера на трех конях, выючно, зерно отправлено. План хлебосдачи выполнен». Но и объединять полдюжины хозяйств Кулинги и Лены в один совхоз «Верхоленский», растянувшийся на сотню километров — сомнительная административная виктория. Что и подтвердила жизнь. Снова пришлось дробить.

Не надо о грустном. Давайте о веселом. Прибегает молодой агроном к председателю колхоза имени Чапаева Боханского района Василию Максимовичу Полоненко: «Что будем делать, пшеница легла?» — «Не надо заполошничать, Петя. Если легла, значит, даст. Будет урожай. Готовь стеблеподъемники». Это тот самый Полоненко, который в период всесоюзной увлеченности кукурузой, поставил

эксперимент. На приангарском теплом южном склоне решил вырастить кукурузу на початки. Звеньевой Андрей Балущкин холил ее, лелеял, разве что не облизывал. Он и поехал в Москву то ли на съезд, то ли на совещание и там с балеткой (так называли маленький чемоданчик) кинулся в президиум, к Никите Сергеевичу Хрущеву. Едва удержали охранники, вдруг террорист. В балетке лежали початки восковой спелости, хоть сейчас лущи на зерно, кукурузы. Из Сибири, знай наших.

Александра Васильевича Перевалова, отпрыска владельцев Хайтинского фарфорового завода, отправили в ссылку — поднимать колхоз «Путь Ленина», а то не тем путем там все шло. Баяндаевский район, Ангаро-Ленский водораздел, вечная мерзлота. Каждую весну поля рождали камни, мерзлота выдавливала их на поверхность. Вся деревня выходила собирать их. В качестве поощрения председатель выкатывал бочку пива (где он только брал его в те сухостойные годы?). И ведь очистил поля, и урожайность стал получать колхоз под стать тулунской.

Талантливые организаторы дела, кормильцы, герои газетных статей и очерков, люди с прямыми спинами ангарских лоцманов, их можно было сломать, но согнуть — шалишь! — они и сейчас стоят в глазах, живые и веселые. Конечно, не только председатели колхозов. А директор ордена Ленина свиновхоза «Уковский» Закир Абуталибович Рысьмятов, а Иван Степанович Баширин, руководитель учхоза «Оекский» (тысяча гектаров картофеля — ежегодный крест!), нукутский чабан Алексей Трофимович Хороших, усольский комбайнер Владимир Петрович Щербаков. Спасибо вам за уроки!

Контора

Еще и так, во внутреннем обиходе, называли редакцию. Имя подчеркивало не бюрократичность учреждения, скорее, наоборот, одомашнивало, приземляло. Кроме жизни публичной, сладкой журналистской каторги, которая выплескивалась на страницы газеты заметками, репортажами и очерками, в редакции бурлила и внутренняя жизнь коллектива.

Вспоминаю Аню Гусевскую, секретаря редакции на ул. Карла Маркса. Она была громоотводом между творческим коллективом и редактором Еленой Ивановной Яковлевой, организатором застолий и юбилейных дат. Это Аня вперед меня узнала, что у нас родилась Василинка, и, когда я пришел пораньше в редакцию (чтобы позвонить в роддом), на стене уже висела газета со стихотворным поздравлением с прибавлением семейства. Газета и сейчас хранится у нас. Как не вспомнить редакционных шоферов. Несколько лет колесили мы с Михаилом Афанасьевичем Сахаровским по сельским районам области. Это в Мишин «уазик» кроме нас с фотокором Василием Яковлевичем Лысенко помещалась бригада доярок Иванической молочно-товарной фермы во главе с Верой Александровной Ковалевой (всего 14 человек!). Это был выезд на озеро Аляты. Мишин «уазик» доверху наполнялся рыжиками на старой дороге от Бохана до Тарасы. Мы возвращались из командировки с Женей Латышевым и встретили в Бохане дядю Кешу (я о нем уже писал). Он показал место. Это было нечто: редкий сосняк, кудрявенькая низенькая травка и сплошь... грибы. Колоритной фигурой был Валера Пешехонов, редакторский водитель. Он возил Елену Ивановну, Валерия Павловича Никольского, меня грешного. Пухлый, кругленький, юморной, за словом в карман не лез. На критические замечания о внешности отвечал сразу: «А ты глистов выведе»

ди, такой же будешь». Городской транспорт он делил на «клепанный» — трамвай, и «привязанный» — троллейбусы. Нет Валеры. Нет и Максима Франка, редакционного водителя, пунктуального, дисциплинированного, метущегося между отъезжающими на историческую родину и остающимися в Сибири немцами. «Будьте внимательны, — предупреждал он. — Артемка (старший наш внук) мне сказал, вот бы отец оставил ключи в машине, я бы покатался». Значит, в отца пошел.

С Вадимом Мавриным нас связывают не только годы совместной работы, но и, хочется верить, дружба. Он научил меня вождению. С ним мы ходили бить орехи, забирались в отроги Черной гривы за черникой, соседствовали дачами.

Компьютер кратно сократил путь от журналистской задумки до газетной страницы. А то ведь рожденные в ночном бдении рукописные строки шли сначала в машбюро к Татьяне Игнатьевне Гулиной, Любе Тутуковой или Тане Герасимовой. А те, споткнувшись на твоих каракулях, еще заставляли диктовать текст. Потом на линоTYPE отольют твои горячие строки и еще в горячем виде перенесет их верстальщик на талер, и оттиснет гранку. В секретариате ее примерят к полосе и наверняка сократят (по-твоему, так самое главное!). И еще раз твоё творчество пройдет через огонь, пока увесистое полукружие стереотипа не ляжет на вал ротационной машины. Ну, кто из молодых журналистов отличит сегодня шпацию от шпоны или боргес от корпуса?

В молодой горячности ты еще будешь спорить с корректорами, но, раскрывая увесистые словари и справочники, Геня Вульфовна Апарцина и Серафима Иосифовна Каратуева докажут свою правоту и твою, мягко скажем, недостаточную грамотность. Такими же требовательными

будут их преемницы: Валя Шугурова, Вера Соломникова, Люба Аксаментова.

В разные годы мне довелось быть и секретарем комсомольской организации «Восточки», и председателем профсоюзного комитета. Случались у сотрудников юбилеи, рождались дети, бывали и награды. Все это отмечалось в стенной газете, главными редакторами и авторами которой были Валерий Кашевский и Олег Быков. Талантливые перья, а Олег еще и заправский карикатурист, они были летописцами внутриредакционной жизни. Скажем, было заведено к Новому году ездить за елками для коллектива. В редакционном фольклоре это тоже нашло отражение:

*В лесу родилась ёлочка,
И нам без лишних слов
Привез из лесу ёлочку
Товарищ Бутаков!*

А однажды по инициативе опять же Валеры Кашевского мы создали «вокально-инструментальный ансамбль». Хотелось, чтобы в названии отражалась и редакционная практика, и реалии окружающей природы. Так появился «Петит-Булак», в переводе с французско-бурятского «маленький ручей». Петит также типографский шрифт. Активными участниками ансамбля были Валентин Арбатский, Роман Вайнер, Бетти Преловская. Теперь уже юбилейные здравицы исполнял на редакционных вечеринках свой ансамбль.

Как-то мы написали драму «Золотое руно, или Путешествие аргонавтов» — сцены из редакционной жизни, взаимоотношения литсотрудников и редактората, командировочные скитания в поисках «гвоздевого» материала, проблемы гонорара и оценки творчества. Помню реплику верховной жрицы (а редактором была Елена Ивановна Яковлева):

*Понатащили всякого руна,
Его не втиснешь ни в одну газету...*

Пьеса была поставлена однажды, в конференц-зале Дома печати. Имела успех, вызвала овацию.

Затерялась драма, как и многие стенгазеты и песни ансамбля. Жаль. Заснять бы все на видео к юбилею газеты (а ведь столетний близится!) — вот был бы подарок ветеранам и пример молодежи. У кого что сохранилось, прошу откликнуться.

Характерные черточки внутренней жизни хранит редакционный фольклор. Похоже, наши уборщицы не считали, что мы занимаемся достойным уважения делом, слишком много бумаги мараем, несчетное число «нетленок» приходилось им каждый вечер вынимать из редакционных корзин. Они были крикливы и бесцеремонны: тетя Клава, тетя Соня со своей дочкой Галей, наследовавшей профессию матери. Так, тетя Соня заполошным грассирующим фальцетом кричала на весь этаж: «Рóман, скажи своим партийцам, чтобы они вино в иностранных бутылках не покупали!» Критики Борис Данилович Роман, секретарь партбюро, удостоился за то, что зарубежную тару киоски «Стеклопосуды» не принимали. Вот, врываясь в секретариат, рвет свежий номер газеты и мечет молнии неукротимый Леонид Зосимович Лившиц. Его очерку о проблемах таежной глухомани глумливые заместители ответсекретаря Юрий Скоп и Вячеслав Шугаев дали заголовок «Ясная поляна». А те с укором смотрят на висящий в кабинете портрет Льва Толстого: «Подвел классик!» Юрию Скопу, когда у него родилась дочка Дарья, собратья по перу сварганили эпиграмму: «Дашутку мы рожали Скопом». Сюда, в секретариат, заходил, попыхивая трубкой, Иннокентий Степанович Луговской, старый восточкинец, поэт. Гово-

рил Михаилу Израилевичу Давидсону: «Я стихи тебе принес, паря». Повторял присловье Анатолия Ольхона:

*О секретарь, о секретарь,
Озолоти, огонорарь!*

Рассказывал, как Анатолий Ольхон угощал собратьев по перу. Ставил на стол маленькие графинчики с вином. Предупреждал: «Это коллекционное». Или — «Это редкое». На самом деле во всех графинах было ординарное разливное вино.

Газетный цех — горячая работа. Номера пекутся, как блины, каждый день новый. И, случается, он выходит комом. Замасливаются глаза, теряется внимание, вылезит в свет «ляп». Последствия бывают и драматические. Когда у редактора «Иркутской недели» Петра Шугурова на первой полосе крупным шрифтом невесть откуда вместо «неуёмной» появилась «неумная энергия Ленина», он лишился работы. Петр Сергеевич Лосев за невнимательность получил выговор. Он писал репортаж с первомайской демонстрации. Обычно, для ускорения процесса, делалась «рыба» — черновой вариант. Все ведь шло по накатанному: шеренги, колонны, знамена, рапорты... После автор, наблюдавший демонстрацию, вносил в текст, если возникла нужда, поправки. Утром «Восточка» сообщила, что перед демонстрантами выступил первый секретарь обкома Николай Васильевич Банников, встреченный, как водится, горячими аплодисментами. А Банников лечился в это время в Кремлевской лечебнице. Очень писучим был Юра Шумайлов. Он получил прозвище «Я солдат еще живой» за то, что опубликовал под таким заголовком очерк об ушедшем из жизни фронтовике. Однажды он чуть не поссорил две страны. В период очередного охлаждения отношений с восточным соседом он выдал материал с хлест-

ким заголовком «Граница проходит в Иркутске». Китайцы и предъявили претензии, мол, сами утверждаете.

Чтобы повеселить тебя, читатель, я приведу в пример несколько «ляпов», выловленных, когда в секторе печати мне довелось внимательно читать районные газеты. Насмешила как-то киренская газета «Ленские зори», опубликовавшая репортаж «Там, где валят лесорубы». Хотели уйти от тавтологии и, сократив устойчивое выражение «валить лес», породили комический эффект. Хотели серьезно поговорить о трудоустройстве жен лесорубов в дальних леспромхозах, но насмешили народ, озаглавив материал «Полнее использовать женщин в лесу». Да еще подзаголовок дали — «Женщины в лесу используются недостаточно». А чего стоят мелькавшие на страницах газеты «Мамский горняк» заголовки информации: «Вчера на Маме» или «За опытом — на Маму».

Подтрунивать друг над другом — любимая забава журналистов. Трудновыговариваемое Владимир Людвигович Коложвари — имя, которое фронтовик-восточкинец получил от отца «красного мадьяра», осевшего в Иркутске, быстро переименовали во «Владимира Любоедовича Кого жрали».

Горячий комсомольский вожак и импульсивный журналистский руководитель Мелентий Иннокентьевич Арбатский оставил на память городскому обществу немало ораторских перлов. Вот некоторые: «Построили дом с канонадами», «Ходят с манекенами на пальцах», «Еще не затупилось наше забрало», «Пора проявить хребет», «Да здравствует мир во всем мире и на других планетах», «Но ведь задний проход нам Дриц не показал» (видимо, задворки школы №11), «Обратным стволом на Москву будем работать» (о развитии телевизионной техники), «Ну, выпьем за экономический эксперимент». Это городской

фольклор, это пласт культуры, это память о достойном человеке.

Редакция одарила знакомством с талантливыми людьми. Вот Борис Нилович Новгородов, уроженец деревни Шипняговка Боханского района. Спортсмен, дамский угодник, коллекционер винно-водочной тары. Как-то и я раскопал для его коллекции в подполье на Грязнова длинную узкогорлую шустовскую бутылку «Рябина на коныяке». Пустую, к сожалению. Кто мог написать очерк о сельской пекарне так, чтобы он пах свежим хлебом, кто мог рассказать о лошадях так, чтобы в словах слышалось ржание, запаленный хрип, проступал лошадиный пот. Только он.

Достойная ученица и преемница Идеи Алексеевны Дубовцевой заведующая отделом науки и культуры Бетти Александровна Преловская вела равный разговор с экономистом Геннадием Фильшиным, директором Сифибра Рюриком Саляевым и писателем Анатолием Шастиним. Для этого мало журналистского любопытства, нужна общность интересов и глубокое знание предмета беседы.

«Восточно-Сибирская правда» остается качественным и авторитетным изданием, потому что опытные журналисты, переболев личными пристрастиями, корпоративными и партийными интересами, умеют приподняться над схваткой, сказать «брэк» и развести воюющих по углам. Откровения и изыски неофитов поверяют непреходящими ценностями прошлого. Они специалисты — психолог Элла Климова, правозащитник Людмила Бегагоина, эколог Георгий Кузнецов, строитель Александр Антоненко, организатор сельскохозяйственного производства Геннадий Пруцков, работник культуры Олег Быков. Общественный темперамент и сохранившееся удивление перед днем приходящим делают из них публицистов, к мнению

которых прислушиваются. Я рад, что мне довелось работать вместе с ними.

И не только работать, но и отдыхать. В 70-е годы, когда мы были молоды и достаточно спортивны, в редакции устраивались походы, скажем, на тот же 21-й километр, на дачу. Женщины с детьми добирались на автобусе, а мужчины шли целиком, по лесу, пробивали лыжню. Эти походы носили название «Проходимец-74, 75, 76». На заливе устраивались катание с гор, хоккейные и футбольные матчи, летом — заплывы. Каждый участник получал медаль. Это мог быть отпиленный кусочек сломанной лыжи или спил тоненького бревешка с продернутой бичевкой для ношения на груди. А разве забудешь семейные выезды коллектива на Байкал: то на «Зайсане», то на «Ракете», то на «Матане» — в Маритуй, другие места Кругобайкалки. Ездили даже со своей музыкой. У секретаря-референта редакции Нелли Ивановны Артеменко муж Юрий Дмитриевич, полковник ИВВАИУ, кандидат наук, хорошо играл на баяне. Так вот под этот инструмент мы танцевали и пели песни у костра.

Важное подразделение газеты — соборовский корпус, полномочные представители редакции в городах и районах области, на ведущих стройках. Они хоть и бравировали своей вольной жизнью, мол, ноги с кровати спустил в домашние тапочки и уже на работе, редакция зорко контролировала их деятельность и пропущенной новости не прощала. У соборов был свой куратор — замредактора Юрий Игнатъевич Никонов, а у него гроссбух, где учитывалась вся соборовская деятельность: собственные статьи, организованные материалы, участие в подписной кампании. Некоторые собкоры десятилетиями вели летопись своего города. Едва ли не с первых палаток Братска работал Леонид Игнатъевич Даниленко. Он передал эстафету Влади-

миру Монахову. Весь период становления Усть-Илимска трудился в городе Александр Шафрановский. Будни и праздники округа освещал Лодой Цыремпилов. В Ангарске в разные годы собкорили Иван Кириллович Говорин, Роман Моисеевич Вайнер, Василий Курьянинов и Владимир Зырянов. Жизнь Зимы и стройки Саянска держал под контролем Василий Мединский, в Тулуне трудился Геннадий Гапоненко, в Нижнеудинске — Леонид Войлошников, на БАМе — Владимир Тихомиров и Олег Беседин, в Черемхове — Петр Лень. Каждый приезд собкоров в родную контору на семинар, с отчетом или на областное мероприятие — это встреча друзей и маленький праздник в коллективе.

Любовно взлелеянное дитя Елены Ивановны Яковлевой — общественная приемная редакции. Рожденное в годы хрущевской оттепели, формирование представляло собой своеобразный совет старейшин, выслушивающий посетителей редакции, рассматривающий их жалобы на бюрократические препоны, самоуправство начальников, различные жизненные коллизии. Люди, умудренные опытом, вышедшие на пенсию специалисты разных отраслей, юристы, молодые активисты с творческой жилкой, владеющие пером, они здорово помогали газете, способствовали ее авторитету в обществе. Много лет руководил общественной приемной Зиновий Макарович Беляев, фронтовик, специалист сельского хозяйства. А рядом были Лидия Ивановна Тамм, человек громадного общественного темперамента, почетный гражданин города, спаситель многих заблудших юных душ. Раиса Архиповна Андреева, энтузиаст-садовод, краевед, написавшая историю многих иркутских храмов. Александр Александрович Вендрих, юрист, отец известного историка Германа Вендриха, неугомонный Николай Александрович Турченко,

который и на девятом десятке лет все рвался в бой за справедливость.

Рабселькоры. Рабочие и сельские корреспонденты — мобилизованный и организованный отряд добровольных помощников газеты. Для них проводились слеты, лучшим вручались премии имени Марии Ильиничны Ульяновой. Десятилетиями сотрудничали с газетой нештатные авторы. Их знали и привечали в редакции. Сколько заметок на краеведческие темы написал сокурсник А.П. Окладникова хомутовский учитель Семен Ефимович Нефедьев? Не счесть. О жизни ИРКАЗа и города Шелехова постоянно писал электролизник Владимир Степанов. Книги охотоведа и эколога Семена Климовича Устинова берут начало с его газетных зарисовок. Статьи неутомимого путешественника и ярого полемиста научного сотрудника Института земной коры Александра Алексеевича Кошелева и сегодня появляются на страницах газеты. Как и рецензии театрала и музыковеда Арнольда Владимировича Берковича, чей отец штатно работал в «Восточно-Сибирской правде» и погиб в репрессии 30-х годов. Это золотой фонд газеты, ее опора.

Дача

В 1980 или 1981 году так называемые ответственные и технические работники райкомов, горкома, обкома партии получили участок под дачное строительство на 17-м километре Байкальского тракта. Назвали его «Солнечный». Он действительно располагался на южном склоне, у залива. Это был кусок разреженного леса из берез, осин, сосен и лиственниц. Сами пробивали просеки под будущие улицы, нарежали клеточки по четыре сотки, тянули жребий.

Требования были жесткие — дома ставить по одной линии, одноэтажные, с мансардой. Никаких гаражей и бань, подвал должен быть не более 180 сантиметров высотой. Словом, без нивелирующей глупистики не обошлось. Стоило заведующему строительным отделом горкома Геннадию Саблинскому превзойти положенные пять на шесть метров, то есть зайти за флажки, и упорствовать на содеянном, он лишился партийного билета и, следовательно, должности.

Строились сами. Ребятишки подрастали, им было интересно. На листовничные «стулья» ложились листовничные же окладные брусья, потом на мох и на шканти укладывали стены, сами вырубали дверные и оконные колоды, выводили стропила и крыли дом шифером.

Года три длилась эпопея. Старший сын успел в армию сходить. Хотелось свой дом сделать по-настоящему, чтобы и зимой можно было ночевать. Устроили черновые полы, засыпали их мхом и залили глиной, потом уже на воздушную подушку положили половую рейку.

В журнале «Наука и жизнь» я увидел чертеж печи, подробный, с порядовкой, количеством расходных материалов и фурнитуры. Небольшая, три на четыре кирпича в плане она получилась достаточно функциональной: с плитой, духовкой, тремя ходами. Быстро нагревалась, потому что «зеркала» делались в полкирпича толщиной.

Понравилась печка и соседям. Такие же печи я выложил у Комышевых и Гушиных. А электропроводку на дачах делала Катерина.

За годы строительства дома смягчились нравы и правила, разрешили строить бани. На потолок и пол в нашей бане пошли доски из бывшего особняка архитектора Рассушина (медучреждение проводило ремонт). «Такса одна, — говорят ремонтники, — стеклянная. Нам они не нужны.

Менять будем». Приобрел я десятка два досок. Это были широченные, до полуметра, звонкие кедровые плахи 7–8 сантиметров толщины, сысподу тесанные топором. Ребята еще из благодарности кинули в кузов (пригодится!) пару листов кровельной жести. Развели мы на одном из них на даче костерок, а лист и потек. Чистый цинк оказался.

А на теплицу пригодились старые оконные рамы со стадиона «Труд». Здесь тоже был ремонт, рамы заменяли на новые, старые, многократно покрашенные, выбрасывали. Они оказались из лиственницы, не гнили и держали тяжкий снежный груз зимой. Не всегда, ох, не всегда новое лучше старого.

Перед окнами мы посадили маньчжурский дубок, елку, кедр. Все они росли и благоухали рядом с березками. На углу четырех участков стояла сосна, матерая, раскидистая. В саду росли облепиха, вишня, ирга. Последнюю в период созревания ягод приходилось заматывать марлей или тюлем, иначе воробьи накидывались и съедали сизые сладкие ягоды.

Были крыжовник, смородина, малина, жимолость, клубника. Между гряд (ни разу не наступила!) гуляла Дамка, русский спаниель, прожившая у нас 14 лет. Она меня сразу поразила. Вывожу ее маленькую гулять в лес, возле болотины, где всегда гнездились утки, она вытягивается в струнку и сгибает переднюю лапку — стойку делает. Раз, другой, третий. Потом поняла, что хозяин ничего не пертит в этом деле, перестала стараться

Хитрющая была! Идем мы за черемшой, с кочки на кочку перепрыгиваем, всем семейством. Дамка рядом с хозяйкой — замыкающие. Катя поскользнулась, упала. Дамка видит удобный мостик, перебежала по спине. А потом, чтобы перейти неудобницу, она нарочно сбивает хозяйку с ног, и опять по ней. И так раза три. Может быть,

нам показалось, что она специально это делала, сама собачка не созналась.

Спим летом на мансарде. Лестницу туда сам делал, очень крутая получилась, неудобная. Собака по ней ни разу не поднималась, берегла себя. И вдруг — гроза! Гром, молнии. Чувствуем, кто-то к нам под одеяло лезет. Дамка! Спасайте, мол. Утром сама спуститься не могла, пришлось на руках эвакуировать.

Я считаю, четыре сотки — это форменное безобразие. Было бы 15–20, и народ легче бы переносил тягости, связанные то с одним, то с другим кризисом. И вообще, жизнь в городском муравейнике, в отрыве от земли, на искусственном тепловом и энергетическом крючке, который не дай, конечно, Бог, всегда может лопнуть по причине природного, техногенного или военного характера, ухудшает российский человеческий материал, росший на воле и просторе. По сути, городская организация жизни, стесняя сообщество, неумолимо ведет к снижению рождаемости. У нас столько неосвоенной земли, на которую алчно взирают соседи. Поместья, хутора, заимки — как хотите называйте — вот место жительства большой, здоровой полноценной семьи. Сегодня уже есть возможность обеспечить достаточный набор удобств вдали от города: и свет, и газ, и, прости Господи, Интернет. Сквозь густые ловчие сети города гений человеческого духа скоро и воспарить не сможет.

Дачу по Байкальскому тракту мы позже сменили на другую — по Ангаре, Александровский тракт, 7-й километр, садоводство «Авиастроитель». Это место называют еще «Под скалой». Высокий берег закрывает участок от северных ветров, незамерзающая зимой Ангара бережет насаждения от холодов и создается микроклимат, который позволяет процветать растениям, не выживающим

в других местах. Мы собирали здесь более 10 ведер абрикосов, желтых, спелых, вкусных. Ломились под плодами вишни, сливы. Не надо было пригибать на зиму малину. Плодоносили яблони и груши. Рядом бил незамерзающий и в стужу родник.

Сюда приходили в гости белки, крутились возле кормушек зеленые дятлы, синицы и поползни, ухал на скале филин.

Теперь уже варенья и соленья, которые готовила Катерина, не съедались за зиму все растущей семьей, раздавались друзьям и знакомым.

Зигзаг удачи

В 1978 году я изменил газете. Частично из карьерных соображений, считал, что вырос из сельхозных штанишек, частично из-за бытового неустройства. Жили тогда на улице Грязнова, в неблагоустроенном деревянном доме. Четверо детей, дочка еще маленькая, да и пацаны — школьники. Три печки. Дрова, уголь, вода в колонке. Я в постоянных командировках, все тяготы на плечах Катерины.

Друг Александр Иванович Голованов руководил тогда кинопроизводством на телевидении. Он и порекомендовал меня председателю телерадиокомитета Виктору Петровичу Комарову. Предложение было лестное — главный редактор информационных телевизионных программ. Я согласился, тем более что Комаров обещал помочь с благоустроенным жильем. Работа была суматошная, но интересная, весь день в гуще событий. В «Приангарье» тогда работали Вилен Филиппов, Ольга Тихомирова, Людмила Михеева, Рудольф Берестенев. Был собкоровский корпус тележурналистов и операторов. На студии я познакомился

с Георгием Даниловичем Люстрицким, Теофилом Гордиановичем Коржановским, Сергеем Цулейскири, Виталием Корзуном, Михаилом Поплавским, Владимиром Самойличенко, Людмилой Хочунян (Катиной одноклассницей и подругой детства) и другими интересными людьми.

С квартирой, правда, ничего не получилось. И я чувствовал себя свободным от обязательств, когда заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Петр Федорович Московских предложил поработать в секторе печати. Я сказал ему о своей проблеме.

— Ты только на бюро об этом не говори, — смеясь, предостерег Петр Федорович. — А проблему решим.

И точно. Где-то через год мы переехали на четвертый этаж так называемого «старого» обкомовского дома по улице Ленина, 40. Целых три комнаты. Радости было, не пересказать. Ребята, правда, школу менять не стали, так 13-ю все и закончили, а Василинка (через три года) училась уже в 15-й. В доме жили знакомые люди: Елена Ивановна Яковлева, Иван Кириллович Говорин, Михаил Дмитриевич Горячкин, Радная Андреевич Шерхунаев, Иван Федорович Пономарев.

В секторе печати работали две обаятельные женщины — Ливия Петровна Каминская, Прасковья Федоровна Комлик и бывший «восточкинец» писатель Виктор Петрович Соколов, человек пикнического склада, балагур и рассказчик. В перерывах между анекдотами он готовил «Блокнот агитатора». Ливия Петровна, завсектором, курировала, так это называлось, центрпропрессу и областную печать, Прасковья Федоровна — радио и телевидение, я — городские и районные газеты. Атмосфера в секторе была товарищеской, дружелюбной, гостеприимной, в ней было что-то от литературного салона и клуба по интересам. Сюда на огонек заходили писатели Марк Сергеев, Анато-

лий Шастин, Юрий Самсонов, Геннадий Машкин, соборы центральных изданий Леонид Капелюшный, Юрий Левицкий, Владимир Сбитнев, Петр Добробаба, журналисты областных и районных газет.

Надо сказать, обком партии заботился не только об идеологической составляющей средств массовой информации, но и профессиональном, и творческом росте журналистов. Регулярные обзоры печати, семинары, поездки по области и стране в поисках передового опыта — все это было. За сегодняшней свободой редакций проглядывает какое-то сиротство и заброшенность. Неужели не осталось в жизни ничего, что требовало бы объединения усилий, коллективных потуг, сверки взглядов, сшибки мнений? Еще как осталось, даже прибавилось — проблем экологических, продовольственной безопасности, мировоззренческих, нравственных.

Второй раз меня «трудоустроил» в «Восточке» Леонид Васильевич Мончинский. Опосредованно, конечно. Дело было так. В 1981 году Мончинский принес в газету очерк, посвященный годовщине со дня смерти Владимира Семёновича Высоцкого. Редактор Валерий Павлович Никольский был в отпуске, газету подписывал его зам, Владимир Васильевич Ходий. Он и дал «добро» на публикацию. На сегодняшний взгляд, в материале не было никакой «крамолы», поэту воздавалось должное. Но для партийной верхушки само имя Высоцкого было как красная тряпка для быка. Разразился скандал. Ходию это стоило должности. А осенью заместителем редактора утвердили меня.

Как я вышел из партии

Наотмашь критиковать компартию, в рядах которой состоял более двадцати лет, я не могу. И права не имею.

Потому что был не только рядовым коммунистом, но и входил в руководство, пусть регионального масштаба: член обкома, кандидат в члены бюро обкома. Значит, участвовал в принятии решений и ответственен за них.

Идеи демократизации жизни и перестройки хозяйственного механизма, пришедшие с Горбачевым, народом были восприняты положительно. Возглавь партия этот порыв, мобилизуй научный потенциал, поддержи развитие частных инициатив, и можно было избежать крушения. Но парткомы не смогли переломить устаревшие догмы, остались на позиции собственной непогрешимости и неприятия инакомыслия. Началось центробежное движение национальных компартий, подогреваемое опытными кукловодами. Все осложнялось падением цен на энерго-ресурсы, карточной системой в стране (а как еще можно назвать талоны на мясо и сахар, масло и колбасу).

Нужен был вождь. И появился Ельцин. Помню, после октябрьского 1987 года Пленума ЦК КПСС, на котором с достаточно сумбурной речью выступил Борис Николаевич, в гостиницу «Украина», где собрались редакторы газет, пришел Михаил Полторанин, редактор «Московской правды», единомышленник и друг Ельцина. «Ох, — говорил он, — не переживет этого Борис Николаевич. Может руки на себя наложить. Едва ножницы у него отобрал». Ельцин сказал то, что от него хотели услышать, и за ним пошла романтически настроенная интеллигенция. Понравился он и простому люду: распахнутый и бесшабашный, свой парень, с понятными слабостями.

Детонатором же распада СССР и крушения партийной власти стало, на мой взгляд, обособление Российской компартии, да еще под началом мало кому известного выдвиженца Ивана Кузьмича Полозкова.

По прошествии двадцати лет легко расставлять точки над «и» и раздавать всем сестрам по серьгам. Я этого делать не стану. Выскажу даже для некоторых крамольную мысль: малокровие партийных вождей и позволило избежать большой крови при смене власти. Неизвестно, чем повернулось бы дело, если бы ГКЧП возглавил не опять же невнятный Янаев, а еще авторитетный Горбачев. Форосское сидение лишило осторожного Михаила Сергеевича власти, но опять же достаточно мирно.

Для редакционного коллектива трудным был 1990 год. Разноцветье общественных порывов, различные взгляды на происходящее, разброс в оценках ситуации — все это неминуемо отражалось на страницах газеты. А она была органом областного комитета КПСС. Партийную номенклатуру такое поведение газеты не устраивало. Газете перемывали косточки на двух пленумах обкома. Я получил выговор с занесением в учетную карточку.

А в конце года состоялась областная партийная конференция, на которой коммунисты одобрили создание Российской компартии и влились в нее. Выступал и я. Волновался, был, видимо, малоубедителен, но заявил, что в эту партию не ходок. Был перерыв в работе конференции. Мне казалось, что от меня шарахались, как от чумного. Только Юрий Абрамович Ножиков подошел: — «Держись», — сказал.

Слово надо было держать. Назавтра я сдал партбилет секретарю партбюро редакции Николаю Тихоновичу Волкову. Также поступили и другие журналисты. Не все, конечно.

Нас пробовали «образумить». Приезжал беседовать с коллективом новый первый секретарь обкома Виктор Михайлович Спирин. Не убедил. Видимо было намерение снять редактора с работы. Приглашал меня на беседу

Виктор Павлович Иваницкий, секретарь по пропаганде, интересовался, чем я буду заниматься, если... Но все это без особого напора, не до того было. А там пришел и август 1991 года. Начались иные песни. Ни в какую другую партию я не вступал.

Редакторы тоже где-то люди...

Это я перефразировал знаменитое присловье университетского пестуна журналистской братии Леонида Леонтьевича Ермолинского, когда-то ответсекретаря «Молодежки», многолетнего преподавателя отделения журналистики, профессора, тонкого писателя, русского интеллигента времен давно минувших. Когда стало не-предосудительным, он показывал старинный герб дворянского рода Ермолинских. Леонид Леонтьевич ценил свое время, которого всегда недоставало, и особо неугомонных студентов, посягающих на это богатство, пытался остановить, говоря: «Преподаватели тоже где-то люди». Вот и редакторы тоже.

Первый номер газеты «Власть труда», предшественницы «Восточно-Сибирской правды», подписывал 30 декабря 1917 года (по старому стилю) Николай Федорович Насимович (Чужак), профессиональный революционер-большевик, сосланный в Сибирь. А имя газете дал Пантелеймон Федорович Парняков, наш земляк уроженец Бельска, умерший летом 1919 года в омском госпитале от пули колчаковского патруля. В первый год существования он и редактировал газету. В моем архиве сохранилась любительская фотография П.Ф.Парнякова, подаренная когда-то хомутовским краеведом Семеном Ефимовичем Нефедьевым. Молодое пухлогубое лицо, пенсне на шнурочке, не прибавляющее солидности, и трогательная чернильная

подписать на обороте: «Дорогим землякам — Танечке и Денису Тимофеевичу на память о Поне Парнякове».

А с Н.Ф. Насимовичем мы «встретились» в Ленинграде, на кладбище Александро-Невской лавры. Не на «Литературных мостках», не на Никольском, где просторно расположился Анатолий Собчак и скромно приткнулся Лев Гумилев, но все же близко от центрального собора, в сквере. Здесь их много, богоборцев, у церковных ворот. В 1938 году успокоился Николай Федорович.

В горячечные послереволюционные, в годы первых пятилеток редакторы часто меняли друг друга. Я. Шумяцкий, Б. Резников, Ш. Двойлацкий, К. Федоров, И. Гольдберг (не Исаак, — Израиль), Ц. Винокуров, Н. Янчевский, М. Гоберник, И. Бойцов, Е. Шапиро, В. Петров.

Долгое время журналистское сообщество считало, что за почти вековую историю «Восточки» лишь одна женщина — Елена Ивановна Яковлева была редактором. Но Юрий Петрович Колмаков в своей «Летописи» открыл еще одно имя. С 1 января 1921 года по 11 февраля (месяц!) газету редактировала А.В. Померанцева, старый член партии, делегат X съезда РКП(б).

Благодарную память оставил о себе редактор начала двадцатых годов Георгий Александрович Ржанов. Это его стараниями при газете было создано первое литературное объединение — знаменитое ИЛХО. В его состав входили Иосиф Уткин, Иван Молчанов-Сибирский, Джек Алтаузен, Михаил Скуратов. Ржанов привлек их и к газетной работе. На старых снимках среди сотрудников «Власти труда» мы видим и Иосифа Уткина, и Джека Алтаузена.

Редактор газеты, секретарь губкома партии, организатор народного образования, науки, спорта, и все это в одно время. Человек огромного общественного темперамента, Георгий Александрович редактировал позднее «Ти-

хоокеанскую звезду» и «Вечернюю Москву», был проректором столичного института журналистики. Иркутск он не забывал, приезжал в город, заходил в редакцию. Город тоже помнит Ржанова. Он стал почетным гражданином Иркутска, его имя носят улицы в Иркутске и Слюдянке, с которой связаны годы его детства и революционной деятельности.

Пока не стерлись в памяти редакционные легенды, я и хочу рассказать о человеческих черточках, редакторских слабостях и предпочтениях, нюансах их биографий.

В войну и в первые послевоенные годы редактором «Восточки» был Сергей Иванович Семин. Из партийных выдвиженцев, журналист никакой. В редакционном фольклоре сохранилось воспоминание о том, как он давал указание дежурному по типографии: «Ты набери мне материал вот таким шрифтом». И клонился вбок, курсивом значит. Вот строчка из его критической корреспонденции: «У коровы в грудях не было молока». Но редакторникам надо помнить Сергея Ивановича Семина хотя бы за то, что именно он систематизировал выходные данные газеты. Напряг в конце 1944 года Научную библиотеку университета и установил точный порядок выхода в свет всех номеров «Власти труда» и «Восточно-Сибирской правды». А то ведь путаница шла годами и десятилетиями.

Возраст и болезни уже подсушили и высветлили Андрея Григорьевича Ступко, редактора 50-60-х годов, когда мы были у него в гостях в «железнодорожном» доме, вставшем на месте порушенной Благовещенской церкви, на углу улиц К. Маркса и Володарского. Валерий Павлович Никольский, Леонид Зосимович Лившиц, Михаил Израилевич Давидсон, Сергей Прокопьевич Смирнов — все старые «восточкинцы». И мне свезло.

Вот где потекли воспоминания... Конечно, вспомнили предшественника — Ивана Ильича Кизяева. После назначения на работу он пришел рано, едва уговорил сторожиху бабку Носариху пропустить. Начался рабочий день. Сидит, не выходит и никого не приглашает. Отправили Давидсона, ответсекретарь как-никак. «Будем знакомы. Я редактор. Газета-то делается? Ставь мою подпись». Через некоторое время выяснилось, что и творчеством редактор не прочь заняться. Снова Давидсон: «Захожу утром с полосой. Кизяев наливает стакан водки: «Выпей! Я тут очерк написал. Вот начало и конец. А середину пусть Лившиц напишет, он лес знает». Приболел Кизяев. Материалы домой носили. Пришли забирать прочитанное. Редактор лежит в постели. Рядом на стуле рукопись, прижатая браунингом. «Думаю, автору надо еще поработать над материалом. Заберите!» Поехал Кизяев в Болгарию. Тост там в торжественном застолье произносил: «Что у вас за страна? Я бы пешком ее обошел. А реки? Барахло какое-то».

Писать Кизяева отучил секретарь окружкома партии Балдаев: «Что это у тебя за журналист такой — Ильичов? (редакторский псевдоним). Какую-то глупость пишет все время».

— Вы же мой первый учитель, Андрей Григорьевич, — говорил Смирнов. — В 1941 году (видимо, в Нижнеудинске, где редакторствовал тогда Ступко) получил от вас задание написать об обществе Красного Креста.

— А мой мучитель, — добавил Лившиц.

— Это взаимно, — парировал Ступко.

Заядлый рыбак был Андрей Григорьевич. Ночью убегал из своей дачки на Ангарских хуторах через окно (врачи не разрешали, домашние бдили) и, глядишь, к утру ведро хайрюзов натаскает.

Это особая песня в редакционной жизни — цензура. Руководил этим ведомством долгие годы Николай Григорьевич Козыдло. «Забодать» могли любой невинный материал. Автор хотел бы сказать, что майор Иванов служит в Нижнеудинске, а это нельзя (расположение частей прикрито грифом секретности). «Пусть служит в городе Н.», — посоветует цензор. Журналист пишет, что первое место в конкурсе заняла художественная самодеятельность авиазавода (а согласно «Перечню сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати», авиазавода в Иркутске нет). «А вы напишите просто — промышленное предприятие», — услужливо предложит цензор. Каково?

Они сохранились у меня — эти «Перечни». Завлекательное, доложу вам, чтение. Каждое ведомство прикрывало этим перечнем свои прорехи. О гибели посевов нельзя говорить, о зарплате колхозника — тоже.

Андрей Григорьевич вспоминал случай. «Сижу в кабинете с иностранным журналистом и рассказываю о свободе печати (это у них главный вопрос). Забегает работник секретариата: «Цензура снимает материал!» — «Ты, наверное, не разобрался, — спокойно так говорю. «Я зайду скоро. Проводил корреспондента, зашел в секретариат, рявкнул: «Сколько можно говорить, что при посторонних у нас цензуры нет!» Все молчат. Оборачиваюсь. А этот субчик из-за рубежа тут сидит».

Как выяснилось на посиделках у Ступко, первый строкомер в редакцию «Восточки» принес Семен Моисеевич Бройдо. Из Ленинграда привез. Строкомер — стальная линейка, разграфленная на самые распространенные шрифты — петит, корпус, цицero. Для подсчета строк и, следовательно, гонорара. Строкомер редакции — особенно при ручном и горячем наборе — так же необходим, как термометр — больнице. Правда, у замредактора Михаила

Викторовича Боброва была еще одна мера — «один обхват». Опясывал гранкой свои необъятные чресла — этого было достаточно для любого материала, остальное отрывал и бросал в корзину. Это еще одна неременная деталь газетного быта — редакторская корзина — кладбище для опусов бесчисленных графоманов, крутящихся возле редакции, и последнее пристанище для материалов слабых и «непроходных»

Ах, Семен Моисеевич, Семен Моисеевич! Интеллигент питерской закваски, едва ли не единственный профессиональный журналист в те годы, по каким-то пунктам он, видимо, не устраивал обком и редактировал «Восточку» лишь в перерывах между назначенцами — между Семиным и Кизяевым, между Кизяевым и Ступко. Писал книги об Иркутске, работал на центральном радио и бережно комплектовал газетные вырезки (в основном, из «Восточки») — об очередной пятилетке, о развитии науки и культуры. Подводя итоги, и мне подарил одну — о Читинском творческом семинаре, образовавшем знаменитую иркутскую писательскую «стенку».

Наверное, это были звездные годы «Восточно-Сибирской правды», годы редакторства фронтовички Елены Ивановны Яковлевой. Мажором был пропитан сам воздух. Строились гидростанции, осваивались новые земли. Воздвигались «хрущобы», в которых население из засыпнушек, бараков и подвалов мечтало жить. И журналистам, людям, умеющим удивляться, оптимистам по натуре в своем большинстве, легче было находить темы, отвечающие собственным взглядам и установкам парткома.

Поздний вечер. Галдим, отмечая приезд очередного собкора в кабинете зама Юрия Игнатьевича Никонова. По коридору устало, нарочито топая, проходит Елена Ивановна. Вернулась с бюро. Громко, неодобряюще хло-

пает дверью приемной. Ей еще читать полосы. А на утро бодро, только ей присущим фертом поддернув юбку, она скажет: «Народы! Я тут всю ночь думала, как нам осветить эту тему..»

Подчиненных в обиду не давала, обижала, если надо, сама. Могла позвонить первому секретарю Заларинского райкома КПСС В.Н. Артемьеву и сказать: «Ты что же это, Васечка, телегу на нас накатал? Забыл, как сам журналистом был? Стыдно!»

Бездельников не терпела, пьяниц держала, сколько могла. Сама намучилась с сыном Витей. Хотя бывало, что сотрудник, как в подполье, уходил в запой и только через недели присылал Елене Ивановне телеграмму:

*Командировке все, что можно, выжав,
Ванкарем хребет преодолев,
Охотничьих, подбитых мехом лыжах,
Снешу расправу. Ваш Лузенин Лев.*

Так ведь это не просто заявление. Это стихи. Это признание в любви.

Долго не мог понять, что это так засиживается Валерий Павлович Никольский в своем кабинете. Корректоры ропщут, дежурный мечется, глядя на часы, типография торопит, а редактор все правит полосы. Тонкий стилист, Никольский умел добавить выигрышности любому материалу и любил это делать. И потом, пока последний еще горячий стереотип не лег на вал ротационной машины, не зашелестела в экспедиции завтрашняя газета, все хорошо и спокойно. Это на утро выяснится, что вместо Островов Зеленого Мыса выскочили Острова Зеленого Мясa или замылившиеся глаза дежурной бригады не заметили фривольности в заголовке «За опытом на Маму». И ты стоишь как голый на ветру.

На своем излете партийная власть нервно реагировала на газетные промахи. Умница Евстафий Никитич Антипин, секретарь обкома, главный куратор СМИ, постепенно заводя себя, часто выдавал коронное: «Это же идеологическая диверсия!» Иногда и по ничтожным поводам.

За долгие годы моего редакторства накопилось много такого, что хочется забыть, есть и такое, что стоит вспомнить. За идеологическую верность партийная власть платила редакции хозяйственной заботой. Не надо было задумываться, есть ли на складе бумага, вовремя выдавалась зарплата в строгом соответствии со служебной иерархией. Непросто было привыкать хозяйничать самим, зарабатывать на жизнь. Особенно когда бумага вздорожала сначала в десятки, потом в сотни, а потом — в тысячи раз. А тут еще первый коммерческий Русско-Азиатский банк, лопнув, унес с трудом заработанные миллионы. Зарплату выдавали «жидкой валютой» (Царствие Небесное безвременно ушедшему директору «Кедра» Вячеславу Павловичу Пиманову, он выручил редакцию). А как не вспомнить зашкаливающий за 200 тысяч тираж!

Неуютная должность — редактор, особенно при партийном «прижиме». Находишься между молотом и наковальней. Надо иметь авторитет в коллективе, чтобы за тобой шли, и достаточную лояльность и преданность, чтобы власти терпели. Автор материала, журналист, проанализировав факты, неминуемо выходит на обобщение. — Не надо обобщать, — скажут тебе раз, другой, третий. Выговоры всегда будет больше, чем наград. Хотя и ордена перепадали. Но никто тебя силком не загонял в это ярмо, в это стойло. Сам шел. Да еще победно стучал копытами, слышав призывный звук трубы.

Как там у них

Я поездил по белу свету, только в Австралии и в Антарктиде не был. В составе партийно-советских делегаций, по обмену журналистским и хозяйственным опытом, туристическими маршрутами. Заглядывал в дымящееся жерло вулкана Этна на Сицилии, спускался в пещерную обитель первобытного человека на Гибралтаре, купался в Мертвом море, задирая голову, любовался водопадами в Норвежских фиордах, проигрывал доллары в Лас-Вегасе, бродил по подземным винным погребам на Канарах (бесконечные бочки и бутылки с вином, свисающие сверху окорока). Устроители предупреждали: «Пейте сколько угодно, закусывайте, постарайтесь только на своих ногах вернуться к выходу».

Первой границей была, конечно, Монголия, 1975 год, май. Курица не птица, Монголия не граница, говорили тогда. И курица птицей оказалась, и Монголия — границей.

Хубсугульский аймак, самый ближний к нам. 82 головы скота на каждого жителя, включая новорожденного. Трудолюбивы монголы и хлебосольны. Заходим мы в детский садик, а на столах уже громоздится продукция завода «Архи-пивоны» и дымится мясо. То же — хоть в школе, хоть на ковровой фабрике. Просыпаемся мы однажды, протираем сузившиеся, как у аборигенов, глаза, решаем: «Хватит!» Взмолились, говорим хозяевам, больше чревоугодничать не можем, везите нас на природу, рыбалку покажите, что ли. Подъезжаем к речке Толе. Батарея бутылок и закуска уже ждут на берегу. Но рыбалка была. Аймачный секретарь по пропаганде (виноват, имя забыл) подстреливает из мелкокалиберки трясогузку, обматывает тельце леской, вонзает тройник и закидывает в воду. Река быстрая, вода чистая. Но чувствуется и глубина. Один, другой за-

брос. На третий леска натянулась, взялась рыбина. Все руки изрезал организатор рыбалки, пока вытянул на берег тайменя размером с метровую чурку. Рыбу монголы не ели, не знаю, как сейчас. Было ее — прорва. Наши геологи рассказывали, на «уазике» через ручей переезжаешь — хариусов давишь.

Вторая заграница, разумеется, Карл-Маркс-Штадт (бывший и, как оказалось, будущий Хемниц), город-побратим в ГДР. Иркутская партийная делегация жила в роскошной загородной резиденции. Решили ранним утром прогуляться по городку. Спускаемся с горки на улицу. Видим: немецкие домохозяйки моют тротуары, каждая семья возле своего дома, ведерки, мыло, мочалки, наступать боязно. Возили нас в демократическую часть Берлина (мы там делились секретами агитации и пропаганды), в Дрезденскую картинную галерею, где на нас посмотрела с сочувствием Сикстинская мадонна. Тычутся в руки жирные карпы в канале возле музея, зеленеет патина на восстановленных зданиях, словно и не было войны, английских бомбардировок, разрушивших город.

Поразила дисциплинированность и пунктуальность немцев. Дорога хорошая, но машины тянутся гуськом за какой-то малюсенькой колымагой. Вдруг кто-то пошел на обгон. «Это не немец, — говорит наш водитель, — немец такое себе не позволит». «Русский, наверное», — предполагаем мы. «Скорее всего», — соглашается Ганс.

Белый день, светит солнце, а трактора уже выстраиваются у обочины поля. Перекур, что ли? Нет, рабочий день у пахарей закончился. Какая же это страда?

Что меня поразило в Японии? Не демонстрация с мощными «матюгальниками», встречавшая наш теплоход криками: «Верните наши острова!» Ведь знали, в какое время и к какому причалу пристанем, чтобы встретить во всео-

ружии. Не это. В полуторамиллионном городе Саппоро протекает ручеек, даже с Каей не сравнить, метра два шириной. Камни, песочек, травка, кустики. Ни одного баллона, ни одной бутылки. Чистенько. Рыбы плавают, хоть удочку разматывай.

О машинах рассказывать не буду, сам на ихней езжу. Расскажу о патернализме. Япония, конечно, индустриальная, конвейерная держава. Но вот на полиграфическом комбинате мы узнаем, что два печатника одной квалификации имеют совершенно различную зарплату. Ветеран производства получает в четыре раза больше ихних иен, чем новичок. Конечно же, он будет зубами держаться за место, славить свою фирму и не заторопится устраивать забастовку.

В США производят впечатление дороги, многорядные, благоустроенные, чуть не на каждом километре телефон. Никакого надзора не заметно, но если вы выбросите даже окурок, вскоре вас могут остановить и оштрафовать, на вас наступят законопослушные американцы, участники того же дорожного потока. Пристегиваться в легковом автомобиле нужно не только на переднем сиденьи, но и на заднем. Не только водитель, но и пассажир не может себе позволить выпить в машине пива, это наказуемо.

Самую скоростную, левую полосу автобана может занять машина, в которой едет более двух человек, если ты путешествуешь один, держись правее. Я рассказываю о правилах, существующих в Калифорнии, возможно, в других штатах и другие законы, не вникал.

В Сан-Франциско мы познакомились с земляком, россиянином. Иван Резвой, потомок русской дворянской фамилии (по легенде Екатерина II дала такое прозвище подвижному преображенцу). Программист по образованию, несколько лет живет в Штатах. Чем только ни за-

нимался: работал на ранчо, был ковбоем, ковал лошадей, слесарничал. «Сначала я считал американцев недотепами, — рассказывал Иван. — Ну представьте себе, метеорологи обещают заморозки, надо бы слить воду из труб на приусадебных участках. Никто не чешется. Разморозили. Я потом заработал на восстановлении водопроводных систем приличные деньги. Но позже понял, это невыгодно — делать чужое дело. Не тот навык, больше затрачивается времени. Американцы стараются хорошо делать свое дело, остальное должны делать другие. Понял, что это правильно. Теперь только компьютерами занимаюсь».

В Южной Корее я снова закурил, после шести лет воздержания. Во время перестроечной сумятицы иркутская делегация приехала сюда за опытом. Слушаем, смотрим. Ничего, кроме желтой глины, по большому счету, в стране нет, а второе место по производству автомобилей, пожалуйста. Разработаны такие льготы и преференции для инвесторов, что они как на мед летят. А наши рождающиеся предприниматели и олигархи все стараются завлечь и «обуть». Вышел на улицу, купил пачку сигарет, закурил. Отлегло вроде.

Конечно, инфраструктура у нас пожиже, а климат похестче, стены в домах и производственных помещениях в два с половиной кирпича надо класть. Но, имея в государственных руках природные и энергетические ресурсы, можно нивелировать неудобья пространства и климата. Интересы общества, народа выше соблюдения государственного реноме и обязательств, данных второпях частному собственнику. Я не призываю к возрождению лозунга «Грабь награбленное», есть же экономические расчеты и рычаги. Уж очень цена велика — благосостояние нации. Спешка приватизации заметна и в более «мелких» вещах. Вот отдали в частные руки исконно «государево дело» —

почту. И что? Было хорошим тоном — прочитать газету за завтраком. Сейчас подписчик получает ее на третий день. Конечно, возвращать дело в надлежащие руки — сложно. Стеснительно. Но и стесняться легко, если зарплата хорошая, скажем, президентская, с учительской зарплатой — сложнее.

Вот на Мадейре другое дело. Дома строятся со стенами в полкирпича толщиной. Там даже деревья ходят голые, без коры, эвкалипты — австралийские переселенцы тянутся на десятки метров ввысь, не боясь, что сверху может обжечь холодом или снизу. « У нас на побережье виноград не растет, — рассказывает гид. — Только бананы». И действительно, прет из земли трава с ногу толщиной, виснут на ней гирлянды в несколько десятков килограммов. А виноград облюбовал место повыше, попрохладней. Тот самый, из которого делают легендарное вино — мадеру. Разольют местное вино в бочки, погрузят на корабли и отправляют в плавание. Примерно за кругосветку (за что купил, за то и продаю) вино набирает ароматы дальних стран, горчинку штормов, романтику странствий и возвращается мадерой, терпкой, как поцелуй любви.

Однажды мы с Катей и друзья, редактор «Новой Камчатской газеты» Владимир Гусев с женой Галиной решили объехать материковую Грецию. Взяли в аренду маленький, естественно, японский джипик «Судзуки» с открывающимся верхом (почти лето на дворе!) и отправились в путь. Поскольку общий журналистский лагерь Ассоциации руководителей российских средств массовой информации (это официальная организация) размещался недалеко от Солоник, сначала объехали Халкидику, все ее три «пальца», включая и Афон, но поскольку женщинам туда пути нет, побывали только на обочине монастырских владений. Володя как более молодой, востроглазый и техни-

чески подкованный был водителем; я, как более знающий местность (бывал на Кипре, Крите, в Афинах — почти абориген) — штурман, жены — пассажирки и музы.

Следующим маршрутом были Метеоры, группа православных монастырей, мужских и женских, укрывшихся на скалах от османского преследования в средние века. Они выплыли, как мираж, каменные останцы, облизанные ушедшим древним морем, — растопыренные пальцы, упершиеся в небо (Метеоры в вольном переводе и означают — «висящие в небесах»). Подъем к ним по серпантину начинается от деревушки со смешным именем Кастраки. Сколько же было положено трудов, чтобы при помощи ручного ворота поднять на отвесные скалы каждый кирпич для возведения монастырей. Когда-то этими воротами поднимались сетки с монахами и паломниками, а также провизия и живность. Сейчас благоустройства больше, но подниматься к обителям все равно надо пешком, где — по выбитой козьей тропе, где — по подземной промоине. Русской храмовой роскоши в убранстве монастырей нет, но благолепие, намоленность и древность присутствуют.

На обратном пути штурман допустил первую ошибку — перепутал отворот дороги. Заехали в глухомань. Нашли деревушку. Темная старуха на дороге торгует вишней, запрашивая за нее столько евро, сколько два года назад просила драхм (то ли хитрит, то ли не перестроилась на новую валюту). В единственном общественном здании (полупучта, полукафе, полумагазин), напрягая усталые извилины, пытаемся объясниться. Полиглоты еще те. Галка знает немного немецкий, мы втроем с горем пополам вспоминаем английские слова. Но тут живут тоже не лингвисты, чувствуем.

Первым приходит в себя хозяин заведения, дескать, без бутылки не разберешься. Приносит примерно четверть прозрачного напитка. Наливает по полстаканчика, уходит. Штурман с расстройства выпивает. Чувствую, местный самогон, узо, с характерным запахом аниса, градусов во семьдесят. Возвращается хозяин, он ходил за водой, чтобы разбавить напиток. Удивляется, жестикулирует, показывая, что я сейчас упаду. «Но, меня и дома кто положит», как говорится. Уже женщины пригубили неразбавленного напитка. Водитель держится, чужая машина, чужая страна, да еще и заблудились. Наконец, пришел знающий человек, посмотрел на карту, показал, где надо сворачивать на главную дорогу. Доехали благополучно.

Добавилось уверенности, опыта. Наутро решили: держим путь на Пелопоннес. Миновали фермопильское ущелье, где 300 спартанцев, под началом Леонида противостояли войску персов, поднялись на Афинский акрополь, обошли Парфенон. Вторая ошибка штурмана — мы не заметили «слона» — Коринфский канал. Поднялся ветер, машину чуть не подбрасывало над дорогой, мы и проскочили по мосту, не глядя по сторонам. Смотрю, справа поднимается Акрокоринф, читаю ребятам хрестоматийное:

Когда законные кудахчут куры

По Гинекеям, женским половинам,

Спешат Праксители, Сократы, Эпикуры

К свободным женщинам, Аспазиям и Фринам.

Здесь в земле Акрокоринфа и жили знаменитые гетеры, европейские гейши, к которым приезжали поэты и ораторы Эллады, чтобы скрасить свое одиночество. На запяточках обуви гетер была надпись: «Следуй за мной!», как на машинах, заводящих самолет на стояночное место.

Возвращаться не стали, темнело. Ночевали мы в Микенах, маленькой деревушке, расположившейся в преддверье

мифических Микен — с Львиными воротами, литературной памятью об Агамемноне, Менелае, Прекрасной Елене, Трое, Парисе и Ахилле.

Назавтра, пройдя под Львиными воротами, спустившись в усыпальницу Агамемнона, мы все же вернулись к Коринфскому каналу, отметили доблесть строителей, сокративших на тысячи километров путь кораблей. Искупались в заливе Святой Елены, местные смотрели на нас в бинокли и подзорные трубы (нам-то иркутянам и камчадалам тепло, когда им еще очень холодно). И взяли курс на Спарту. Ну не сразу, заехали в Эпидавр, в музей доктора Асклепия и легендарный театр. Там любая наша «звезда» могла бы петь — рвешь бумажку на арене, а на самых верхних рядах слышно.

Третья штурманская ошибка — я направил машину из Спарты в Каламаку по извилистой, даже на карте, дороге. В натуре это означало — перевал через хребет. Так Володя и ехал, с одной стороны пропасть, с другой — нависающие скалы. Женщины читали молитвы, слава Богу, знают их много. По обочинам указатели: возможен снегопад и гололед. Ни одной машины — ни навстречу, ни за нами. Но Бог милостив, мы проехали там, где легковушкам разрешается ездить не всегда. Спустились с гор ночью. И абориген, перекрыв дорогу, славил нас в Каламаке, как триумфаторов.

Ночлег в Греции — дело простое. Здесь привыкли к туристам, никакой бюрократии, никаких документов. В каждой деревушке есть если не кемпинги, то хотя бы жители, сдающие комнаты путешественникам.

И вообще, уютнее всего мы с Катериной чувствовали себя в Греции. И дело не только в одной вере. И по характеру русские и греки имеют сходство: в бесшабашно-

сти, открытости, безалаберности. О Греции можно писать много, но пора и честь знать.

Мы вернулись в «родную» Халкидику поздно вечером 31 мая и попали на юбилей. Как ни убегал я от него, даже за границу, он настиг. От клуба главных редакторов России вручили знак «За заслуги перед прессой», а попутчики-камчадалы надели на голову меховую корякскую шапку, расшитую бисером.

И все же. Как ни захватывает тебя коррида и ни ласкает песок Коста Браво, но через неделю ты начинаешь скучать по дому, по родным местам. Тут лучше.

Ленина, 40

Василинка родилась, когда мы жили еще на улице Грязнова. После трех пацанов и... девочка. Долгожданная, все внимание ей. И родителей, и старших братьев. Младшему Сергею это не понравилось, он ждал брата. И когда мама с сестренкой выписались из роддома, он посмотрел и ушел. Приходит весь загадочный: «Все! Я договорился. Собирайте. Друхтейны согласны забрать ее, а нам отдать Витьку!»

Няnek у дочки было много. Греется она на солнышке в коляске, а вокруг крутятся ребятишки. Мать заметила что-то неладное. Оказывается, они ее мороженым кормят. Дочка только, как галчонок, рот открывает, наблюдая, чтобы кто не пронес мимо. «Она же простынет, заболеет», — стала увещевать сорванцов Катерина. «Да нет, мама, — отвечает Димка, старший, — мы давно ее кормим мороженым».

После успешного окончания восьмого класса купили мы Диме мопед. Это была его мечта, он всегда тянулся к технике. Чтобы никому не было обидно, они стали ездить

на нем сразу вчетвером. Постеляют на бак меховину, посадят Василинку, за рулем Димка, а сзади, на багажнике, еще Мишка с Сережкой. Одно лето Катерина еще выдержала эти гонки, а потом терпенье лопнуло. И вот когда ребятня, разобрав свое транспортное средство, разложив на брезенте все его части, готовилась к новому спортивному сезону, мать выбрала из железных кишечков какую-то маленькую замысловатую загогулину и выбросила ее в туалет. Как ни билась ребятня, аппарат не завелся. Водители успокоились. А Катерина созналась в содеянном только недавно.

Как я уже говорил, сыновья с переездом на улицу Ленина не изменили 13-й школе и друзьям с улицы Грязнова. А дочке исполнилось на день переезда 5 лет. У нее во дворе образовались подружки: Юля, внучка университетского преподавателя Радная Андреевича Шерхунаева, Ольга, внучка Евлампия Павловича Загайнова, Лена, внучка Виталия Сергеевича Роголя, да с соседнего двора — Юля Малкова и Женя Сулковская. Все вместе пошли затем в 15-ю школу, которую и закончили.

Быстро выросли девчонки: недавно, кажется, копошились в песочнице, потом примеряли банты к школьной линейке, ходили на бальные танцы, становились студентками. А сегодня у Ольги уже четверо детей, Лена — за рубежом, Юля в Москве, Василинка в Питере.

Так сложилось. Если прежние наши жилища так или иначе были местами прибавления, умножения семьи, это стало гнездом, с которого слетали повзрослевшие птенцы. Сначала сыновья друг за дружкой ушли в армию. А вернувшись, женились и обособились.

В 1982 году умерла Катина мама, Мария Ивановна, которая жила с нами. После ее смерти старшей в семье почувствовала себя Маха, небольшая рыжая кошечка с явствен-

ной буквой «м» на лбу. В полусне-полубреду привиделась она Катерине, когда ей делали сложную полостную операцию (уже не первую и не вторую, а мы подписывали соглашение на любой исход). Катина подруга нашла такого котенка. Повзрослев, Маха и лечила Катерину, ложась на больные места, или царапала, чтобы не «засыпала», когда не надо. Маха была чистюлей. Она настояла на том, чтобы у нее было два санузла. Один — по маленькому делу, другой — по большому. Убирать сразу и немедленно! Она была сексуально озабоченная особа. Едва котята отваливались от титек, начинался методический душераздирающий рев — требовался жених. Маха разбиралась в правилах субординации. Бэми, толстой, королевской пуделихе (один гость поначалу озадачился: «Ну думаю, городские совсем с ума сошли, уже баранов в доме держат»), давно живущей в доме, позволялось рявкнуть и даже якобы напугать Маху. Но дом охраняла Маха. Однажды, уходя без ключей в кармане, мы захлопнули дверь и пришлось вызывать на помощь эмчезовцев. Маха порвала в кровь спасателя, пытавшегося проникнуть в форточку на 4-м этаже. Мы, стоя за закрытой дверью, думали, что в квартире бандит и спасатель борется с ним, крича: «Отстань...» (Бэми же со страху — обделалась.)

И когда в доме появился новосел — боксерша Герда, Маха сразу указала ей на место, сгрэбла щенка четырьмя лапами и располосовала, едва отняли. Потом они подружились. Маха с удовольствием заваливалась Герде под бочок. Но надо было видеть, как собака не позволяла себе шелохнуться, пока рядом лежала Маха. Та Герда, которую боялись окружающие собаки, которая ловила и давила на даче крыс, переворачивая бетонные блоки. Гердиных щенят Маха не обижала, но если уж очень доставали, вскрикивала. Тогда подбегала виноватая Герда,

подставляла Махе морду и получала оплеуху за плохое воспитание детей.

Наша библиотека

Это счастливое совпадение интересов у нас с Катериной — собирание книг. И их чтение, естественно. За почти полувековую совместную жизнь я не слышал упрека в том, что потратил даже последние деньги на книги. Перебивались. И в студенческие годы, в день рождения, Катя делала мне подарок, выделив из скромного месячного бюджета энную сумму, понимая, куда я их потрачу. Однажды это было 25 рублей. Деньги, если вы помните, были другие. Естественно, я отправился в «Букинист». И принес домой: четырехтомный словарь Даля, переиздание 50-х годов, большого формата, в коленкоре, зелененький шеститомник Пришвина и красный восьмитомник Маяковского. Как раз хватило денег. Полки, стеллажи я делал сам из подсобных материалов. Хорошо пошли в дело раскладушки, выброшенные во двор инязовского общежития на улице Ленина. Выпиливал негнутые части, сращивал их деревянными втулками, сверлил сквозные отверстия, в которые вставлял гвозди и нанизывал на стойки деревянные полки. Стеллаж распирался между полом и потолком. Однажды нас выручил Катин брат, Вячеслав Михайлович Огородников. Начальник участка треста «Строймеханизация», он был классным сварщиком и сварганил из списанных водопроводных труб рамные двухрядные стойки, которыми мы сразу же перегородили поперек большую комнату.

Как приходили в дом книги? За ними бдения в очередях в магазинах и отделах подписных изданий. Легче всего было в Качуге, конкурентов было немного. А книги, какие

книги были в качугском книжном магазине! Там мы раскопали на полке валявшуюся с 1961 года первую книжку Василия Шукшина «Сельские жители». И уже не теряли его из виду. Из Качуга мы уезжали с большим книжным пополнением. Удобно было в обкоме партии. Сектор печати дружил с папой Карло, так прозвали старичка, хранителя фондов книжного киоска. Каморка была напротив наших кабинетов. Заскрипел в дверях ключ, мы тут как тут. Двухтомник «Опытов» М. Монтеня — редчайшая удача! — приобрел я здесь. Да разве только Монтеня. Простое книгоноши позволяло мне поддерживать отношения с «Родником». Тут я однажды для всех любителей поэзии нашей группы приобрел десяток бордовых сборничков стихотворений Бориса Пастернака 1967 года издания.

Случались находки. В 70-х годах вездесущая дворовая пацанва обнаружила на улице Грязнова заброшенный подвал с книгами и журналами. Подвал этот давно облюбовали бомжи, устроив там нечто среднее между ночлежкой и отхожим местом. Основную массу оставшейся литературы составляли старые журналы XIX — начала XX века — «Русская старина», «Русский вестник», «Русская мысль», «Русское богатство» с пометкой «Дублет». Возможно, здесь были складированы какие-то сверхлимитные запасы «фундочки» после сноса подсобных помещений, когда освобождалось место для установки памятника борцам революции. Делалось, похоже, все в спешке. И среди журналов обнаружили раритеты. Скажем, философия Лагарпа, парижское издание самого начала XIX века на французском языке. Скорее всего, она имела отношение к декабристам. Мы подарили ее Евгению Александровичу Ячменеву, в музей Волконских. А подшивка «Иркутских губернских ведомостей» за первый, 1857 год издания с автографом Нита Степановича Романова, иркутского би-

блиофила. Он еще до революции в журнале «Сибирская летопись» писал, что подшивки первых лет существования газеты являются библиографической редкостью. Это понятно, пожар 1879 года, уничтоживший историческую часть города, не пощадил ни библиотеки, ни частные собрания. Катюша вычищала и обрабатывала формалином каждую страницу этих книг и журналов. Впервые увидел я плачущей ее над этими искалеченными и растерзанными созданиями. Сама она как-то нашла на свалке книгу не в лучшем виде «Искусство врачевания» Ивана Вельцина, петербургское издание конца XVIII века с дарственным словом Екатерине П. Бывали и другие удачи. Как-то брат по журналистике Рудольф Георгиевич Берестенев сообщил, что знакомые старики Василий Васильевич и Анна Ивановна Подлесновы хотели бы продать словарь Брокгауза и Ефрона. Я поехал и увидел 82 полутома первого издания в классическом переплете петербуржца Винклера. Идеальное состояние, ни штампов, ни печатей, то есть книги жили в одних, хозяйских руках. Старики рассказали, что словарь достался им в наследство от служащего железной дороги Лепилова. Сегодня, на исходе лет, их больше интересуют лекарства, а не книги. Цена была приемлемой. Четыре дополнительных тома я разыскал в другое время и в другом месте. Вот они, блещут с полок золотом букв по коже переплетов!

Конечно, нашим букинистическим магазинам трудно равняться с книжными лавками Старого Арбата или Тверской Москвы и Невского проспекта Санкт-Петербурга, однако накопленный культурный гумус столицы Сибири и сегодня еще может порадовать редкостями. Заходишь в «Букинист», а на тебя глядят (опять же золотом с кожи!) 22 тома Большой энциклопедии Южакова. Сегодня это образ, идиома — от доски до доски — мало что говорящая

молодому читателю, а на самом деле это технологическая подробность, три века назад переплеты и делались из двух досок, обтянутых кожей. Такие книги тоже есть в нашей библиотеке.

Помню, в «Букинисте» применялся любопытный клубный прием. Библиофилы оставляли свои заявки в картотеках «Ищу» и «Предлагаю» и так обменивались нужными книгами. У каждого книжника есть свои предпочтения, «фишки» и странности, малопонятные другим. На журнал «Вестник иностранной литературы» я выменял алконовостовский трехтомник Александра Блока в шелковом переплете.

Полезной была дружба с издателями: с безвременно ушедшим от нас Геннадием Константиновичем Сапроновым, Валерием Исааковичем Тененбаумом, благодаря которым я постоянно пополнял полки краеведческой литературы.

А подарки? Сослуживец по «Восточке» Анатолий Иннокентьевич Семенов подарил мне четыре тома «Альманаха библиофила», недостающие в коллекции. Александр Владимирович Гимельштейн — пять томов А. Нечволодова «Сказание о русской земле» и... не только, Станислав Иосифович Гольдфарб два тома «Азиатской России» — роскошное издание времен столыпинской реформы.

Когда дети начали покидать дом, книгам стало вольготнее. Они перестали тесниться на стеллажах и в самодельных шкафах в два ряда. Нам с Катериной всегда стыдно было перед книгами, попадающими во второй ряд. Чаще это были собрания сочинений. Один том, для представления, делегировался вперед, остальные прятались. А тут мы разжились застекленными полками и уравнили право каждой. Оказалось, что стен в трехкомнатной квартире не хватает, книги претендуют и на остальную

жилплощадь. Пришлось с частью библиотеки расстаться. Старинные журналы мы подарили музею истории города, детскую и научно-популярную литературу увезли в школу музыкантских воспитанников, где я был членом попечительского совета. Катя время от времени готовит книжные подборки — то в женскую православную гимназию, то в зарождающийся литературный музей в Качуге, то в детские больницы.

Я видел две домашние библиотеки, которые дадут фору нашей, наверняка, их в городе больше. Прежде всего, конечно, собрание Василия Прокопьевича Трушкина, нашего университетского профессора. Со студенческих времен в нашей семье сохранился его подарок — машинописная перепечатка книги Николая Гумилева «Жемчуга». Когда Василия Прокопьевича не стало, а дочь Анна собралась в Москву, лучшее она, конечно, взяла с собой, остальное предложила посмотреть. Там не было второстепенных, случайных книг. Я ползал по полу, роясь в глубоких шкафах, подолгу торчал на антикварной колченогой стремянке у потолка. Одержимый высокой болезнью собирательства Василий Прокопьевич не мог пройти мимо редкой книги, даже если она у него была. Вот и встречались повторяющиеся по два-три раза тома «Сибирской Советской энциклопедии», каждый редкость. Я приобрел тогда много альбомов по изобразительному искусству, литературную энциклопедию 30-х годов, конечно же, восьмитомник «Литературного наследства Сибири», в составлении и редактировании которого принимал самое непосредственное участие Василий Прокопьевич. И много других книг с экслибрисом Трушкина.

Могучее книжное собрание в семье Станислава Иосифовича Гольдфарба. Он сам активный и удачливый книгоискатель — умножил книжные сокровища тестя, сибир-

ского писателя Анатолия Михайловича Шастина, и тещи Шастиной Елены Ивановны, филолога, фольклориста, профессора Иркутского университета.

Сейчас в нашей библиотеке 10 тысяч томов с гаком в большую сторону. Русская, советская, зарубежная (преимущественно европейская) классика, собрания серии «Жизнь замечательных людей», включая павленковское переиздание, «Литературные памятники», собрания сочинений историков — Карамзин, Соловьев, Татищев, Ключевский, Костомаров, Иловайский, Вернадский. Энциклопедии, справочники, словари. Большой объем «Сибирики», краеведческих, философских, богословских, мемуарных сочинений, поэзия от древней до современной. Альманахи, журналы, газеты... Есть книги, с которыми мы легко расстаемся на время или навсегда, есть такие, что никогда не покидают дом. За детьми и внуками мы не замечаем страсти к собиранию книг. Да и читают они меньше. Телевидение и Интернет отвлекают их от чтения или заменяют его.

Мой Иркутск

Я помню город с пятидесятых годов, с докрупнопанельных времен. Из моря деревянных, в основном, одноэтажных домишек достойно и гордо выплывали кирпичные строения с архитектурными «излишествами». Почти сплошь деревянным был Нагорный (Сталинский, Октябрьский) район, Глазково, Рабочее. Даже на улице Ленина, по четной стороне от Карла Маркса к улице Красного Восстания лепились друг к дружке деревянные магазинчики и жилые дома. Позднейшие наслоения асфальта почти скрыли подвальные этажи домов по Красноармейским улицам. А ведь в каждом подвале, или подклети,

по-местному, жили люди. В Глазково между «Радивкой», Титовкой и Кузьмихой зияли прогалы. Строители Иркутской ГЭС давали микрорайонам времянок потешные имена, например, Третий-первый. В маленьких каменушках исправно трудились керосиновые лавки. За забором Центрального рынка вдоль улицы Держинского благоухали рыбные ряды. Вот бочки с солеными омулями, вот с малосолым, вот с «малым» душком, а вот с «большим». Куда делся омуль с душком, технологию приготовления забыли или успеваем съесть до того, как запахнет? А ведь вкусная была рыба. Рядом с рынком долго еще торчала нерабочая кирпичная водокачка.

Все двойственно в нашем городе. Крупнопанельное домостроение, целенаправленная борьба с излишествами, унификация в кирпичном строительстве позволили избавить горожан от житья в подвалах и коммуналках, но и обесцветили, стандартизировали облик города, то ли Иркутск — то ли среднестатистический Лучегорск. Ох, как необходимы городу, к лицу ему «архитектурные излишества».

Для подрастающих сыновей-школьников мы устраивали с Катериной регулярные воскресные экскурсии по историческому Иркутску. Не только по парадному, вдоль К. Марса и Ленина, но и по боковым улочкам, переулкам, тупичкам и дворам. Вооружались двумя фотоаппаратами (у меня «Зенит», у детей «Любитель») и фиксировали уходящую натуру. Ее было много. Обнаруживались старые уличные вывески «Сарайная», «Русиновская». Как напоминание о давнем большом пожаре меж домами дыбились высокие стены брандмауэров из серовичного камня и кирпича, как обереги лепились к домам и воротам таблички страховых обществ «Саламандра», «Россия», «Золотой якорь». Заброшенные подвальные этажи были отороче-

ны ажурной бронзой и чугунным литьем. Над крыльцом «Детского мира» разевали пасти бронзовые драконы, а в окне витрины бегал настоящий маленький паровоз. Похолодание отношений с Китаем, что ли, заставило городские власти сорвать, крадучись, это благолепие?

По молодости, с другом Валерой Кашевским мы каждую субботу ходили париться. Иркутские общественные бани достойны того, чтобы о них вспомнить отдельно. И в советское время они носили названия по имени старых владельцев — Иванова, Курбатова, Шварца, или по имени улицы, или места, где располагались — Русиновская, на 8-й Советской, Железнодорожные. В Курбатовской были мраморные лавки и мозаичные полы. Шварцевская славилась целебной водой из Ушаковки. В Ивановской чаше, чем где-либо, бывало разливное, естественно, пиво. А первый пар был лучшим, пожалуй, на 8-й. Вещи не запирались, вешались в шкафчик или просто на деревянный колышек (воровства, кажется, не случалось, или не на что польститься было). Запаривался березовый веник (что-то не помню эвкалиптовых, дубовых или можжевельниковых) и начиналось священнодействие. Это правильное присловье: в день, когда паришься, — не старишься.

В «Атласе Азиатской России» графически изображены бюджеты городов начала XX века. Нет равных денежному столбику Иркутска. Он как заоблачная вершина среди плоскогорий и сопок. Сибирская столичность, генерал-губернаторство, торговое средостение между Европой и Америкой, пушнина и золото рождали и привлекали предприимчивых людей и купцов, промышленников, негоциантов, которые сторицей платили своему городу. Именитые горожане, соревнуясь друг с другом, строили храмы, больницы, учебные заведения, библиотеки и сиropитательные дома. В назидание нам, потомкам, на каж-

дом таком заведении нужно установить памятную доску о благодеянии предков.

Только клич кинь, они бы и университет построили, но не захотел вновь испеченный граф Н.Н. Муравьев-Амурский «плодить кляузников». Жаль. За несколько десятилетий университет бы утвердил статус столичности и препятствовал утечке молодых мозгов. Город входил в пятерку имперских центров по подписке на периодические издания.

Революционная сумятица сильно подкосила Иркутск. Вместе с владельцами ушли капиталы. Больших производств и пролетариата в городе не наблюдалось. Даже такая тонкая индивидуальная материя, как название газеты, говорит об этом. На первом революционном всплеске родились и позже сохранили преемственность «Уральский рабочий», «Красноярский рабочий», «Забайкальский рабочий». По-иному было в Иркутске. И первые советские издания — «Единение» и «Власть труда» источали эсеровский и интеллигентский дух. Национализировать было нечего. Индустриализация подтянется позже и достаточно беззастенчиво разместится в городских садах, торговых центрах и набережных. Не на месте, конечно. И при первом послаблении торговый дух города вернет статус-кво.

Свое притяжение к столичности и имперскости продемонстрирует городское сообщество и при установлении памятников Александру III и Александру Васильевичу Колчаку. Лишь несколько нацболов, взобравшись на крышу Белого дома, противостояли разливанному одобрителю морю горожан у вернувшегося на свой пьедестал царя. Не удалась и неуклюжие попытки заткнуть куда подальше творение Вячеслава Клыкова. Расстрелянный адмирал встал рядом с местом гибели и под приглядом храма. Город покаялся в содеянном.

Еще один удар, «убоявшись бездны премудрости» нанесли Иркутску руководители региона, когда именно здесь, на берегу Ангары, а не в Новосибирске планировалось разместить Академгородок. Страна была готова выделить средства, выражала веру, а мы лукаво ссылались на маломощность. С обществом не принято было советоваться.

Музы не уживаются с бедностью. Бедность часто бывает завистлива и мстительна, старается подравнять всех под свой некорыстный рост. Сорвавшись в провинциальность, город стал отпугивать и вытеснять талантливых и неординарных людей. Он не мог (или уже не хотел) поддерживать молодые дарования, дать достойную зарплату ученому, предоставить площадку талантливому режиссеру-экспериментатору. Невостребованность атомизирует городское сообщество, каждый уходит в свою норку, закукливается и плесневеет, бабочка — свежая мысль — уже не вылетит.

Хочется думать, что это в прошлом. Тем более, что есть симптомы, которые говорят о сосредоточении сил. Обновляются и строятся в городе храмы, заметно и общественное участие в этом. Развивается музейное дело. Давно ли музей истории города прозябал в приспособленном помещении на окраине, а сегодня разместился в старинном отреставрированном особняке — в бывшем Кладищевском училище, построенном купцами и меценатами братьями Сибиряковыми в память о рано умершей сестре. Развернул экспозиции на улице Декабрьских Событий музей городского быта, заработал Дом ремесел. И сразу оказалось, что в городе живы мастера, владеющие ремеслами предков, и стало тесно от желающих освоить эти умения, навыки и тайны.

Конечно, всяческой поддержки горожан заслуживает губернаторская идея о возрождении «Городской слободы» в 130-м квартале. Это начало системной работы по сохранению памятников исторической архитектуры Иркутска. Мне кажется, к месту в этой слободе было бы размещение городского букинистического магазина, который ютится сегодня на задворках автовокзала. Какой-то прогал в слободе мог бы занять и «Детский сад» — памятник деревянной архитектуры и народного образования, спрятанный сегодня от глаз иркутян и гостей города позади возрождающейся Харлампиевской церкви. Так была бы решена проблема возле храмового пространства, а восстановленный «Детский сад» мог бы вернуться к выполнению своих прямых обязанностей в жизни слободы.

Ставка страны на развитие тонких информационных, умственных технологий дает городу шанс выйти вперед.

Требуются не высокие трубы, а светлые головы. Значит, будут востребованы наработки наших вузов, научно-исследовательских институтов, рационализаторов и изобретателей, которые никогда не переводились в иркутской среде.

Сегодня

Так случилось, что на закате жизни (что уж лукавить) мы вернулись на круги своя. Поменяли квартиру в центре города, собственно, на углу Ленина и Карла Маркса, на большую в «Новом городе», на улице Партизанской. Заставила растущая библиотека и реформаторские замашки Катерины. Я консерватор в бытовом отношении, а она новатор. Ей время от времени если не квартиру поменять, то уж хотя бы перестановку мебели надо сделать обязательно. Конечно, она была права. И книги стали чувствовать

себя вольготнее, и гараж во дворе. А из окна видны бывшие ясли, где отравили маленького Мишку, и кусок улицы Александра Невского, по которой я и бежал в больницу с сынишкой на руках. Если по прямой, то до старого домишки, где зародилась наша семья, будет метров двести-триста. Он еще цел, хотя большую часть квартала заняли кирпичные многоэтажки.

Как живется на пенсии? Скучать не приходится. Остались общественные нагрузки в научном совете музея города, в президиуме регионального отделения ВООПИиК, в клубе почетных граждан. Нынче я снова председатель экзамнационной комиссии у журналистов госуниверситета. Есть еще творческий клуб «Сан-Рома», организованный по инициативе безвременно ушедшего предпринимателя, уроженца Качугского района, Александра Прокопьевича Колмакова. Эстафету подхватил сын Александр. Президентом в клубе Олег Всеволодович Желтовский. Шефство над Качугским районом, благотворительные акции, творческие вечера, медицинская помощь. Посильное участие и мы с Катериной стараемся принять.

Мы стали чаще видеться с Байкалом. Побывали во многих участках нашего славного моря. Жили в палатке на Святом Носе, поднимались на Байкальский хребет с мыса Кедрового за брусникой, нас встречал в Хакусах сизый туман голубики, едва державшейся на голых кустах. Таскали омулей на бормашевом лове, на исходе сентября в Томпе вода была, как парное молоко. Мы видели его ласковым и гневным, когда суденышко метеорологов «Меркурий» уходило под очередную волну, поднятую Горной, казалось, навсегда.

Для летнего отдыха облюбовали два местечка. Одно на Ольхоне, где озерко сообщается с байкальским заливом и вода, как песок в часах, меняет направление в этом горле.

Годовалый питерский внук Глебка с ревом вынимался из озера, да и то лишь при виде жареного омуля. А второе место — за Курмой, на материковой части Малого моря, где остатки улуса еще сторожит шаманский листвень, а на галечный пляж Байкал выбрасывает обкатанные кварцевые рубила древнекаменного века.

Чаще мы стали бывать в лесу. Осенью только за рыжиками несколько раз съездили в одно укромное место. Даже после снега под пожухлой травой прятались то чуть подвяленные, а то и ядреные грибы. Одни рыжики, другие грибы уже сомлели. Теперь они в подвале. Внизу картошка, морковь, свекла. Выше, на полке, грибы, огурцы, помидоры, перцы, лечо. Еще выше — ягоды, Катерина классифицирует: «Пестрая-1», «Пестрая-2», «Пестрая-3», «Пестрая-4». Четвертая — самая поздняя, самая спелая, самая вкусная.

В 2008 году старший сын Дмитрий предложил «прокатиться» на юг. Поехали вчетвером: невестка Анна и мы с Катей. Взяли палатки, провизию. Бывальцы предупреждали, что ехать опасно, останавливаться на ночлег нужно только у постов ГАИ. Семиместная полноприводная «Тойота-Ипсум» выдержала дорогу в 14 тысяч километров. Шли только днем, на закате останавливались на ночлег. Возле ГАИ было неудобно: шум, гам, большегрузные фуры. Мы рискнули: отъезжаем по проселку в ближайший лесок, колок или лесополосу, ставим палатки, на газовой плитке готовим еду, укладываемся спать. Все обошлось, хотя проверяющие были: не ломаем ли деревья, не палим ли костер.

Худшая дорога — болотные хляби — между Тайшетом и Канском, лучшая — на башкирском плоскогорье, с куском настоящего многорядного автобана и ласковоуважающими воззваниями на обочинах: «Проезжай

прохожий! Не засоряй нашу землю». Сомневались, ехать по Казахстану через Петропавловск (так короче) на Курган или в объезд через Ишим. Сердобольный дальнбойщик посоветовал: «Если вы российские, поезжайте через Россию». Потом расшифровал, мол, и российские, и казахские таможенники будут задерживать, деньги вымогать, все перетрясут, дня три потеряете». Мы послушались.

Оштрафовали нас два раза: сначала меня под Новосибирском — за неправильный обгон, справедливо, потом Димку при въезде на косу Тузла — за то, что пассажиры на заднем сиденье не пристегнуты — не очень правильно, просто денег хотелось.

Мы удивили своих друзей Мончинских, Гусевых, Гущиных, когда добрались до Краснодара и Тамани. Потом было две недели отдыха на Таманском полуострове, а когда надоела постоянная волна на Азовском море, мы переехали на Черное, здесь было тихо. Ставим палатки прямо на диком пляже, за въезд на который, правда, инициативные пацаны берут какие-то рубли, купаемся и загораем. Вскоре, приехали к нам и Гусевы из Краснодара, со своей палаткой. Фрукты и разнообразные напитки недалеко.

Возвращались уже как опытные путешественники, по наезженной дороге, с комфортом, ночевали в кемпингах, недорого и достаточно уютно. Самый дорогой 92-й бензин — за 30 рублей был в Нижнеудинске, почти вдвое дешевле на юге.

...У нас гостеприимный и хлебосольный дом. У хозяйки многодетной семьи сохранилась привычка: берет-ся Катерина варить борщ, ставит маленькую кастрюльку (много ли двоим надо), но заготовленное мясо и овощи туда не входят, в результате все равно получается полведра. Заводит пироги с грибами или рыбой — их хватает на неделю (спасибо, дети помогают справиться). Вот я

пишу эти строки, а она рисует и клеит третью сотню тигрят — поздравить с наступающим Новым годом по восточному календарю почетных граждан города, коллектив «Восточно-Сибирской правды», клуб «Сан-Рома», музей города, родных, друзей и знакомых. Их ждут ежегодно — эти символические подарки. А у ног хозяйки устроился еще один член семьи — английский бульдог. Айс Феличита (ледяное счастье) по паспорту, погоняло у нее Нерпа. Собачонка и похожа на нерпу-белька, упитанная, глаза навывкате, лапки коротенькие, как ласты. А характер строгий, пунктуальный. Стоит сесть за обеденным столом не на свое место, раздастся лай, свет не погасили в коридоре — тоже. Любит бананы и финики, с удовольствием принимает гостей и с неохотой расстается, норовит удержать.

....Мне везло в жизни. У меня были мудрые учителя, есть надежные друзья. Мы понимаем друг друга с Катериной уже не с полуслова, а с полувзгляда. Не прошло и пятидесяти лет, как встретились, а на семейной фотографии уже 18 человек: дети, невестки, зять, внуки. Стало быть демографическую ситуацию в стране мы не ухудшили. Слава Богу, дети здоровы и при деле: есть журналист, есть полиграфист, дочка — юрист. Старший сын остался на земле, пашет, сеет и жнет. Растут внуки, чаще радуют, чем огорчают.

Я подписался бы под этими строчками. Но, увы, у них есть автор — большой российский поэт Арсений Александрович Тарковский:

*Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.*

Льщу себя надеждой, пока в уме и памяти, написать книгу о собственных именах Прибайкалья — названиях

наших местностей, гор и рек. Истоки этих корней уходят в доисторические времена, к народам, ушедшим навсегда или далеко. Без знания археологии, географии, истории, этнографии, знания мертвых и живых языков, не докопаться. Вот и копаюсь 40 с лишним лет. Похоже, есть находки.

Редкие и малоупотребительные слова

Курлыч — дикорастущая гречиха

Саксан — нож, кинжал

Нельма — сибирская рыба из породы лососей

Шпальная ветка — железнодорожный тупик

Моль, молевой сплав — сплав леса по рекам одиночными бревнами

Феня — блатной жаргон

Ботать — разговаривать (жаргонное)

Канать — уходить, идти (жарг.)

Кнокать — соображать, высматривать (жарг.)

Пулять — продавать (жарг.)

Кирюха — приятель (жарг.)

Сучок — некачественная водка на основе гидролизного спирта

Балан — толстое бревно

Руна — стайка рыб

Обласок — лодка-долбленка

Голик — березовый веник без листьев

Шебутной — неуёмный, озорной

Бичевник — береговая полоса

Веря — столб для навешивания ворот

Бодылья — грубые стебли

Быгать — сохнуть на ветру или морозе

Бестарка — грузовая телега

Лабас ритас, лабас дене — литовские приветствия

Люша — промокший насквозь

Обапол, горбыль, швырок — отходы лесопиления

Боны — сплоченные бревна, заграждения

Ё-каргана — восклицание, выражающее досаду

«Кукушка» — маленький паровозик с длиной трубой

Взять на калган — прием в драке, удар головой

Жилка — рыболовная леска

Пестрядь – грубая ткань

Дресва – крупный песок

Паберега – пологая часть берега

Верстатка – инструмент ручного наборщика

Чушка – слиток типографского сплава

Гарт – типографский сплав

Саламат – каша, приготовленная из муки, заваренной кипящими сливками

Арбин – сальное отложение на груди у лошади

Тарасун – спиртной напиток из молока

Боргес, корпус – типографские шрифты

Шпация, шпона – пробельный материал при линотипном типографском наборе

Гранка – колонка набранных строк или ее оттиск на бумаге

Полоса – газетная страница

Талер – стол с металлической плитой для подготовки типографской печатной формы.

Сочинения

Резервы мясного цеха. Иркутск, 1979

Путешествие за метранпажем. Иркутск, 1985 (в соавт.)

Большая родня (Топонимы Качугского района) // Земля Иркутская. 2007. №1 (32).

Хватит чалить с Дона // Земля Иркутская. 2007. №2 (33).

От А до Я по карте области // Земля Иркутская. 2008. №1 (34).

Когда Иркутска не было // Земля Иркутская. 2010. № 1 (36).

Литература о Г.М. Бутакове

Маркова Т. Пить с веток, бьющих по лицу // Четвертая власть. Москва, 1997.

Кто есть кто в Иркутской области. Иркутск, 1999.

Сибирь в лицах. Новосибирск, 2001.

Alma mater, Иркутск, 2003

Иркутск – середина Земли. Хабаровск, 2005.

Семья М.А.и Л.В. Бутаковых: младший сын Слава, Геннадий, Лариса. Тайтурка. 1957.

Комсомолец Геннадий Бутаков.
Братск. 1959.

Друг Валерий Гребенников. Братск. 1959. Фото Г. Бутакова.

Девятый класс. Братск. 1959.

Студенты-филологи в колхозе. Слева направо: Юрий Белых, Олег Кулемза, Евгений Артемьев, Геннадий Бутаков. Аларский р-он. 1961.

Двухпудовку – свободно. Приморье. 1964.

Скорей бы дембель! Приморье. 1965.

М.Ф. и М.И. Огородниковы – родители Екатерины. Иркутск. 1926.

Екатерина Михайловна Бутакова. Иркутск. 1966.

Соднокурсниками. Слева направо: Владимир Губин, Виктор Озеров, Юрий Здериглазов.
Иркутск. 1967.

Учеба позади. Выпуск журналистов 1964–1968 гг. Иркутск. 1968.

С женой Екатериной. Качуг. 1969.

С сотрудниками «Ленской правды» (третий справа). Качуг. 1969.

Бутачата. Слева направо: Дмитрий, Михаил, Сергей. Качуг. 1970.

Мы переехали! Группа журналистов «Восточно-Сибирской правды» в холле нового здания редакции, улица Советская, 109. Иркутск. 1975.

Г. Бутаков и Ю. Подсочин берут интервью в поле. 1975.

Редакторы районных и городских газет Иркутской области на Братской ГЭС. 1980.

Сядей И.А. Бутаковым, участником Парада Победы. Иркутск. 1985.

Дочка Василина с сыном Глебом. Санкт-Петербург. 2008.

Актеры-друзья: В.К.Венгер – Виля и В.П. Егунов – Тятя. Иркутск. 1994.

С активом общественной приемной «Восточно-Сибирской правды». Иркутск. 1986.

Посол США в СССР Джон Мэтлок. Иркутск. 1987.

На встрече с М.С. Горбачевым. Иркутск. 1986.

Встреча с Яношем Кадаром. Иркутск. 1988 г.

Иркутские казаки в редакции газеты «Восточно-Сибирская правда». 1990.

В трудные перестроечные годы «Восточно-Сибирскую правду» поддержал директор «Кедра» В.П. Пиманов (в центре).

На военных сборах с В. Хомутовым. Чита. 1986.

«Восточке» 70 лет. Газету поздравляет Марк Сергеев. Иркутск. 1987.

Редакционный праздник. 1987.

Открытие легкоатлетической эстафеты на приз ВСП. Заместитель мэра Иркутска Сергей Дубровин.

Встреча в редакции с губернатором Б. Говориным. 1995.

С депутатом городской Думы В. Рожковым. 1999.

С поэтом Андреем Румянцевым. Иркутск. 2008.

С корифеем фотожурналистики Эдуардом Брюханенко. Иркутск. 2007.

Чествование ветеранов редакции. Второй ряд, третий справа Ю.А. Ножиков. 1994.

В гостях у Л.Л. Ермолинского. Иркутск. 1999.

Бутаковы, Мончинские. Справа – заместитель министра культуры области С.Г.Ступин. Иркутск. 2008.

Супруги Бутаковы и Хандыго в День Победы. Иркутск. 2009.

С писателями Владимиром Жемчужниковым и Нелли Матхановой. Иркутск. 2007.

На присвоении звания «Интеллигент провинции» в доме Волконских. 2008.

Я – по четным. Она – по нечетным.

День Дарителя в Музее истории города. Слева – директор музея Ирина Терновая. 2006.

Наша семья образца 2004 года: мама Людмила Васильевна, мы с Катериной, дети, невестки, внуки. Трое отсутствуют (не всех удалось собрать).

Стенгазета. Сделана редакционниками на рождение дочки Василинки.

Содержание

Предисловие.....	5
Начало	11
Родословная	12
Тайтурка.....	22
Хлеб	27
Малявки.....	29
Мама, я побегаю?	31
Бремя старшего	35
Как мы делали деньги	38
Игры	40
Школа.....	43
На сплаве	50
Студенческая жизнь.....	54
В зоне затопления	58
Вьется, вьется... или Дембель неизбежен.....	60
Огородниковы.....	66
Улица Александра Невского, 7	72
На Лене-реке	77
Улица Грязнова, 16	88
«Молодежка»	91
«Восточка»	95

Контора	102
Дача.....	111
Зигзаг удачи.....	115
Как я вышел из партии	117
Редакторы тоже где-то люди.....	120
Как там у них.....	128
Ленина, 40	136
Наша библиотека	139
Мой Иркутск.....	144
Сегодня.....	149
Редкие и малоупотребительные слова.....	155
Сочинения.....	157
Литература о Г.М. Бутакове	158

Геннадий Бутаков

Мне и вправду везло...

Корректор: Кром Л.А.
Верстка: Кравцов И.В.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 01.09.2010 г. Формат 60/84/16.
Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 5,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 115.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru